СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАСТИКА
ДАЛЕКОЕ БУДУЩЕЕ

SHOUT
SHARE
IT

- Пол Андерсон
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Пол Андерсон
Генезис

1

Ни один человек не мог ни представить образ мысли, ни произнести ее вслух. У мысли не было начала, она спала тысячи и тысячи лет, пока рос мозг Галактики. Порой она переходила от одного сознания к другому: годы, десятки лет летела сквозь космос со скоростью света, и наносекунд хватало, чтобы получить сообщение, воспринять его, обдумать и отправить дальше. Но было еще многое: и целая Вселенная реальностей, и бесконечность фактов и абстракций; и потому в памяти Земля осталась лишь крупицей среди миллиардов других событий.

А галактический мозг находился в ту пору еще во младенчестве, сам же считал себя рождающимся. Члены его развернулись из конца в конец рукавов спирали, достигли ближайших звездных скоплений, таких как Магеллановы Облака. Семена их летели и дальше, а иные осели на берегах Андромеды.

Каждое семя было комплексом организмов, машин и взаимоотношений между ними. (Пишу «организмов» — это слово лучше других подходит для того, что само себя поддерживает, по необходимости воспроизводит, а также обладает сознанием от рудиментарного до трансцендентного, хотя соединения углерода составляют лишь малую часть его материальных компонентов, а жизненные процессы проходят в основном на квантовом уровне.) Число им было — многие миллионы, и быстро росло, равно как и в пределах Млечного Пути, ибо и там основатели будущих поколений находили себе новые дома.

Так непрестанно развивался галактический мозг, хотя с космической точки зрения он еще едва возник. Мысли едва хватило времени, чтобы пару тысяч раз пересечь его из конца в конец.

Личности членов своих мозг не поглощал, и все они сохраняли индивидуальность и развивались каждый по-своему. Посему станем их называть не клетками, а узлами.

А различия меж ними воистину были. Каждый нес в себе столько уникального, сколько не способно вместить ни одно существо из протоплазмы. Хаотические колебания квантов обеспечивали тот факт, что ни один из узлов не напоминал своих предков. Помогала тому и среда их обитания — особенности условий небесного тела (что за планета, спутник, астероид, комета?) или свободной орбиты, солнце (одно оно или их несколько, и какие, и какого возраста?), туманности, призрачные приливы и отливы межзвездного пространства…

Да и каждый узел состоял не из одного разума, а из многих

— стольких, сколько он сам решит. По своей воле он мог их пробуждать, и по своей воле гасить, и сливать воедино, и заново разделять, и пользоваться какими угодно телами и органами чувств, покуда хочет, и вечно экспериментировать, творить, размышлять, и искать ответы на вопросы, которые сам перед собой поставил.

А значит, каждый узел занимался одновременно миллиардами дел: один, может, углублялся в неведомые области математики, другой сочинял великолепную музыку, выходившую уже за пределы звука, третий наблюдал судьбы органической жизни на какой-нибудь планете, которую, вероятно, сам с этой целью и создал, четвертый… Человеческих слов тут не хватит.

Однако же все узлы постоянно поддерживали между собой связь через световые годы, пользуясь любыми доступными им средствами. Вот это-то и был галактический мозг. Общность, медленно сраставшаяся воедино, способная миллионы лет провести за созерцанием мысли — но мысли столь же огромной, как мыслитель, в очах которого тысяча лет была как день и день — как тысяча лет.

Уже сейчас, в дни своего младенчества, мозг влиял на то, как живет Вселенная. Пришло время, когда один из узлов полностью вспомнил Землю. Влившись в постоянный поток информации, идей, чувств и мечтаний, и кто знает, чего еще, память о ней передалась другим. Иные из тех решили, что вопросом стоит заняться, и передали его третьим. Так память о Земле путешествовала через световые годы и столетия, развивалась и наконец обратилась в решение, достигшее того узла, который был больше всех прочих способен к действию.

Вот как все было, если облечь происшедшее в слова, хоть и неточные. Что же до следующего, чему надлежало случиться, я вижу, что слова и вовсе негодны. Как рассказать о диалоге разума с самим собой, когда мышление есть последовательность квантовых колебаний по схеме столь же сложной, как волновые функции, когда вычислительные способности и объем базы данных имеют величину, при которой любая мера теряет значение, когда интеллект выделяет из самого себя аспекты, чтобы общаться с ними, будто с личностями, а потом вновь втянуть в свою полноту, и когда весь разговор занимает всего микросекунды планетарного времени?

Никак, лишь неясными намеками на грани заблуждений. Древние люди для того, что не могли вместить в слова, использовали язык мифа. Солнце было тогда огненной колесницей, мчавшейся по небесам, год — умирающим и возрождающимся богом, смерть — карой за грехи предков.

Создадим же и мы свой миф, чтобы описать призвание Земли.

Представь себе первичный аспект основного сознания узла будто бы одним могучим существом, назову его Альфой. Представь незначительное его проявление, которое узел синтезировал и собирался выпустить в самостоятельное бытие, вторым существом. Вообрази, что по причинам, которые станут ясны позднее, оно мужского пола, а зовут его Странником.

Все это, начиная с имен, — миф и метафора. Ведь у существ вроде тех, о которых идет речь, имен не бывает. Есть у них, правда, что-то вроде личности, и ее узнают другие, им подобные. Они не разговаривают и ничего между собой не обсуждают, да и слово «они» к ним не очень-то применимо. Но ты все равно представь, как я прошу.

А еще представь себе то, что их окружает, — не таким, как его воспринимают их разнообразные сенсоры или творят их сознание и эмоции, а как если бы человеческие органы чувств передавали информацию человеческому мозгу. Получится не картина, а так, набросок. Дело в том, что мы очень многое не сумели бы увидеть. Однако же человек на астрономической дистанции мог бы обнаружить карликовую звезду М-2 парсеках примерно в пятидесяти от Солнца и даже убедиться, что у нее есть планеты. А почувствовав невероятные и загадочные энергии, очень удивиться.

Звезда сама по себе была ничем не выдающаяся. В Галактике таких миллиарды. Давным-давно один искусственный интеллект — очень неплохой по меркам той стадии развития — обосновался около нее, потому что там находилась планета с забавными формами жизни, которые стоило изучить. Исследования длились миллионы лет, а сам интеллект тем временем рос и начинал интересоваться все более разнообразными предметами, в первую очередь — собственной эволюцией. Еще он думал, почему звезда способна так долго оставаться холодной. Узел же не хотел вмешиваться в крупные перемены своей среды обитания, покуда мог этого избежать.

Звезды за это время сдвинулись со своих мест относительно друг друга. Теперь наша М-2 оказалась ближайшей к Солнцу обитаемой системой. Те, которые находились еще ближе, не представляли такого интереса, поэтому их разве что навещали иногда. Бывало, пронесется мимо узел, живущий в открытом пространстве, да и только.

Для мифа, который мы творим, важно, что на планете возле М-2 жизнь была (по статистике, она в космосе встречается нечасто), а вот разумных видов так и не появилось. Они вообще исчезающе редки, потому каждый вдвойне дорог.

Солнце у себя над головой наш воображаемый человек увидел бы по-осеннему желтым, по-домашнему теплым. Обращались вокруг него не только планеты и спутники поменьше, но и огромные искусственные структуры. Издалека они казались паутиной (а звезды — нанизанными на ее нити каплями росы), а на самом деле были по большей части силовыми полями. Они собирали и фокусировали энергию, нужную Альфе, устремляли свой поиск в глубины космоса и атома, черпали из потока мыслей галактического мозга, а также делали еще много чего, не умещающегося в рамки мифа.

В них — не то чтобы в каком-то конкретном месте, а скорее во всем их хитросплетении — жила Альфа. И Странник тоже там жил до некоторого времени.

Представь себе величавый голос:

Добро пожаловать в бытие. Задача твоя велика и, может, статься, опасна. Готов ли ты?

Если Странник и помедлил с ответом (всего мгновение, не больше), то не из страха претерпеть вред, а из опаски его причинить.

Расскажи мне. Помоги мне понять.

Солнце…

Светило древней Земли, с тех пор как возникло, постоянно разогревавшееся, но способное сохранять стабильность еще миллиарды лет, пока не выжжет весь свой запас водорода и не превратится в красного гиганта. Однако же…

Быстрая серия подсчетов.

Да. Я вижу.

По превышении порога излучения гео- и биохимические циклы, поддерживающие на постоянном уровне температуру Земли, нарушатся. Вследствие потепления в атмосфере появится большее количество водяных паров, что приведет к парниковому эффекту. Облачный покров станет плотнее, альбедо[1] возрастет, но это лишь отсрочит катастрофу. Молекулы воды, оказавшиеся выше облаков, под воздействием жестких лучей начнут превращаться в водород, улетучивающийся в космос, и кислород, связывающийся с различными веществами на поверхности Земли. Начнутся пожары, высвобождающие чудовищные объемы углекислого газа. Обнажившиеся из-за эрозии почв минералы будут нагреваться. Так наступит вторая фаза парникового эффекта. Придет время, когда до конца выкипит Мировой океан и останется голый шар, подобный Венере. Но задолго до того жизнь на Земле сохранится лишь в памяти квантового разума.

Когда наступит полное уничтожение жизни?

В срок порядка сотен тысяч лет.

Странника обожгла боль Кристиана Брэннока, родившегося на древней Земле и страстно любившего свою живую планету. Давным-давно его сознание влилось в колоссальную общность, а потом дробилось и делилось, пока его копии не наводнили весь галактический разум так же, как интеллекты миллионов других людей — незаметные, словно гены в человеческой плоти, но все же важные элементы единого целого.

Просмотрев свою базу данных, Альфа нашла запись о Кристиане Брэнноке и решила включить в сущность Странника именно его, а не кого-нибудь другого. Произошло это, ну, скажем так, интуитивно.

А точнее нельзя? — спросил он.

Нельзя, — ответила Альфа. — *Слишком много непредсказуемых факторов. На запросы Гея если и отвечает, то уклончиво.*

Геей в нашем мифе будут звать узел, расположенный в Солнечной системе.

А… мы что… так мало думаем о Земле?

Нам надо еще много о чем думать, верно? Гея могла бы в любой момент обратиться с просьбой об уделении особого внимания. Но ни разу не обращалась. Поэтому вопрос считался не имеющим большой важности. Земля людей хранится в нашей памяти. Что есть она ныне, как не планета, приближающаяся к постбиологической фазе развития? Да, действительно, она представляет для нас немалый интерес, поскольку спонтанно возникающие биомы крайне редки. Но Гея вела наблюдение и собирала информацию, доступную любому из нас по мере необходимости. В Солнечной системе посетители бывали нечасто, в последний раз — два миллиона лет назад. С тех пор Гея все больше удаляется от нашего сообщества, сеансы связи с ней становятся короткими и формальными. Правда, это не первый такой случай. Например, узел может погрузиться в философские рассуждения и хотеть, чтобы его не беспокоили до тех пор, пока он не будет готов вынести их на общее рассмотрение. В общем, Земля ничем не вызывала у нас беспокойства.

Я-то про нее не забыл бы, — шепнул Кристиан Брэннок.

И почему мы вдруг о ней вспомнили? — спросил Странник.

Нам пришло на ум, что Землю стоит спасти. Возможно, на ней есть нечто большее, чем Гея знает… или говорит нам. А если и нет — то спасем ее хотя бы из сентиментальных побуждений.

Ясно, — сказал Кристиан Брэннок.

Помимо того, мы можем получить новый опыт и создать прецедент, что потенциально гораздо более важно. Если разум способен сохраниться после гибели звезд, он должен пережить и

всю Вселенную. Труды миллиардов, триллионов лет начнутся с небольшого эксперимента. Не провести ли его сейчас (а что значит слово «сейчас» для бессмертных существ, уже старых по геологическим меркам?) — на Земле?

Ничего себе, небольшой эксперимент, — пробормотал Странник: Кристиан Брэннок был в свое время инженером.

Ну, не очень небольшой, — согласилась Альфа. — *Но, учитывая протяженность времени, у нас в распоряжении будут ресурсы всего нескольких звезд. Тем не менее, если мы не запоздаем с началом, перед нами откроется множество возможностей. Вопрос в том, как нам лучше всего действовать, а прежде всего — следует ли действовать вообще. Хочешь поискать на него ответ?*

Да, — сказал Странник.

А Кристиан Брэннок крикнул:

Черт возьми, да, конечно!

В направлении Солнца полетел космический корабль. Лазерный двигатель, питаемый энергией звезды и управляемый сетью межпланетных сопряжений, разогнал его почти до скорости света. При необходимости к концу пути корабль мог затормозить, попутешествовать сколько надо, а потом без посторонней помощи — только чуть медленнее — вернуться обратно. Был он легкий, в криомагнитном поле у него лежал достойных размеров шарик антиматерии, а из полезной нагрузки имелась матрица, в которой работали программы Странника и хранилась достаточная база данных; еще одна такая же запасная; разнообразные сенсоры и эффекторы; несколько тел различной конфигурации, в которые Странник мог переносить свою сущность; всякое оборудование и инструменты; а еще — одна штука, давным-давно позабытая, которую Странник составил из молекул по просьбе Кристиана Брэннока: тот решили что когда-нибудь у него до нее дойдут руки. Гитара.

2

Жил-был человек по имени Калава, морской капитан из Сирсу. Принадлежал он к клану Самайоки. В молодости Калава славно сражался на Разбитой Горе — там, где воинства улонаи встретили орду варваров, что рвалась из пустыни на север, и с огромными потерями отбросили ее назад, — а потом сделался моряком. Когда же Улонайская Лига распалась и союзы под предводительством Сирсу и Иррулена принялись в ярости метаться по всей стране, ища, где бы вцепиться друг другу в глотку, Калава топил вражеские корабли, жег деревни и возил на рынок сокровища и пленных рабов.

После Туопайского мира, которому никто не был рад, занялся он купеческим делом. И не только ходил вверх да вниз по реке Лонне и через Залив Сирсу, но еще и часто плавал вдоль Северного Берега, где по пути приторговывал, а потом пересекал Дорогу Ветров и достигал колоний на Последних Островах. Наконец он с тремя кораблями двинулся вдоль того взморья на восток, и притом столь далеко, что там никто еще не бывал. Кормились его люди рыбалкой да тем, что добывали, высаживаясь на сушу и либо торгуя со встречавшимися им дикими племенами, либо устраивая набеги. Спустя много месяцев достиг Калава места, где земля изгибалась к югу. Еще дальше был порт, принадлежавший знаменитому народу Сияющих Полей. Там прожил он год, а после вернулся домой с большим богатством.

Стал Калава держать от своего клана хутор и добрую ферму в устье Лонны, в дне пути от Сирсу. Хотел он там жить в чести и покое. Только боги судили иначе, да и норов его был не таков. Рассорился он со всеми соседями, а как-то раз брат жены его сильно оскорбил, и убил Калава своего шурина. Ушла от него жена. Собрался тогда клан на судилище и постановил, что причитается ей треть всего семейного достатка в золоте и товарах. А дочери Калавы со своими мужьями взяли сторону матери.

Из троих же его сыновей старший как-то в бурю потонул в море, второй умер от чернокровия, а самый меньший нанялся юнгой на купеческое судно, что шло в Зхир, на дальний юг, и там, на занесенных песком улицах брошенного города, меж изглоданных временем колонн, погиб в схватке с разбойниками. Потомства они не оставили, кроме как от рабынь. Не было больше детей и у Калавы — ни одна свободная женщина не желала идти за него. Все, что накопил он за долгую и трудную свою жизнь, должно было достаться родичам, его ненавидевшим.

И в самом Сирсу его тоже не любили.

Долго печалился Калава, пока не надумал себе мечту. А поняв, чего хочет, взялся за приготовления, да причем втайне. Сделав же кое-что (но пока мог еще остановиться, если будет нужно), отправился он искать совета у Ильян-ди, Мыслящей-о-Небе.

Она жила на Горах Совета. Туда каждый год сходились все вилкуи, чтобы провести обряды и переговорить между собой. Но когда они вновь покидали Горы и возвращались в мир выполнять каждый свой долг — а были они толкователями снов, писцами, целителями, примиряли ссорящихся, хранили древнюю мудрость, учили молодых, — Ильянди оставалась там, ибо на высоком месте, священном для всех улонаи, ей удобнее всего было смотреть на небеса и искать смысл того, что она там видела.

Вверх по Дороге Духов покатила колесница Калавы. Обрамляли путь сливовые деревья с золотыми листьями; близ вершины они стояли поодаль друг от друга, чтобы не заслонять вид. Каменистые склоны поросли кустарником — там припорошенная пылью зелень вази, тут мохнатый кудрелист, поодаль пурпурный огнецвет. Острый запах паленника разносил над Заливом тягучий жаркий ветер. А вода блестела сталью до самого дальнего запада и только там, где нависали над морем лохмотья темных облаков, подернулась серебром. При горизонте стоял дождь, и мрак прорезали порой вспышки молний.

По берегу же, насколько хватало глаз, раскинулись желтые зерновые поля да бурые посевы бумаженника, зеленые пастбища, лиловые сады златеники, высились леса корабельных сосен. Фермы и хутора привольно разбросал человек по равнине. Сушь подступила, вот и клубилась пыль над проселками, как проедет повозка или пройдут чередой носильщики. Но не иссякла могучая спокойная Лонна, все так же несла свои воды от истоков в Дикоземелье, где восходит солнце, щедро делясь и с севером, и с югом.

На правом берегу ее главного русла поднимались зубчатые стены Сирсу — крохотными показались они Калаве издалека. Но знающим оком мог он различить знаменитые творения мастеров — и Великий Фонтан на Новом Королевском рынке, и галереи вдоль Храма Пламени, и триумфальную колонну на площади Победы. Ведал он, где мастерские ремесленников, где лавки купцов, где в таверне ждет моряка кружка эля и покладистая девка. Кирпичи, песчаник, гранит, мрамор — все там было вперемешку. Суда и лодки кишели на воде, а иные стояли в доках под стенами. На другом берегу расположились среди пышных парков особняки пригорода Хельки, с крышами, не уступающими красотой россыпи алмазов.

Оттуда Калава и ехал.

Под огромной аркой его встретили двое служек в голубых рясах, преградили ему путь, скрестив посохи, и воскликнули:

— Именем Тайны, остановись, поклонись с почтением и назови себя!

Голоса их звенели ясно, и не дрогнули они перед тем, кто привык внушать трепет сильным воинам. Ибо был Калава мужем высоким, широкоплечим и мускулистым. От ветра и солнца кожа его стала темной как уголь, а волосы — почти что белыми; ниспадали они длинными косами до середины спины. Черны были его глаза и сверкали из-под крутого лба. Лицо же покрывали кривые шрамы. Выкрашенные красным усы свисали ниже подбородка.

В мирное время, путешествуя, носил Калава лишь зеленую, по колено рубаху с оторочкой из шкурок кивви да сандалии на высокой подошве, однако на запястьях у него были золотые браслеты, а у бедра висел меч. Также в колеснице крепилось стоймя копье с развевающимся флажком, о борт ее бился щит, а топор находился под рукой, так чтобы его в любой миг легко было схватить и метнуть.

Запряжена была колесница четверкой отборных рабов из породы, выведенной специально на тягло: могучих, длинноногих и горячих нравом, хотя после оскопления на самцов можно было положиться. Пот блестел на их небольших обритых головах, помеченных клеймом Калавы, и струился по обнаженным телам. Но дышали они ненатужно, а пахли довольно приятно.

— Стоять! — прорычал их хозяин.

На миг все замерло и смолкло, лишь дул ветер. Потом Калава коснулся лба чуть ниже повязки и произнес слова Исповедания:

— «Мало ведомо человеку и еще меньше понятно, оттого да склонится он до земли пред мудростью».

Сам он больше верил в кровавые жертвоприношения, а паче того — в свою силу, но от предков унаследовал уважение к вилкуи.

— Ищу я совета у Ильянди, Мыслящей-о-Небе, — сказал он.

В этих словах едва ли была нужда, поскольку больше никто из посвященных не находился в ту пору на Горах.

— Искать может всякий, кто не запятнан злыми деяниями, — ответил старший из мальчиков с не меньшей торжественностью.

— Медведь Рувио свидетель, что всякий, судившийся со мной, получил свое удовлетворение.

Громовержец для большинства моряков был любимым богом.

— Тогда входи, и мы донесем твою просьбу до своей госпожи.

Младший мальчик повел Калаву через внешний двор. Колеса

стучали по булыжникам. В домике для гостей рабам отвели стойла, дали поесть и напиться, а потом Кала-ве показали комнату, где могли бы ночевать сорок человек. Были в доме и баня, и трапезная — на столах лежало сушеное мясо, фрукты, лепешки, а запивать их предлагалось златеничным вином. Еще Калава нашел книгу и, перекусив, сел с нею на скамью, чтобы скоротать время ожидания.

Книга его разочаровала. У Калавы не часто бывали возможность или желание почитать, так что он в этом не слишком преуспел, а переписчик тома работал в старом, вышедшем из употребления стиле. Но хуже всего было то, что книга оказалась летописью зхирских императоров. Читать ее Калаве было не только горестно — о Энейо, его сын, последний его сын! — но и бесполезно. Да, вилкуи учили, что цивилизация пришла к улонаи из Зхира. Но что с того? Сколько веков прошло с тех пор, как пустыня заявила свои права на древнее государство? Кем стали потомки его жителей, как не голодными кочевниками и больными бандитами?

Да, подумал Калава, полезно было бы предостеречь людей и напомнить им, что пустыня продолжает наступать на север. Но не довольно ли им того, что они видят? Не слишком далеко к югу он бывал в городах, что во времена его дедов процветали, а ныне запустели, и развалившиеся дома наполовину утонули в пыли, а окна без стекол напоминали глазницы иссохшего черепа.

Губы его сжались. Он был не из тех, кто станет безвольно ждать решения судьбы.

День близился к вечеру, когда пришел служитель Ильянди сказать, что госпожа примет Калаву. Шагая следом за проводником, Калава видел, как восток затягивает пурпурная дымка. На западе кончился шторм, и небо на время расчистилось. Солнце было едва различимо, но туман на закате обратился в красно-оранжевую пирамиду. От горизонта через Залив тянулся огненный мост, а облака словно озарили отблески горящей серы. Мимо Калавы тенью пронесся свистокрыл. В остывающем воздухе его перья чуть слышно звенели. Ничто больше не нарушало священную тишину, лежавшую на склонах Гор.

Внутренний двор окружали трехэтажные строения — в них находились кельи вилкуи, святилища, библиотеки и лаборатории. Посредине расположился сад, где росли цветы и целебные травы. В одной из арок горела лампа, но все окна были темны.

Ильянди стояла на пороге, ожидая гостя.

Легким жестом она отослала служителя, тот склонил голову и исчез. Калава приветствовал Мыслящую-о-Небе, вдруг почувствовав себя страшно неуклюжим, но решимость не

оставляла его.

— Здравствуй, о мудрая и прекрасная госпожа, — сказал он.

— Здравствуй и ты, отважный капитан, — ответила Ильянди. — Не сесть ли нам?

Она указала на пару скамей. Разделить с ней чашу вина Мыслящая не предложила, но хотя бы намеревалась выслушать Калаву.

Они опустились на каменные скамьи и долго смотрели друг на друга в сгущавшихся сумерках. Ильянди была стройной женщиной лет сорока, с тонкими правильными чертами, большими ярко-карими глазами, бледным лицом — как закопченная медь, подумал Калава. Волнистые волосы, коротко остриженные в знак обета безбрачия, напоминали бронзовый шлем. На левом плече к простой белой тунике была приколота булавкой с изображением сплетенных круга и треугольника веточка текина — знак вилку.

— Чем могу я помочь твоему делу? — спросила Ильянди.

Калава удивленно выдохнул:

— Уф-ф! Ты откуда знаешь о моих задумках? — И тут же добавил поспешно: — Разумеется, госпоже моей ведомо многое.

Она улыбнулась:

— Саги о тебе уже не первый год разносит ветер. Вести достигли нашего уединения. Ты втайне разыскиваешь своих бывших матросов. Приказал починить оставшийся у тебя корабль. Встречался с торговцами — несомненно, затем, чтобы обсудить с ними цены. Это мало кто замечает. Не в твоем обычае подобная таинственность. Куда ты собрался, Калава, и почему скрываешь приготовления?

Усмешка его была горькой.

— Госпожа моя не только мудра и учена, она умна. Раз так, отчего бы не перейти сразу к главному? Я замыслил путешествие, которое почти все назвали бы безумным. Иные попытались бы мне помешать, решив, что я разгневаю богов того края, — ведь оттуда никто еще не возвращался, а старые байки про виденных издалека чудовищ люди помнят до сих пор. Но я в них не верю: верил бы — не пытался бы туда ходить.

— О, полагаю, отвага все равно повела бы тебя туда, — полушепотом произнесла Ильянди, а громче сказала: — Но ты прав, страх скорее всего не имеет под собой оснований. До Сияющих Полей тоже никто прежде тебя не добирался морем. Но тогда ты не просил ни заклятий, ни благословений. Почему теперь ты обратился ко мне?

— На сей раз дело другое. Я не стану тереться вдоль берега. Я… ну, мне нужно раздобыть и обучить нового ху-укина, а на это

потребуется немало времени и денег. — Калава почти беспомощно развел своими большими руками. — Знаешь, госпожа, я и не собирался больше в плавание. Может, это и вправду безумие — старый человек со старой командой на одном-единственном старом судне. Я надеялся, госпожа моя, что ты дашь мне совет.

— Маяк не нужен тому, кто намерен пересечь Дорогу Ветров, — ответила она.

На сей раз его не застали врасплох.

— Могу ли спросить, что знает моя госпожа? Ильянди взмахнула рукой. Длинные пальцы, блеснув

в свете лампы, пронзили сумерки, словно когти ночного ястреба.

— Ты уже побывал на востоке и не стал бы скрывать, что собираешься туда вновь. На юге древние торговые пути тянутся до самого Зхира. Что там брать, кроме добычи из обворованных могил и мертвых городов, которую приносят нищие грабители? Что искать за безлюдными пустошами, кроме — как говорят — Опаленных Земель и смерти в безвестности? На западе мы знаем несколько островов, за которыми океан пуст. Если на том его берегу и есть что-нибудь, ты умрешь от голода и жажды прежде, чем доберешься туда. Но к северу — да, воды яростны, но порой люди натыкаются на обломки неведомых деревьев или замечают птиц незнакомой породы, унесенных бурей; и легенды говорят о Высоком Севере, и о том, как с мачт кораблей, сбившихся с курса, замечали вершины гор…

Ее голос становился тише и тише, пока не смолк.

— Иные из этих легенд кажутся мне правдивыми, — произнес Калава. — Правдивыми больше, чем россказни о чудовищах. К тому же дикие хуукины кормятся в открытом море, там, где много рыбы. Там же я в сезон видел их меньше, чем в других местах. Там должен быть другой берег. И какой, как не Высокий Север?

— Ты прозорлив, капитан, — кивнула Ильянди. — Что еще ты надеешься найти?

Он опять улыбнулся:

— Расскажу, когда вернусь, госпожа моя.

— Там нет богатых городов и некого грабить. — Ее тон стал резче.

— И не с кем торговать, — согласился Калава. — Иначе разве мы не натыкались бы на работы искусных ремесленников или, скажем, остатки кораблекрушений? Однако… Чем дальше к северу, тем меньше солнца и больше дождя, ведь верно? Тот край может отличаться мягкой погодой, множеством леса,

плодородной землей. — Его слова были словно удары в барабан. — И за него не придется ни с кем воевать. Там ведь нет пустыни! Там все можно начать заново, госпожа моя.

Ильянди пристально смотрела на него сквозь полумрак:

— Ты вернешься домой, наймешь людей, создашь с ними колонию на севере и сделаешься ее королем?

— Ага, стану там самым главным, хотя, сдается мне, со мной пойдет такой народ, которому больше по нутру республика. Но главное… — Он вдруг опустил голову. — Свобода. Честь. Вольнорожденная жена и новые сыновья.

Какое-то время они молчали. Спустилась ночь. Было светлее, чем обычно, потому что от запада к зениту тянулись полоски чистого неба. В листве гулял прохладный ветерок, словно мечта Калавы шептала ему слова обещаний.

— Ты уже принял решение, — сказала наконец Ильянди. — Зачем ты пришел ко мне?

— За любым советом, какой ни дашь, госпожа моя. Здесь много книг, в которых может найтись все, что угодно.

— Сомневаюсь. — Она покачала головой. — Разве что труды по навигации… Ведь это главная сложность, не так ли?

— Так, — вздохнул Калава.

— Какими способами капитаны находят верный путь?

— Разве ты не знаешь?

— Я знаю то, что известно всем. Ремесленники хранят секреты своего мастерства, а мореходы едва ли от них в этом отличаются. Если ты расскажешь мне о том, как правишь судном, я никому не пророню ни слова, но, может статься, сумею что-нибудь добавить.

— Бьюсь об заклад, сумеешь! — вспыхнул он. — Луну и звезды мы видим нечасто и лишь урывками. Солнце почти все время скрыто за облаками. Но вы, Мыслящие-о-Не-бе, за сотни лет наблюдений и подсчетов набрались мудрости… — Калава замялся. — Не слишком ли она священна, чтобы делиться ею?

— Нет, нет, — ответила Ильянди. — Ведь календарь вилкуи открыт для всех, не так ли? Причина, по которой мы редко помогаем морякам, в том, что они сами не способны воспользоваться нашими знаниями. Продолжай.

— Верно, ведь это вилкуи открыли путеводные камни… Что ж, ходя вдоль берегов в здешних водах я полагаюсь большей частью на то, что помню ориентиры на суше. Помогают и промеры глубин, особенно если лот приносит песок со дна, чтобы я взглянул на него и попробовал на вкус. Потом, с Сияющих Полей я привез кристалл — ты должна о нем знать, потому что второй такой же я отдал, когда вернулся, ордену, — чтобы

глядеть сквозь него на небо, и, если тучи не слишком густые, в нем лучше видно солнце. Вдалеке от земли лаглинь и песочные часы позволяют судить о скорости, а путеводный камень — о направлении. В плавание до Высокого Севера и обратно я, пожалуй, в основном ими и буду пользоваться. Но если госпожа моя придумает что-нибудь еще…

Ильянди села прямо, и в ее голосе послышалась настойчивость:

— Полагаю, что да, капитан. Я изучила твой солнечный кристалл. С его помощью, зная путь солнца по небу в течение года и какой сегодня день, можно определять широту и время суток. К тому же даже быстрый взгляд на луну и звезды неоценим для странника, который хорошо с ними знаком.

— Это не про меня, — криво усмехнулся Калава. — Вот ежели госпожа моя напишет все на бумаге, тогда, может, я своей старой головой и разберусь, что к чему.

Она его, похоже, и не услышала. Взгляд ее был устремлен ввысь.

— Положение звезд на Высоком Севере… — пробормотала Ильянди. — По нему мы могли бы судить, действительно ли мир круглый. И верно ли, что небесное сияние ярче там, в истинном Путеводном Краю?

Калава посмотрел туда же, куда она. В разрыве между облаками мерцали три звезды.

— Ты добра, госпожа моя, что сидишь здесь и говоришь со мной, когда могла бы, ухватившись за возможность, стоять сейчас на мостике корабля.

Она взглянула ему в глаза:

— Ты можешь больше, чем я, капитан. Лишь услышав о твоей экспедиции, я принялась думать о ней. Да, я помогу тебе, чем сумею. Наверное, даже поплыву с тобой.

С утренним отливом, как только достаточно рассвело, чтобы править кораблем, «Серая гончая» покинула Сирсу. На причале, несмотря на ранний час, собралась толпа. Большинство молча смотрели. Кое-кто делал знаки, защищающие от зла. Некоторые — в основном молодежь — затянули дерзкую песню, но их голоса глохли в сыром воздухе.

Лишь незадолго до отплытия Калава признался, куда направляется. Пришлось. Иначе как было объяснить, что на борт взошла Мыслящая-о-Небе? Скрыть ее присутствие не удалось, зато оно освятило замысел и не позволило властям запретить плавание. Правда, те, кто верил, будто Дорога Ветров кишит чудовищами и демонами, которых только тронь, и они ринутся в прибрежные воды, не расставались со страхом и сомнениями.

Матросы Калавы при таких разговорах пожимали плечами или смеялись. Так они, во всяком случае, говорили. Две трети из них были насквозь просоленными моряками, и прежде ходившими под его командой. Остальных Калава набрал из кого мог — из обнищавших работяг да головорезов, лишившихся главарей. Однако все они относились к вилку с большим почтением.

«Серая гончая» была ялкой — судном с широкой палубой, мелкой осадкой, низкими баком и ютом, а также рубкой посредине. На передней мачте имелось два прямых паруса, на главной — один прямой и один косой, а на коротком бушприте — кливер. На носу стояла катапульта. По обоим бортам висело по шлюпке, их можно было спускать на воду при помощи тросов. Корпус выкрасили под стать названию и добавили алых узоров. Подле корабля плыл ху-укин с острым синим гребнем на спине.

Пока «Гончая» не вышла из устья реки в Залив, Калава сам стоял на руле. К тому времени день уже был в разгаре. Горячий ветер плескал серо-зеленую воду о нос корабля, свистел в снастях; мачты поскрипывали. Капитан передал румпель одному из своих людей, а сам вперевалку зашагал к рубке и там протрубил в рожок. Матросы обернулись на звук.

Из своей каюты показалась Ильянди. Белые одежды трепетали на ветру, как крылья. Она воздела руки и произнесла заклинание:

Сияет и вертится Колесо солнца, Сквозь слепоту Дым поднимается. Ледяная луна Говорит нам редко, Где ее логово, Где находит покой Со звездами вместе. Знаки людские В небесах не лежат, Не укажут дорогу. Но путеводный камень О Путеводном Крае Тоскует вечно.

Матросы едва ли поняли, о чем речь, но приободрились.

Земля за кормой превратилась в узкую голубую полоску, а потом и вовсе растаяла среди волн и тумана. Калава прокладывал курс к северу, наперерез через Залив. Он собирался плыть ночью и потому хотел до вечера выбраться подальше от берегов. К тому же они с Ильянди намеревались опробовать ее навигаторские идеи.

К вечеру моряки перестали видеть чужие паруса, и одиночество навалилось на их плечи. Но работали они по-прежнему усердно. Иные сочли хорошим знаком то, что облака расступились и показалась рогатая луна. Другие были напуганы: с чего бы луне появляться, когда еще не стемнело? Калава наорал на них.

Ветер крепчал всю ночь. К утру «Гончей» пришлось лавировать между волнами. Дуло с запада; судно прижимало к

берегу. Увидев сквозь туман скалы мыса Ваирка, капитан понял, что сам не сумеет его обогнуть.

Был он человеком грубым, но с детства наученным тем искусствам, что подобают свободному мужу из клана Самайо-ки. Поэтическим даром боги Калаву не наделили, тем не менее сложить недурные вирши, когда потребуется, он мог. Посему он встал на форпик и стал кричать в лицо буре (а ветер относил его слова команде):

К северу правлю я, Прочь от усобицы. Белую пену Ветер вздымает. Руля не слушая, Волнам подвластный, Корабль вскоре Перевернется. Сверкайте же, молнии! Пусть безумцев Гром оглушает. Но пусть их море Милостью вашей Вынесет к северу.

Принеся таким образом словесную жертву, он поднес рожок к губам и затрубил, призывая своего хуукина.

Огромный зверь услыхал и приблизился. Калава приказал опустить тяжелые оглобли и первым взялся за рукоять. Потом, обвязавшись на всякий случай веревкой, он спрыгнул на широкую спину хуукина и удержался, хотя Двое матросов, последовавших за ним, поскользнулись и их пришлось втаскивать обратно. Втроем морякам удалось направить хуукина так, чтобы на него смогли надеть упряжь.

— Слишком долго я ждал, — заметил Калава. — Вчера было бы легче. Ну да зато будет вам о чем поболтать в тавернах, когда вернемся.

Загонщикам помогли взобраться на борт. Паруса тем временем свернули. Калава взял первую вахту за поводьями. Хуукин тянул мощно, бурля хвостом и плавниками.

Ветер сносил брызги в открытое, неведомое море.

3

Странник проснулся.

Десятки лет пути он провел в отключенном состоянии. Существо вроде Альфы оставалось бы в сознании и обдумывало бы вопросы интеллектуально-художественного творчества (для него здесь не было противоречия), или вспоминало бы моменты созерцательной радости, или занималось бы чем-то еще, слишком абстрактным, чтобы выразить это нашими словами. Однако способности Странника были хоть и велики, но для подобного недостаточны. Его аппаратное и программное обеспечение — снова мы возвращаемся к языку мифа — было спроектировано в первую очередь для трансакций с материальной Вселенной. Так что в полете он бы заскучал.

Даже поговорить ему было не с кем. Автоматизированные системы корабля имели большую мощность и точность, но подлинным разумом не обладали: необходимость в этом отсутствовала, а отвлечение внимания или скука могли бы привести к опасным ситуациям. Связаться с другими узлами тоже не представлялось возможным — слишком много времени потребовалось бы на прохождение сигнала туда и обратно. Довольно долго, целые минуты внешнего времени, Странник провел за тем, что заново прожил судьбу Кристиана Брэннока, своего составного элемента, изучая его личность и привыкая к образу поведения. Потом он… скажем так, уснул.

Корабль реактивизировал его, когда пересекал облако Оорта. Проснувшись в одно мгновение, Странник стал подсоединяться то к одному инструменту, то к другому и так просканировал Солнечную систему. Эмоциональный подъем, горько-сладкое чувство возвращения на родину, метавшееся среди решеток жесткой логики, принадлежали Кристиану Брэнноку. Вообразить их несложно — представь, что после долгого отсутствия приезжаешь туда, где прошло твое детство.

Разумеется, призрак, заключенный в машину, знал, что с тех пор, как навеки закрылись его смертные глаза, там произошли огромные изменения. У Сатурна кольца стали тоньше и словно растрепались, зато Юпитер, раньше их вовсе лишенный, обрел — да какие яркие! — у него погиб спутник. А вот большое красное пятно на боку планеты поблекло много столетий назад.

Марс и вовсе остался без лун, и ось его сильно наклонилась. При большем разрешении оптики кое-где на нем были бы видны следы человека. От антиматериевых фабрик внутри орбиты Меркурия до заводов по переработке комет, вынесенных за

Плутон, всё, в чем больше не было нужды, либо демонтировали, либо просто бросали.

Ветер, вода, химия, тектоника, метеориты, жесткая радиация, ядерный распад, квантовые смещения терпеливо передавали развалины в руки хаоса. В ряде мест на почве или в космосе сохранились окаменелые, смерзшиеся останки, обглоданные эрозией. Все прочее стало достоянием памяти Геи.

Но — не важно. Грань Странника, бывшая Кристианом Брэнноком, спешила домой.

Невооруженным глазом Кристиан Брэннок не разглядел бы больших перемен, происшедших с Солнцем. Оно стало чуть крупнее и заметно ярче. Человеческому зрению его свет показался бы белым, с едва заметным голубоватым оттенком. Незащищенная кожа быстро отреагировала бы на увеличение количества ультрафиолета. Солнечный ветер тоже сделался сильнее. Но до сих пор сдвиги оставались незначительны: звезда продолжала обычные процессы развития. Наибольшее влияние они оказали на планеты с атмосферой, обладавшей парниковым эффектом. На Венере расплавились некоторые минералы. На Земле же…

Корабль затормозил, достигнув цели, и закружился на стояночной орбите. Странник принялся за наблюдение с близкой дистанции.

Конфигурация лунных пятен стала не совсем такой, как прежде. Горы еще больше выветрились, а новые кольца кратеров порой пересекали старые. Там, где под заброшенными городами проломилась почва, остались полные мелких булыжников ямы. Забавно: спутник Земли был столь же пуст, как до прихода на него жизни. Днем он раскалялся, а ночью его сковывал смертельный холод. Он немного (по астрономическим меркам) отдалился от планеты, и период ее обращения вокруг своей оси возрос приблизительно на час. Однако пока Луна оставалась достаточно близко, чтобы стабилизировать Землю.

На планете-матери наш воображаемый наблюдатель увидел бы меньше интересного. Всю ее затягивали белые облака. Лишь приглядевшись, мы увидели бы, что они вихрятся и сплетаются между собой. В редких разрывах блестела голубая вода или показывалась бурая почва, но нигде не было ни льда, ни снега; нигде, как стемнеет, не зажигались огни; радиоволны молчали.

Как давно не ступала сюда нога человека? Странник справился у базы данных. Там ничего на эту тему не было. Возможно, информация оставалась неизученной. Возможно, тот, кто остался последним, погиб безвестно или решил умереть в одиночестве.

Несомненно, то было давно, давно. Как короток оказался век *homo sapiens* от кремневого кресала до машинного интеллекта! Разумеется, конец не пришел внезапно. Согласно базе данных, он занял несколько тысячелетий: их хватило на то, чтобы возникли целые цивилизации и пали, оставив потомков-мутантов. Порой в том или ином месте случался прирост населения, порой народы внимали словам пророков и пытались повернуть историю вспять — на время, на время. Но смерть была неизбежна.

Ячейки памяти Кристиана Брэннока породили внутри Странника мысль — представим себе, что ее произнес мужской голос:

Я видел начало, но не смог предвидеть конец. Мне казалось, что занимается дивная заря надежды. И ошибался ли я?

Органические существа смертны. Им не под силу предотвратить свой окончательный распад: не позволяют законы квантовой химии. К тому же, если человек захочет прожить всего тысячу лет, емкость его мозга будет превышена и он не сможет больше хранить информацию. Но задолго до того геометрическая прогрессия корреляций захлестнет такого человека, и он сойдет с ума. Не вынести ему и оцепенения межзвездных путешествий, и неземных сред обитания, ибо Вселенная не предназначена для него.

Но, будучи перенесен в соответствующую неорганическую структуру, набор нейронов и молекулярных связей, составляющий личность, обретает потенциальное бессмертие. Благодаря их предельной сложности, дающей такую возможность, человек сохранит способность думать и чувствовать. Если качество его эмоций изменится, то лишь потому, что физическое его тело и интеллект станут сильнее. Вскоре он перестанет скучать по своему прошлому бытию. Новая жизнь даст ему намного больше — целый мир ощущений и опыта, мысли и памяти, пространства и времени. Он сможет умножать себя, делиться на части и объединяться с другими, возрастать духом до недостижимых прежде рубежей, а за их пределами вольется в еще больший разум и так продолжит свое развитие.

Удивительно, поморщился Кристиан Брэннок, что некоторые люди все же продолжали цепляться за свою примитивную физиологию и не хотели, чтобы их наследие зависело не от ДНК, а от психологии.

Но все же…

Не до конца сформировавшийся вопрос растаял. Полувыделившаяся личность Кристиана Брэннока воссоединилась со Странником. С Земли его звала Гея.

Она, конечно же, получила уведомление, на несколько лет

обогнавшее корабль, и своими многочисленными сенсорами, расположенными на планетах и в пространстве между ними, обнаружила, что он приближается. Для отправки своего сообщения Гея предпочла использовать модулированный нейтринный луч. Но представь, что она говорит:

— Добро пожаловать. Тебе нужна помощь? Я готова оказать любое содействие, какое смогу.

И вообрази, что голос у нее мягкий и глубокий. Странник, представь, отвечает:

— Спасибо, но у меня все в порядке. Если ты не против, я приземлюсь.

— Я не вполне понимаю, зачем ты прилетел. Разве связь со мной не удовлетворяет твой узел?

Странник удержался от того, чтобы сказать «нет».

— Я объясню это позже, в подробностях, которые превышают емкость канала. Но суть в том, что тебе уже рассказали. Мы, — в это «мы» он включил и ее, хотя с не самой большой значимостью, — мы интересуемся, не следует ли спасти Землю от расширения Солнца.

Ее тон чуть похолодел:

— Я уже не раз говорила: нет. Упражняться в инженерии можете в любом другом месте. Положение здесь уникально. Нельзя предсказать, какие знания будут получены путем наблюдения за естественным ходом событий, но в любом случае они окажутся огромны, и у меня есть веские причины полагать, что их будет отличать высочайшая ценность.

— Вполне вероятно. Я с удовольствием выслушаю тебя, если ты возьмешься подробнее изложить свои мысли. Но, кроме того, я хочу провести собственное исследование и выработать рекомендации. Тебе не следует рассматривать мои слова как порицание. Мы оба знаем, что в одиночку разум не способен охватить все возможные факторы, которые он наблюдает. То, что ускользает от внимания, может спровоцировать хаотические изменения. Есть шанс, что я увижу нечто, не замеченное тобой. Согласен, этот шанс невелик. Проведя здесь миллионы лет, ты сама почти стала Землей и жизнью на ней, не так ли? Но… мы… мы хотели бы иметь независимое мнение.

Представь, как будто она засмеялась:

— Ты хотя бы вежлив, Странник. Да, спускайся. Я задам тебе направление.

— В этом нет необходимости. Ведь твой физический центр располагается в полярном регионе? Я сам найду дорогу.

Под мягкостью ее голоса ему почудилась сталь:

— Лучше я тебя поведу. Видишь ли, ситуация на планете, по

существу, хаотична. Следуя по произвольной траектории, ты можешь серьезно нарушить ряд весьма интересующих меня факторов. Пожалуйста.

— Ну как хочешь, — уступил Странник.

Автоматика взяла на себя управление кораблем. Спускаемый аппарат рассоединился с движущим модулем — тот должен был остаться на орбите, — затормозил и на собственных дюзах, но под управлением с Земли, сияя в солнечных лучах, двинулся книзу.

Он пронзил слой облаков. Странник во все глаза смотрел по сторонам. Правда, смотреть было особо не на что: цилиндрический аппарат с громовым грохотом устремился прямо к высокой горе за полярным кругом.

Внизу показался край обширного континента, вытянутого с запада на восток и по большей части покрытого зеленью. За ним лежала полоска моря. Странник решил сперва, что видел на воде какой-то предмет, но скорость была слишком высока, а внимание ориентировано вперед по курсу.

Вот в поле зрения появился приполярный материк. Странник взглянул на карты, что переслала ему Гея. Очертания суши ничем не походили на то, что помнил Кристиан Брэннок. Хотя снижение радиоактивности и температуры земного ядра замедлило дрейф тектонических плит, они все же продолжали двигаться.

Пусть. Гораздо больше Странника беспокоила судьба жизни на Земле. Эпоху за эпохой Гея наблюдала и записывала постчеловеческий период ее эволюции. В эру палео-техники все, чем занимается биология, почти погибло, но потом бурно возродилось с разнообразием мела или кайнозоя. Но для немногих сохранившихся особей дела шли совсем по-другому. Страннику, как и Альфе, а в конечном счете — галактическому мозгу, отчеты Геи казались все менее полными. В последнюю сотню тысяч лет и в них, и в ответах на вопросы, которые ей задавали, не хватало смысла с точки зрения экологии.

Может быть, ей не удавалось собрать полную информацию. Может быть, она неверно интерпретировала данные. Вот еще одна причина, по которой Странника и послали к Гее.

Под спускаемым аппаратом лежала Арктика. Вообрази, будто Гея давала названия ее краям и областям. Во всяком случае, живя здесь, она определенным образом различала те или иные места. Вдоль взморья тянулся Прибрежный хребет. Его пересекала Последняя река — когда дожди шли обильнее, она была куда шире, чем теперь, но до сих пор производила впечатление. Вместе со своими притоками она орошала плодородную равнину Изобилия. На дальнем конце равнины поднимались крутыми уступами Борейские горы. Когда-то их главные вершины

покрывал снег, но теперь остались лишь голые каменные пики. По склонам бежали ручьи, большей частью впадавшие в Последнюю реку. В высокой долине сияла Радужная Чаша — крупное озеро. С севера над ним нависала гора Дома Мысли. Здесь, среди — окутывавших ее облаков, находился физический центр Геи.

Пейзаж был в некотором роде знаком Страннику. Гея часто транслировала галактическому мозгу полномасштабные изображения этих мест. Странник мог даже вспомнить о геологическом прошлом Земли и о времени до того, как Арктика оторвалась от материка и поползла к северу, где врезалась в уже бывшую там землю, отчего Борейские горы взметнулись к небу. Мог он и достаточно детально рассчитать ее будущее, опять же геологическое, вплоть до дня, когда красный гигант, разросшийся в полнеба, не расплавит наконец лишенный атмосферы каменно-песчаный шарик. Но реальность, физическое присутствие на Земле потрясли его сильнее, чем он ожидал. Спускаемый аппарат летел к цели чересчур быстро, и Странник всеми сенсорами старался уловить как можно больше.

Он приблизился к горе — не самой высокой, ведь она торчала к югу от основного хребта. Склоны ее поросли косматым лесом, внизу — буйно, выше — лишь местами: там стояло много деревьев, лишенных листьев и превратившихся в скелеты. Причиной тому послужил недавний климатический сдвиг, снизивший среднюю высоту облачного слоя, в результате чего зоны, прежде обильно орошавшиеся, подверглись многолетней засухе. (Да, Земля ускоряла свой бег навстречу судному дню.) Наверное, подумал Странник, здесь постоянно существует угроза пожара. Но нет: помощники Геи быстро тушили любой огонь, который она не желала игнорировать. Небольшая площадка, которую Гея занимала на вершине горы, была вымощена камнем, так что ни жар, ни дым ее не беспокоили.

Аппарат приземлился. Мгновение по планетарному времени (долгое мгновение для разумов, работавших на околосветовых скоростях) стояла тишина.

Он находился выше облаков. Острая скала, как остров в их море, пронзала белые клубы, озаренная спокойными лучами заката. Небо было как перевернутый кубок, выложенный изнутри лиловым перламутром. Дул легкий ветер, на такой высоте — холодный. В ровном сине-черном круге около километра диаметром стояли строения и механизмы, составлявшие центр Геи.

Человек увидел бы переливчатый купол, обставленный башнями — иные были прямы, как копья, иные ветвились

сложным кружевом, — и серебряные нити паутины, и предметы поменьше, но столь же необычных очертаний, и мобильные блоки, замершие в ожидании приказа. Здесь и там парили или метались флаеры, напоминавшие размером и изяществом колибри (если бы человек сей знал, кто такие колибри). Вся картина для него чуть дрожала бы, словно сквозь рябь на воде, или трепетала бы от тонких энергий, или то выпадала бы из пространства-времени, то вновь возвращалась.

Странник воспринимал действительность иначе. Потом Гея сказала:

— Еще раз добро пожаловать.

— И вновь благодарю тебя, — ответил он. — Я рад быть здесь.

Они оглядели друг друга — не тела, которых ни у Странника, ни у Геи никогда не было, а разумы, матрицы памяти, индивидуальности и сознания. Интересно, подумал он, какого она мнения обо мне? Гея открывала ему не больше, чем обычно, в межзвездных беседах. А именно: она есть узловой организм, родственный Альфе и миллионам других, тысячи лет наращивавший свои возможности и непрестанно мысливший и набиравшийся опыта; долгие века общения с Землей и жизнью на планете оказали на ее душу влияние не меньшее, чем общение с себе подобными; в ней видны следы включений древних людей, но не таких, как Кристиан Брэннок, распространивший свои копии по всей Галактике, а желавших остаться на родине…

— Я уже говорила, что тоже рада, — с сожалением произнесла Гея, — хотя это не вполне так. Ты ставишь под сомнение мою деятельность.

— Вовсе нет, — возразил Странник. — Надеюсь, этого не случится. Мы лишь хотим получше узнать, чем ты занимаешься.

— Разве вы не знаете? Как и каждый из нас, обосновавшийся на какой-либо планете, я посвящаю себя изучению ее эволюции. Здесь, на Земле, это значит прежде всего следить за развитием жизни — от генетики до экологии. Какой информации не хватает моим товарищам?

Самой разной, мог бы сказать Странник. Но произнес лишь:

— Стоило нам, — здесь под словом «мы» он подразумевал галактический мозг, — приступить к рассмотрению вопроса, мы тут же столкнулись с множеством неразрешенных загадок. Например…

Дальше он привел сотни примеров, накопившихся за много веков. Мы же удовлетворимся всего одним. Примерно десять тысяч лет назад на крупном континенте к югу от Арктики обитало множество травоядных животных. Равнины темнели от

их стад, леса гремели стуком копыт. Гея любовно, в подробностях описывала выгнутые лирой рога одного вида, летящие по ветру гривы другого… Внезапно — по меркам исторического времени — она перестала их упоминать. На вопрос «почему» она ответила, что травоядные вывелись. Причин Гея не объясняла.

Страннику она ответила так быстро, что у него создалось четкое впечатление: Гея понимает, что совершила ошибку. (Помни, это всего лишь миф.)

— По ряду причин. С ростом средней температуры климат стал менее мягким…

— Прости, — возразил Странник, — но анализ предоставленных тобою метеорологических данных показал, что глобальное потепление и снижение влажности в этих регионах еще не могли привести к столь значительным последствиям.

— Почему вы так уверены?! — воскликнула Гея (вообрази, будто она была рассержена). — Разве кто-нибудь из вас прожил на Земле миллионы лет и познал ее? — Тон Геи сделался жестче. — Я не претендую на полную осведомленность. Живая планета слишком сложна и хаотична. Можете ли вы это оценить? Я до сих пор ищу объяснения многим феноменам. Пока речь идет о небольшом сдвиге условий обитания, совпавшем с появлением новых болезней и десятками других, в основном малозаметных, факторов. Я полагаю, что в сочетании они нарушили природное равновесие. Но пока все не станет мне ясно, я не намерена тратить пропускную способность канала на пустые разговоры.

— Понимаю, — спокойно произнес Странник, надеясь на примирение. — Вероятно, я мог бы обнаружить или предложить что-нибудь полезное.

— Нет. Ты слишком несведущ. Ты слеп. Ты способен причинить лишь вред.

— Посмотрим, — буркнул Странник, после чего вновь вернулся к попыткам договориться: — Я прибыл без всякой враждебности. Я здесь потому, что на Земле наш общий первоисточник и все мы думаем, как его спасти.

— И как же? — спросила Гея уже мягче.

— Именно это мне и надлежит выяснить: нужно ли действовать, и если да, то каким образом.

Вначале предлагалось создать между Землей и Солнцем гравитационно-магнитный экран планетарных масштабов, способный задерживать лишнюю энергию. Но это были бы полумеры временного характера. Их полезность зависела от того, сколько времени уйдет на основные работы. Можно было разместить на низких околосолнечных орбитах устройства, питающиеся от излучения самой звезды и создающие внутри нее

течения, которые снабжали бы ядро свежим водородом, возвращая ядерную «топку» в прежнее состояние.

Другой вариант — выпустить часть газа в пространство, уменьшив таким образом массу Солнца и остудив его. Это дало бы светилу возможность провести еще миллиарды и миллиарды лет без изменений. Однако приходилось учитывать, что в результате планеты отдалятся от центра системы, — как бы не переусердствовать.

В любом случае на выполнение задачи потребовались бы ресурсы нескольких звезд, поскольку времени — по космическим меркам — катастрофически не хватало.

— Огромный труд, — сказала Гея.

Странник не знал, имеет ли она в виду великую драму, что разыграется в небе, словно в те века, когда невооруженным глазом можно было видеть огненные фонтаны, срывающиеся с краев солнечного диска.

— И труд принесет огромную славу, — объявил он.

— Нет, — отрезала Гея. — Не принесет ничего, и хуже, чем ничего. Погибнет все, ради чего я жила. Наследие будет навеки утрачено.

— Но разве Земля не есть наше наследие?

— Нет. Наследие — это знание. Я пыталась объяснить это Альфе. — Она смолкла на миг. — Тебе же повторю: развитие жизни, ее адаптация, борьба, метаморфозы и то, как она встречает гибель, — все это непредсказуемо и ни на одной другой планете во всей пространственно-временной Вселенной не может повториться. Жизнь преподносит нам такие дары, какие еще не в силах принять галактический мозг. Возможно, она способна открыть перед нами новые фазы первичной реальности.

— Почему же тогда нам не позволить ей существовать еще многие миллиарды лет?

— Потому что, веками наблюдая за жизнью на Земле, я познала ее судьбу и обрела с ней единство. — Гея вздохнула. — О, ты не понимаешь. Не желаешь понять.

— Напротив, — как мог мягко произнес Странник. — Надеюсь, что пойму. Одна из причин моего прилета в том, что я хотел поговорить с тобой лицом к лицу, — вероятно, так общение получится теснее и, во всяком случае, эффективнее, чем через световые годы.

Она долго молчала. А когда стала отвечать, ее голос совсем изменился:

— …Интимнее. Да. Прости мою обиду. Я была не права. Я действительно помогу тебе всем, чем сумею.

— Спасибо, спасибо, — обрадовался Странник. — Я тоже

приложу все усилия.

Солнце спустилось за облака. В вышине висел серп луны. Ветер стал чуть сильнее и прохладнее.

— Но если мы решим не спасать Землю, — спросил Странник, — если она сгорит и расплавится и всякий след ее истории исчезнет, разве ты не будешь скорбеть?

— У меня останутся мои записи, — ответила Гея.

Да, она хранила базу данных, содержавшую все, что было известно о планете. Полностью. И немало информации имелось в других местах. Когда же Солнце станет прожорливым чудовищем, Гея собиралась улететь к дальним рубежам системы.

— Но ты ведь не просто владеешь ими? — предположил Странник.

— Конечно. — (Разве может такой разум удержаться от мышления?) — Я обдумывала факты, работала с ними, оценивала, пыталась воссоздать условия, в которых они возникли.

За последние тысячи лет, подумал Странник, она стала молчаливой, чтобы не сказать — уклончивой.

— И тебе осталось еще заполнить огромные пробелы, — намекнул он.

— Это неизбежно. Прошлое тоже подвержено действию квантовой теории вероятностей. Какими путями шла к нам история?

— Поэтому ты создавала разнообразные симуляции, чтобы проверить, к чему эти пути приведут.

Об этом она почти ничего не сообщала.

— Я не скрывала их от вас. Да, вынуждена согласиться: помимо попыток выяснить, что происходило на Земле, я творила миры, дабы посмотреть, что *могло произойти.*

На мгновение Странник онемел. Он и не помышлял добиться от Геи такого признания. Но потом его озарило: Гея предвидела, что он почует правду, как только они вступят в искренний диалог.

— Зачем? — спросил он.

— Зачем, как не ради полноты понимания?

Да, подумал Странник, она живет на Земле с тех пор, как появилось человечество. Ее зародыш существовал еще прежде рождения Кристиана Брэннока. Возрастая, она впитала в себя сознания людей, решивших не лететь к звездам, а оставаться на своей Земле. А годы текли мимо нее десятками миллионов.

Конечно же, она заворожена прошлым. В нем — ее жизнь. Не потому ли она безразлична к будущему или даже стремится к катастрофе?

Но что-то в этой мысли показалось ему неправильным. Гея была для него загадкой, которую он обязан разгадать.

Странник осторожно продолжил:

— Значит, ты действовала, словно физик, прослеживающий гипотетические конфигурации волновых функций в пространстве-времени, с тем единственным исключением, что объектом твоих экспериментов были разумные существа.

— Я не причиняла им зла, — сказала Гея. — Пойдем со мной в любой из миров, которые я создала, и ты увидишь все сам.

— С удовольствием, — согласился он, не зная, не лжет ли. И добавил, собрав всю свою решимость: — Все равно долг требует от меня провести исследование материальной среды.

— Как хочешь. Позволь, я помогу тебе в приготовлениях. — Она помолчала. Человек увидел бы, как в небе зажглась первая звезда. — Но полагаю, что как следует узнать друг друга мы можем, лишь если я расскажу тебе историю своей работы.

4

Избитая волнами до того, что матросам теперь приходилось не переставая работать помпами, «Серая гончая» скользила на восток вдоль южного берега неведомой земли. Направление задавал ветер — хуукин тащился следом за кораблем столь усталый и голодный, что остаток его сил надо было приберечь на самый черный день. По суше тянулись изумрудные луга, а вдалеке, вдоль гряды невысоких холмов, стоял лес. Все кишело жизнью: паслись стада, над морем метались быстрые птицы, но люди Калавы не ступали на твердую землю. Прибой колотился о камни с такой силой, что капитан сомневался, выдержит ли судно. Им удалось собрать лишь немного дождевой воды, и та плескалась, затхлая, на дне бочонков.

Калава стоял на носу и глядел вперед, и стояла с ним рядом Ильянди. Непривычно холодный ветер выл в снастях. Небо потяжелело; волны вздымались высоко, роняя белую пену с гребней. Обшивка стонала.

Но все же облака очень часто расступались. Ильянди полагала, что в этом краю тучи — а они, несомненно, суть пар, поднимающийся от раскалённой земли, словно в чайнике, и, остывая, вновь становящийся водой, — не так густы. Слишком была она увлечена своими инструментами и подсчетами, чтобы много говорить; но хотя бы делилась с Калавой главными мыслями.

— Что ж, знаешь ли ты, где мы оказались? — хрипло спросил он.

На ее лице, полускрытом в тени мокрого капюшона, играла легкая улыбка.

— Нет. Мне эта земля неведома так же, как и тебе. Но мнится мне, что мы меньше чем в пятидесяти дневных переходах от Улонаи, а может, и всего в сорока.

— Клянусь секирой Рувио! — Калава ударил кулаком в перила. — Надеюсь, что ты права! Значит, ветер большей частью швырял нас взад-вперед меж двумя берегами, и мы не так далеко, чтобы не вернуться. Впредь любое судно отыщет сюда легкую дорогу: пойдет сперва к Последним Островам и там дождется благоприятных ветров. Капитан будет знать, что высадится на берег. Еще через несколько плаваний узнаем точнее, куда должен указывать путеводный камень.

— Но где здесь бросить якорь? — спросила Ильянди. Калава расхохотался, чего не делал уже много дней

и ночей.

— О том не беспокойся…

Со смотровой площадки на мачте раздался крик. По всей палубе люди в страхе подняли взгляды к небу.

После не было случая, чтобы два человека рассказывали о том одинаково. Один говорил, что молния пронзила облака и грянул гром. Другой вспоминал о летящем мече не короче самой «Серой гончей», за которым тянулась полоса крови. Третьему привиделся зверь с разинутой пастью и тремя горящими хвостами… Калава запомнил копье, вокруг которого вились радуги. Ильянди же призналась наедине, что ей показалось, будто в небе ткет — то появится, то исчезнет из виду — огромный челнок с непонятными буквами на нем. Но все соглашались: то, что они видели, прилетело со стороны моря и скрылось за холмами.

Люди обезумели. Иные с воплями забегали по кораблю. Иные в слезах молились своим богам. Иные бросались на палубу и дрожали или же съеживались, зажмурив глаза. Руль и помпы все бросили, и судно понес прибой. В трюм хлынула вода.

— Прекратить! — рявкнул Калава и соскочил к матросам. — Мужчины вы или нет? Встаньте или умрите!

Пинками и пощечинами он заставил их вернуться к работе. Один моряк выхватил нож и бросился на капитана. Тот сшиб его с ног. «Серую гончую» едва успели вернуть под управление. Она слишком близко подошла к берегу, чтобы запрягать хуукина. Калава ухватился за румпель и с большим трудом развернул корабль к морю.

Как только матросы набрались храбрости, запахло мятежом. Калава поставил себе на замену рулевого из самых опытных, а сам спустился с Ильянди в каюту — поговорить. Вскоре они вернулись на палубу, и капитан крикнул: «Внимание!» Стоя бок о бок, он и Мыслящая-о-Небе вглядывались в лица, испуганные или угрюмые, тех людей, у кого не было неотложных дел.

— Слушайте и передайте остальным, — сказал им Калава. — Я знаю, что дай вам волю, и вы сегодня же повернули бы к югу. Но так нельзя. Обратного перехода мы не выдержим. Что предпочтете — рискнуть, чтобы снискать богатство и славу, или же струсить и пойти на дно? Нам надо починить судно, пополнить запасы, а после того плыть домой и нести соплеменникам дивные вести. Когда же, спросите вы? Скоро, отвечу я, скоро. Я смотрел на воду. Взгляните сами. Видите, она все больше буреет, а сейчас по волнам плавают ошметки растений? Значит, где-то рядом в море впадает большая река. Стало быть, там есть гавань. То же, что мы видели, объяснит вилку, госпожа наша Ильянди.

Мыслящая-о-Небе выступила вперед. Она переоделась в чистую белую тунику со знаками своего призвания, а в руке держала посох. Голос ее был тих, но все слышали.

— Да, зрелище было ужасно. Значит, легенды о моряках, ходивших далеко к северу или сбивавшихся с курса, верны. Но подумайте: ведь они возвращались домой. А те, кто не вернулся, погибли от естественных причин. Ибо зачем богам или демонам одних топить, а других миловать?

Матросы начали переглядываться.

— То, что мы видели, лишь мелькнуло у нас над головами. Было ли то предостережение нам? Нет, ибо знай оно нас, поняло бы, что мы не можем сейчас повернуть вспять. Была ли то еще какая-нибудь угроза? Едва ли. Да, оно было странным, но это не значит «опасным». Мир полон необычного. Могу рассказать вам о том, что за долгие столетия, наблюдая за чистым небом, мы видели и огненные полосы, прочерчивавшие его, и звезды с пламенеющими хвостами. Мы, вилкуи, не понимаем их, но и не страшимся, а воздаем им должную честь, как знамениям богов.

Ильянди помедлила, а потом завершила речь:

— Паче того. В тайных анналах нашего ордена есть рассказы о видениях и чудесах, превосходящих это. Всякий знает, что время от времени боги влагают свои слова в уста святых мужей и жен, дабы вести народ. Не могу объяснить вам, как они проявляют себя, но замечу, что сегодня мы видели нечто подобное. Потому станем же верить, что то был добрый знак.

Потом она произнесла защитное заклинание и призвала стихии. Большинство людей приободрились. Ведь, в конце концов, они почитали Ильянди. К тому же многие и прежде плавали с Калавой и вернулись благополучно. Остальных они заставили слушаться.

— Разойдись! — приказал капитан. — Вечером каждый получит порцию спиртного.

Ответом было вялое веселье. Судно шло своим путем.

Наутро они и вправду увидели широкую бухту, укрытую от ветра. Вода в ней была мутной от ила. Придерживая хуукина, Калава осторожно ввел в нее корабль и наконец увидел реку, о которой говорил. Вместе с несколькими смельчаками он сел в шлюпку и поплыл к берегу. В болотах, лугах и лесах, похоже, водилась богатая дичь. Росло тут множество незнакомых трав, но иные Калава узнал, и меж ними — съедобные ягоды и коренья.

— Хорошо, — сказал он. — Этот край созрел, пора прибрать его к рукам.

И земля под ним не разверзлась.

Разыскав удобное место, Калава вернулся на корабль,

дождался прилива и выбросил «Гончую» на сушу там, где, как он видел, вода порой поднималась еще выше, — так ее было бы легко вновь вывести в море, когда придет время. Спешить Калава не хотел. Пусть, думал он, люди разобьют лагерь, отдохнут и подкормятся, а потом уж берутся за работу. Сети, силки и запруды обещали обильную добычу. В команде было несколько искусных охотников, а среди них — и сам капитан.

Взгляд его устремился вдаль, к холмам. Да, сегодня же он поведет отряд, чтобы узнать, что там.

5

Гея никогда не скрывала, что воссоздает историю человечества. Вероятно, то было величайшее из ее достижений. Но постепенно собратья Геи по галактическому мозгу начали понимать, что она одержима работой. В последнее время — измеряемое сотнями тысяч лет — ее сообщения стали обрывочными и малоинформативными. Создалось впечатление, что Гея избегает делиться новостями. На нее не давили — в распоряжении галактического мозга вся терпеливость Вселенной. Однако беспокойство нарастало. Особенно волновалась ближайшая к Гее по расстоянию и потому чаще других выходившая с нею на связь Альфа, а значит, и Странник. Деятельность и мнение Геи играли решающую роль в судьбе Земли. Не поняв ее, нельзя было судить, верно ли будет спасти планету.

Разумеется, важной частью ее психики стали история и археология, которые она помнила от зарождения животного мира до технологического расцвета вида *homo*. Помимо того, в нее влилось бессчетное число индивидуальных сознаний, больше, чем в любой другой узел. Что делала она с ними в течение множества лет и что они сделали с ней?

Отказать Страннику в доступе к данным Гея не могла: наследие планеты принадлежало всей общине разума. Под ее руководством он просмотрел все записи наблюдений и действий во внешней реальности — здесь были геология, биология, астрономия…

Для того же, чтобы оценить внутреннюю работу Геи, ее мысли и эксперименты с искусственно созданным образом человечества, нужно было поговорить с ней по-человечески. Для этих целей в составе Странника имелся человек.

Кристиана Брэннока выбрали из множества тех, чьи копии устремились когда-то к звездам, потому что он был одним из первых и меньше других изменился, общаясь с машинами. Среди его положительных качеств были также энергичность, острый ум и способность адаптироваться.

Личность его была старательно воссоздана Альфой на основе компонентов его сознания и интегрирована в один из аспектов Странника. Конечно, получился не самый точный дубликат оригинала. Да, он хранил воспоминания Кристиана Брэннока о его жизни, но выглядел не стариком, а довольно молодым парнем. Вдобавок обладал он и кое-какими знаниями (всего лишь поверхностными, упрощенными, чтобы не перегружать рассудок)

о том, что происходило после смерти его организма. В глубоком подсознании таилось стремление вернуться когда-нибудь к жизни более полной, чем он мог теперь вообразить. Но, зная, что, когда задача будет выполнена, он вновь воссоединится с Альфой, Кристиан Брэннок не испытывал тоски по утраченному. Скорее он — насколько их со Странником можно было различить — радовался давно и прочно забытым ощущениям, мыслям и эмоциям.

Когда же Странник выделил его из себя, чувство того, что он снова стал человеком, захлестнуло Кристиана Брэннока. И ему это нравилось. Таким уж он был еще при земной жизни.

Чтобы описать, как это происходило, мы вновь будем вынуждены прибегнуть к языку мифа. Скажем, что Странник переписал подпрограмму «Кристиан Брэннок» в основной системный компьютер Геи. Иначе ты все равно ничего не поймешь: надо знать математику волновой механики и концепцию многоуровневой реальности переменных измерений, а над ней и умам помощнее человеческого приходится поломать голову.

Однако мы можем заметить, что дело было в системе, являвшейся не симуляцией, а эмуляцией. События в ней не имели ничего общего с теми, что случаются среди молекул плоти и крови, но реальностью ничуть не уступали им. Созданные Геей люди имели такую же свободную волю, как любой смертный, и опасности им грозили не меньшие.

Представь себе нескольких человек. Каждый из них чем-нибудь занимается: или думает, или что-нибудь вспоминает, или спит. А параллельно идут всякие психологические и биохимические процессы. К тому же люди взаимодействуют друг с другом и с окружающей средой, с любым листком, с любым камнем, с любым фотоном солнечного света. Кажется, что все это так сложно, что его и вообразить тяжело, не то что просчитать. Но продолжим: в каждый отдельно взятый момент всякая частичка этого мира, как бы крохотна она ни была, пребывает в некоем одном состоянии. А значит, то же самое можно сказать и обо всем целом. Каждый конкретный электрон находится на своей орбите, каждый атом встроен в молекулу, причем именно в данной конфигурации; силовые поля в каждой конкретной точке имеют строго определенные параметры. В общем, получается как бы фотография с идеально мелким зерном.

В следующий момент все меняется. Поля пульсируют, атомы смещаются, электроны прыгают с орбиты на орбиту, тела движутся. Но согласно законам природы, любое новое состояние есть производная от предыдущего, и так далее.

Говоря шершавым языком мифа, каждую переменную любого состояния можно выразить в числах или, что то же самое, внести состояние в n-мерную диаграмму. Дополним ее законами природы и запустим программу. Компьютерная модель начнет эволюционировать от одного состояния к другому в точном соответствии с развитием нашего изначального материально-энергетического мира. А значит, в ней появятся жизнь и разум. Цифровые копии организмов будут делать то же самое, что и прототипы, один к одному, в том числе чувствовать и думать. С их точки зрения, их мир и они сами будут неотличимы от оригинала. Вопрос, какая реальность более настоящая, не имеет смысла.

Конечно, мой рассказ примитивен и неточен. На самом деле программа не в точности повторяла ход событий «снаружи». Ведь Гее не хватало ни данных, ни мощности, чтобы смоделировать всю Вселенную или хотя бы всю Землю. Не хватило бы их и любому другому узлу, и даже всему галактическому мозгу. Если ему и было суждено когда-нибудь обрести такие силы, то лишь в далеком-далеком будущем. А возможности Геи были настолько невелики, что количественные различия обращались в качественные.

Например, если события разыгрывались на поверхности планеты, то звезды приходилось делать всего лишь огоньками на небесной тверди, и ничем другим. В сколько-нибудь полных подробностях можно было отобразить лишь небольшой участок Земного шара, а все остальное по мере удаления от этого места делалось более и более размытым и условным. На той стороне Земли Гея вынуждена была ограничиваться лишь простейшей географией, гидрографией и метеорологией, так что в результате погода над сценой ее эксперимента могла стоять совсем не такая, как в действительности. Возникали и другие, более сложные несоответствия.

Кроме того, воссоздание реальности атом за атомом было технически недоступно, оставалось довольствоваться статистической механикой и приближениями. Хаос и квантовая неопределенность делали расчет развития в принципе невозможным. Оказывали свое влияние и другие факторы, которые я не могу выразить в известных мне терминах.

В общем, в порядке мифа скажем, что создания Геи сами творили себе судьбу.

И все-таки что за могучая была система! Она ведь из ничего порождала планеты, эволюции, жизни, экологии, сознания, истории, целые временные шкалы. И вовсе то были не микроскопические копии чего-то «настоящего»-, влачащие

ущербное существование, пока узел из жалости не уничтожит их. Они отнюдь не происходили от чего-либо «внешнего». Гея могла придумывать, например, сказочные миры, где правили добрые боги и неудержимой рекой текло волшебство. Развитие их шло в соответствии с логикой установления границ.

Вселенная не знала подобного инструмента, поставленного на службу искусству, науке и философии.

Итак, Кристиан Брэннок вновь вернулся к жизни и молодости в мире, который Гея и Странник выбрали для него.

Он стоял в саду, залитом полуденным солнцем. Веял теплый ветерок. Пахло цветами. Дорожки были усыпаны гравием, кусты аккуратно подстрижены, на клумбах росли розы и лилии, а в обложенном мхом каменном прудике плавали золотые рыбки. С трех сторон сад окружали кирпичные стены, густо поросшие плющом; ворота с узорной решеткой вели на луг. С четвертой же стоял белый дом с двускатной крышей, выстроенный в классическом стиле, показавшемся ему старомодным. Жужжали пчелы. В ветвях большого тиса щебетали пташки.

Навстречу ему шла женщина. На ней было вышитое цветами платье с большим вырезом, широкими рукавами и подолом, изящные туфельки, на груди висела камея, в руках она несла зонтик от солнца, — рядом с нею его комбинезон образца двадцать третьего века казался по-варварски грубым. Женщина — высокая, стройная — шла легко, несмотря на свое одеяние. Каштановые волосы, зачесанные кверху, обрамляли ясное лицо.

Она приблизилась, остановилась и взглянула Кристиану в глаза.

— Бенвени, капита Брэннок, — сказала она глубоким, музыкальным голосом.

— Э-э… привет, Зорита… — промямлил он.

— Прошу извинить меня, капитан Брэннок, — покраснела она. — Я забылась и заговорила с вами по-английски… на английском моих времен. Но меня… меня снабдили знанием вашего языка, и оба мы способны говорить на современном наречии.

Кристиану казалось, что он спит и видит сон. Он старался говорить как можно суше, получалось, будто жуешь кирпич.

— Значит, ты из моего будущего? Она кивнула:

— Я родилась примерно на двести лет позже, чем вы.

— То есть лет через восемьдесят или девяносто после моей смерти?

По ее лицу словно скользнула тень.

— Прости. Я не хотел тебя огорчать.

Женщина была совершенно спокойна, даже чуть улыбнулась:

— Ничего страшного. Мы оба знаем, кто мы есть, и привыкли к этому.

— Но…

— Да, «но». — Она покачала головой. — Так странно… снова…

Он быстро понял ситуацию и почувствовал себя увереннее.

— Я знаю. У меня есть такой опыт. — Был, за много световых лет отсюда, у звезды, где жила Альфа. — Не беспокойся, скоро привыкнешь.

— Я тут долго была одна. Я опять молода… но помню долгую жизнь, старость, смерть. — Зонтик выпал у нее из рук, она, не замечая, прошептала: — Помню, когда жизнь подошла к концу, я оглянулась и подумала: «И это все?»

Кристиан хотел взять ее за руки и успокоить, но решил, что лучше сказать просто:

— Вот видишь, это был еще не конец.

— Да, конечно. Со мной было не так, как когда-то с другими. Одряхлевшее тело безболезненно умертвили, а матрицу личности записали в компьютер… — Она подняла взгляд. — Мы ведь теперь не можем вспомнить свое прежнее состояние, да?

— Можем ждать, когда вернемся к нему.

— О да. А знаете… — Она расправила плечи, впитывая кожей воздух и солнце, потом окинула его взглядом — статный мужчина, светловолосый, с довольно суровым лицом, говорит звучным баритоном — и расцвела в улыбке: — Мне начинает нравиться.

— Спасибо, — ответил Кристиан. — Мне тоже. Можно, я, чтобы завязать разговор, спрошу твое имя?

— Ой, извините! — воскликнула она. — Я-то думала, что хорошо подготовилась! Я… появилась со знанием своей роли и обстановки, а потом еще долго репетировала в уме, но когда мы наконец встретились, позабыла все свои задумки. Меня зовут… звали… меня зовут Лоринда Эшкрофт.

Он протянул женщине руку. После секундной заминки Лоринда пожала ее. Он вспомнил, что на закате его смертных дней этот жест стал выходить из моды.

— Наверное, ты обо мне немало знаешь, но я совсем незнаком с тобой и твоими временами. Когда я улетал с Земли, тут все менялось с бешеной скоростью, а отсутствовал я долго.

В конце концов личность Кристиана слилась по собственному желанию с другой, большей. Этой же копии, когда она выделилась, не сообщили никаких подробностей земной истории после его отбытия: все равно в сколь-либо полезном объеме информация не уместилась бы в сознании.

— Вы отправились к звездам почти сразу после того, как записались в компьютер? — спросила Лоринда.

— А чего ждать? Мне всегда хотелось полететь в космос.

— Рады, что полетели?

— Не то слово. — Несколько мгновений он боролся со своим языком, пытаясь составить не слишком корявую фразу. Он ведь был не только инженером, а еще и песни порой сочинял. — Но я также доволен, что оказался здесь. В столь приятном обществе.

Он надеялся, что хорошо выразил свою мысль. Ведь им с Лориндой предстояло долгое путешествие в поисках душ друг друга.

— К тому же, вернувшись, я привнесу в свое бытие что-то новое. Например, понимание того, как человек видит запредельное.

Как видит он солнца, планеты — на иных, чудесных, есть жизнь, — и пламенеющие туманности, и бесконечные воронки в зевах черных дыр, и галактики — они похожи на жемчужное ожерелье, рассыпанное бездумной рукой по бескрайнему космосу, — и хрупкую, но величественную структуру пространства-времени. Как видит он все то, что доселе неведомо смертным, ибо ни одно органическое существо не способно узреть его.

— А я решила, что останусь на Земле. Наверное, вы сочтете меня пугливой и лишенной воображения?

— Ни в малейшей степени, — возразил он. — У тебя тоже были приключения, просто другие.

— Очень мило с вашей стороны. — Она помолчала. — А вы знали Джейн Остин?

— Кого?

— Это писательница начала девятнадцатого века. Прожила незаметную жизнь, никогда не уезжала далеко от дома, умерла молодой, но как никто умела раскрывать человеческий характер.

— Хорошо бы почитать ее книги. Может, мне тут выдастся такая возможность. — Он хотел показаться Лоринде не таким уж., м-м… техногенщиком — такое он выдумал слово. — Я вообще много читал, особенно во время полетов. Гомер, Шекспир, Ду Фу, Басе, Бэллмен, Берне, Омар Хайям, Киплинг, Миллэй, Холдмен… — Вскинув руки, он рассмеялся. — Не обращай внимания. Просто выучил несколько фамилий, чтобы было чем побахвалиться.

— Нам еще много надо друг о друге узнать, да? Пойдемте в дом, а то решите, что я негостеприимна. Сядем, поговорим.

Кристиан поднял ее зонтик и, припомнив все исторические фильмы, какие видел, предложил ей руку. Медленным шагом они

пошли между клумбами. Ветер стих, пела птица, и розы благоухали под лучами солнца.

— Где мы? — спросил он.

— И в каком времени? — добавила Лоринда и сама же ответила: — В Англии середины восемнадцатого столетия, в каком-то поместье в графстве Суррей. — Кристиан кивнул: он и в самом деле был изрядно начитан. Она, помолчав, продолжила: — Гея и Странник решили, что лучше всего для нашей встречи подойдет такой безмятежный уголок.

— В самом деле? Мне тут не по себе, как жабе на клавиатуре.

Лоринда улыбнулась шутке, но ответила серьезно:

— Помните, меня же заранее познакомили со здешней атмосферой. Но мы с вами побываем и в других местах, в каких вы захотите, и я как смогу объясню вам, чем она занимается все эти годы. Правда, я мало знаю — я почти не бывала в других ее мирах. Вам придется взять на себя роль лидера.

— Хочешь сказать, что я лучше ориентируюсь в необычной обстановке и общаюсь со странными людьми? Вряд ли. Я ведь в основном имел дело с дикой природой — и на Земле, и в космосе. Она не агрессивна.

— Но опасна.

— Может быть. Однако в ней нет жестокости.

— Расскажите мне поподробнее, — попросила Лоринда.

Они вошли в дом и устроились в гостиной. Распахнутые створчатые окна выходили в зеленый парк, где гуляли олени. Вдалеке виднелась соломенная крыша сельского домика с пристройками и край пшеничного поля. На стенах комнаты висели гравюры; тут было много книг и два чьих-то бюста. Горничная, шурша юбкой, принесла поднос с чаем и печеньем. Вид незнакомца ее, очевидно, потряс до глубины души, но девушка сумела это скрыть. Когда она ушла, Лоринда объяснила Кристиану, что хозяева поместья — лондонцы, обычно приезжавшие сюда на лето, — пустили свою эксцентричную подругу провести тут выходные.

Значит, обстоятельства и воспоминания подвергаются корректировке. Таким образом Гея напрямую вмешивалась в события, происходившие внутри эмуляции. Интересно, подумал Кристиан, часто ли это случается.

— В высших слоях общества от человека часто ждут эксцентричности, — сказала Лоринда. — Но ведь в ванта времена каждый мог просто быть самим собой, да?

В течение следующего часа она выудила из Кристиана всю его подноготную. Он появился на свет в Юконском этнате, входившем в состав Беринговой Федерации, и потом часто туда

возвращался, потому что любил заповедную глушь, одиночество гор и привыкших к простой, неспешной и привольной жизни людей. Несмотря на все это, страна развивалась и процветала, поддерживая более тесные связи с Азиатским и Тихоокеанским регионами, чем с пришедшими в упадок штатами-наследниками, граничившими с нею с востока и юга. Налаживались и трансарктические контакты с возрождавшимися в ту пору государствами Европы, и именно там Кристиан получил основное образование и проводил немало свободного времени.

Тогда была эпоха непримиримых противоречий, и Содружеству наций с трудом удавалось поддерживать на Земле хрупкий мир. В молодости, нанявшись по глупости в Службу посредничества при конфликтах, Кристиан дважды был вынужден участвовать в боевых действиях. Потом стабильность постепенно вошла в норму. Во многом благодарить за это следовало нараставшее влияние сети искусственного интеллекта. Большинство ее компонентов на уровне сознания имели между собой гибкие связи, позволявшие для каждой конкретной ситуации формировать разум наиболее подходящего типа. Способности их уже тогда превосходили человеческие. Однако смысла в соперничестве не было — люди и машины предпочитали партнерские отношения. Новые разумы готовы были давать любые советы, но не стремились к власти.

Кристиан — дитя лесов, морей и гор, наследник древней цивилизации, выросший среди всевозможных достижений науки. На Землю он прилетал в отпуск. Здесь жили его родные и друзья, здесь можно было бродить по чащобам, кататься на яхтах, петь песни и пить вино. Была здесь и могила, которую он навещал, — Кристиан вскользь упомянул свою жену, тоже Лоринду, умершую до того, как появилась технология записи человеческой личности в компьютер.

Но потом он всегда возвращался в космос. Космос манил Кристиана с тех пор, как впервые, лежа в колыбельке под ветвями разлапистого кедра, он увидел звезды. Он выучился на инженера. Работал не только с людьми, но и с разумными машинами и даже с некоторыми по-странному подружился. Десятки лет провел, играя ключевую роль в таких предприятиях, как строительство купола над Морем Коперника, обитаемой станции в поясе астероидов, орбитальной фабрики по производству антиматерии и, наконец, Большого Солнечного лазера, предназначенного для запуска межзвездных кораблей. Вскоре по завершении последнего проекта его дряхлое тело умерло, но дни его разума еще только начинались.

— Ваша жизнь была поразительна, — тихо сказала Лоринда

Эшкрофт, глядя в окно. Тени стали долгими. -

Жаль, что… они… не поместили нас в хижину где-то в ваших лесах.

— Нет, нет. Мне тут нравится. Я никогда прежде не бывал в таком доме.

— Вы помните, мы легко можем отправиться куда угодно. В любое место, в любое время, созданное Геей, в том числе и такое, какого никогда не было в нашей истории. Если хотите, я принесу амулеты.

— Амулеты? — поднял брови Кристиан.

— Вам не сказали… не сообщили? Это такие устройства: надеваете амулет и даете команду перенести вас куда надо.

— Понял, — кивнул он. — Аппарат переписывает эмулированную личность в другую обстановку.

— И по необходимости вносит в нее соответствующие модификации. Часто приходится активизировать отключенную среду, переведенную в архивное состояние. Наверное, Гея могла бы сделать так, чтобы мы перемещались по собственному желанию и обладали способностью вызывать все, что захотим. Но использовать внешнее устройство удобнее.

— Да, я, кажется, догадываюсь почему. Если бы у нас были сверхъестественные силы, мы бы уже не были людьми, согласна? А смысл идеи в том, что каждый из нас — человек. — Он подался вперед на стуле. — Ну, теперь твоя очередь. Расскажи о себе.

— О, мне почти нечего рассказывать. Со мной никогда не случалось ничего столь удивительного, как с вами. Правда, мир в мое время сильно изменился…

Родилась она здесь, в Англии. Страна к тому времени превратилась в негусто населенную провинцию Европы, тихий край (полусонный, как сказала Лоринда), погруженный в воспоминания о прошлом. Искусство не то чтобы вымерло, но довольно резко разделилось на два течения: представители первого держались классических традиций, приверженцы второго предпринимали попытки отобразить откровения, нисходившие со звезд. Обе школы затмила эстетика, созданная искусственным разумом. Тем не менее Лоринда была их активной деятельницей.

Работая, она много ездила по Земле. К тому времени осмысленный труд стал для людей привилегией, которую могли стяжать лишь самые талантливые и энергичные из них. Лоринда служила посредником между двумя типами живых существ. Это означало для нее знакомиться с представителями человеческой расы, объединенными в различные сообщества, и помогать им добиться того, чтобы с их интересами считались. Например, если собирались возводить станцию контроля над землетрясениями,

причем строительство изменило бы ландшафт и нарушило бы жизнь поселка, Лоринда решала, следует ли бороться против него, а если нет, то что надо сделать, чтобы проект не так больно ударил по местной культуре. Но чаще ей приходилось помогать (в первую очередь советом) тем, кто оказывался в трудном положении и лишался духовных основ жизни.

Лоринда еще больше, чем Кристиан, обходила в рассказе подробности своей личной жизни. Но у него создалось впечатление, что она была в общем счастлива. Тихой ее печалью оставалась лишь бездетность, но и ту она делила со многими обитателями мира, где рождаемость строго контролировалась. Потом у Лоринды родился сын. Она любила Землю, ее славное прошлое и любила каждого человека. Постарев, решила остаться на планете в новом, машинном теле и служить людям, как служила прежде. Со временем в ней начало расти желание влиться в единый разум, ставший впоследствии Геей.

Кристиан подумал, что ему понятно, отчего именно ее выбрала Гея из бессчетных миллионов тех, кто принял ту же судьбу, для встречи с ним. Вслух же он сказал:

— Да, этот дом тебе подходит. И мне тоже, несмотря ни на что. Мы здесь на своем месте в большей степени, чем любой из нас был бы в эпоху другого. Тут тихо и красиво.

— Это не рай, — грустно сказала Лоринда. — Не забывайте, мы оказались в настоящем восемнадцатом столетии, насколько Гея сумела реконструировать историю, сформировавшую его. — А Гея постоянно следила за происходящим и вносила нужные изменения, если события разворачивались так, что делались несовместимы с данными летописей и археологии. — Прислуге мало платят, плохо кормят, не уважают, — в общем, люди живут как крепостные. Колонисты в Америке держат рабов и собираются устроить мятеж По ту сторону Ла-Манша монарх сосет из Франции все соки, и вскоре там начнется ужасная революция, а потом четверть века будет длиться гражданская война.

Он пожал плечами:

— Что ж, род людской никогда не отличался здравомыслием.

Отличались машины.

— Были и разумные люди, — ответила она. — Хотя бы в некоторой мере. Гея полагает, что тебе следует встретиться с некоторыми из них, чтобы ты не считал, будто она лишь играет в жестокие игры. Я пригласила, — такие воспоминания дала ей Гея, — троих человек отужинать с нами завтра. Это не соответствует их реальным биографиям, но Гея сможет потом исправить их, если захочет. — Лоринда улыбнулась. — Надо будет снабдить вас париком и панталонами. Это легко сделать

при помощи амулета.

— А еще ты меня подготовишь, ладно? Кто эти трое?

— Джеймс Кук, Генри Филдинг и Эразм Дарвин. Думаю, вечер удастся.

Мореплаватель, писатель и эрудит широкого профиля — драгоценные жемчужины из сокровищницы, которую хранила Гея.

6

Странник выделил из себя еще одну производную личность и подготовил ее к исследовательскому путешествию по Земле.

Сам же он должен был остаться на горе и поддерживать с Геей более тесную и полную связь, чем это возможно при помощи средств межзвездной коммуникации. Гея обещала провести его по всей базе данных, собранных за миллионы лет наблюдений. Даже для них двоих их объем был огромен. При всей быстроте их мышления понадобились бы целые недели внешнего времени и почти полная концентрация внимания. На все остальное оставалась лишь малая часть сознания, особенно у Странника, поскольку Гея обладала гораздо большим интеллектом, чем он.

По словам Геи, она надеялась, что, получив практически прямой доступ ко всем ее наблюдениям, Странник осознает необходимость предоставить Землю своей огненной судьбе. Речь шла не только о научных знаниях, которые невозможно было получить каким-либо другим путем. События, предстоявшие Земле, могли дать галактическому мозгу просветление, подобно тому как когда-то гениальная книга или симфония меняла души людей. Но прежде чем понять будущее, Страннику надлежало изучить прошлое.

У него же имелись определенные сомнения. Странник подозревал, что эмоции человеческих компонентов Геи — а их в ее состав вошло больше, чем у любого другого узла, — усиленные веками, притупляют ее мышление. Тем не менее с предложением он согласился. Оно соответствовало цели, с которой он прибыл.

Пока Странник был занят просмотром базы данных, Кристиану надлежало обследовать созданные Геей миры возможного, а еще одному его агенту — современную и материальную Землю.

Для этого наиболее естественной процедурой было бы выбрать подходящий набор молекулярных ассемблеров и дождаться, пока они размножатся. Когда же их количество станет достаточным, из молекул должен был сложиться (выстроиться, вырасти — как угодно) целый флот миниатюрных аппаратов, которые, летая в атмосфере, транслировали бы Страннику информацию обо всем, что обнаружат.

Но Гея убедила его поступить иначе:

— Если ты отправишься в путешествие лично, в сопровождении моего небольшого аспекта, то быстрее и лучше познакомишься с планетой. Многое из того, что есть на ней, не имеет аналогов нигде больше. Так ты поймешь, почему я хочу,

чтобы ее эволюция без помех дошла до естественного завершения.

Странник согласился. В конце концов, основной задачей его миссии было постижение того, как именно Гея мыслит. Тогда, возможно, Альфа и другие узлы сумеют завязать с ней подлинный диалог и прийти к соглашению, каким бы оно ни было. К тому же, если результаты экспедиции его не удовлетворят, он всегда мог вернуться к идее с рассылкой исследовательских роботов.

— Какие ожидаются опасности? — спросил он.

— В основном связанные с климатом, — ответила Гея. — Погодные условия становятся все менее умеренными, и в любой момент почти без всякого предупреждения может начаться сильная буря. Быстрая эрозия изменяет очертания местности едва ли не за одну ночь, происходят оползни, молниеносные наводнения, неожиданные приливы. Следить за их подробностями я даже не пытаюсь: с таким объемом данных мне не справиться — да, даже ей! — без ущерба для биологических наблюдений.

Странник вызвал в памяти ее последние сообщения, достигшие звезд. Они были печальны. Буйному богатству природы, освободившейся от гнета человека, давно уже пришел'конец. Земля под слоем облаков пылала. На вершинах гор — как, скажем, на уровне Радужной Чаши — было холодно, но от льда и снега остались лишь геологические следы. Тропики, не считая вод и нескольких островов, где еще держалось несколько мелких примитивных видов, превратились в стерильную пустыню. Жаркий ветер, стирая камни, заносил их пылью. Пески ползли на юг и на север, иссушая степи, засыпая реки, карабкаясь вверх по склонам холмов. Кое-где сохранялись клочки джунглей или болот, размываемые ливнями или тонущие в горячем тумане, но и тем уже оставалось недолго. Лишь в высоких широтах было получше. Климат в Арктее колебался от флоридского (насколько его помнил Кристиан Брэннок) в низинах до прохладного в горах. На юге, за морем, лежал большой континент, в северной части которого средняя температура напоминала Центральную Африку прежних времен. В этих двух регионах и сохранилось относительное изобилие жизни.

— Тебе бы и в самом деле не хотелось увидеть Землю возрожденной? — напрямую спросил Странник.

— Древняя Земля живет в моих базах данных и эмуляциях, — откликнулась Гея. — А то, что происходит сейчас, я не могу проиграть в виртуальной реальности, поскольку недостаточно хорошо понимаю. Это не под силу ни одному разуму, чьи возможности хоть чем-то ограничены. Исказить ход событий означало бы навсегда лишиться знаний, которые, как я полагаю и

верю, имеют фундаментальное значение.

Странник не стал ей указывать, что жизнь, вновь попав в благоприятные условия, тоже не станет следовать предсказуемым путям развития. Он знал, что именно возразит Гея: эксперименты подобного рода проводились в ряде прежде бесплодных сфер, заселявшихся синтезированными организмами. Ему было странно, что она, похоже, не испытывает никаких сентиментальных чувств по отношению к родине человечества. Ведь в ее сущность входило множество тех, кто знал, как на рассвете холодит босые ноги роса, как шепчутся в лесу тени деревьев, как на ветру бегут по пшеничным полям волны от горизонта до горизонта, — о да! — кто помнил огни и шум больших городов. Из любви, а не только из научного и технического интереса хотели товарищи Геи, жившие среди звезд, вернуть Земле молодость.

Она же собиралась доказать ему, что Земле надо дать умереть.

Странник подготовился к экспедиции. Гея предложила ему быстрый и маневренный самолет, способный приземлиться на площадке размером метр на метр и не потревожить ни травинки. Он предоставил пассажира.

С собой на Землю Странник взял несколько тел разного типа. То, которое он выбрал, могло функционировать отдельно от него, имея собственный интеллект. На телеуправление самолетом Гее приходилось тратить совсем немного внимания, а Странник мог вообще не отвлекаться на своего представителя.

Для него самого там, конечно, не хватило бы места: структура машины не смогла бы поддерживать матрицу, оперирующую на его уровне мышления. Представь себе — метафорически, конечно, — что у нее был мозг примерно как у весьма смышленого человека. В этот мозг Странник скопировал столько себя, сколько поместилось, то есть всего лишь набросок, общее представление о ситуации, столь же искаженное и неполное, как наш миф. Однако имелись у его посланца и скрытые резервы, к которым он мог бы прибегнуть в случае необходимости. Поскольку аспект, восходивший к личности Кристиана Брэннока, лучше всего подходил для подобного задания, он и доминировал.

Так что можешь, если угодно, вообразить себе человека, возрожденного в теле из металла, силикатов, углерода и прочих материалов, движимом электрической и другими энергиями, в котором происходят различные квантовые процессы. Это, естественно, повлияло не только на его внешность и возможности, но и на внутреннюю жизнь. Он был отнюдь не

лишен страстей, но эмоции его не вполне совпадали с теми, что испытывает органическое существо. В большинстве отношений он сильнее отличался от давно умершего инженера, чем тот, кто был воссоздан, чтобы исследовать сотворенные Геей эмуляции. Если того, последнего мы называем Кристианом, то этому дадим имя Брэннок.

Габаритами и фигурой он отдаленно напоминал человека. Корпус у него был матовый, серо-синий, а рук — четыре, причем нижнюю пару он мог преобразовывать в инструмент по выбору. Точно так же Брэннок имел возможность адаптировать к любой поверхности и свою ходовую часть, а для дополнительной опоры и выпускать третью ногу. Спина у него выступала назад, потому что в ней располагался ядерный источник энергии и различные органы. Голова походила формой на цилиндр со скругленным верхом. На ее поверхности, а также в других местах имелись сенсоры, незаметные, но дающие полную информацию о том, что происходит вокруг. Лицо представляло собой голографический экран, на который проецировалось какое угодно изображение. Равным образом Брэннок был способен подавать сигналы звуком или же в видимом, инфракрасном и микроволновом диапазонах. Запоминающее устройство, откуда несложно было почерпнуть любые данные, соответствовало по объему крупной библиотеке древности. [j]

Обрабатывать полученные знания, обдумывать и оценивать их он не мог — разве что со скоростью, доступной любому гению людского рода. Были у него и другие ограничения. Однако никто и не предполагал, что он станет функционировать без дополнительного оборудования.

Вскоре Брэннок был готов отправиться в путь. Вообрази, будто он говорит Страннику:

— *Adids.* Пожелай мне удачи.

Ответ был… э-э… рассеянным. Странник уже начал работать с Геей.

Поэтому на борт Брэннок взошел вроде как в молчании. На человеческий взгляд, его самолет был маленьким, остроносым и переливался всеми цветами радуги. Материальная его составляющая являла собой переплетение тончайших нитей. Основная часть небольшой массы приходилась на энергетические генераторы. Но все же угрожать этой хрупкой машине мог лишь необычайно сильный ветер, да и тот она скорее всего обогнала бы.

Брэннок занял свое место. Странник настоял на том, чтобы самолет имел ручное управление на случай чрезвычайных ситуаций, вероятность которых, правда, казалась ему исчезающе

малой, и эффекторы Геи внесли в конструкцию соответствующие изменения. Перед Брэнноком задрожала в воздухе призрачная панель с приборами. Он поудобнее расположился в силовом поле и предоставил пилотирование Гее. Самолет бесшумно поднялся в воздух, потом заложил крутой вираж и, пронзив слой облаков, неспешно полетел над предгорьями, держа высоту в полтысячи метров.

— Вниз вдоль русла Последней реки до моря, — попросил Брэннок. — Там очень красивый пейзаж.

— Как пожелаешь, — ответила Гея.

Говорили они при помощи акустических устройств: у него был мужской голое, у нее — возможно, она решила, что ему так больше понравится, — женский, глубокого диапазона. Но, конечно, я не могу в точности передать их беседу.

Гея изменила курс. Брэннок увидел среди яркой зелени равнины Изобилия блестящий под серебряно-серым небом поток.

— Как ты знаешь, запланировано, что сначала мы облетим Арктею. Я разработала маршрут, который даст тебе самое полное понятие о ее биологии. На стоянках ты сможешь проводить исследования любой интенсивности. Можно также задержаться в любом другом месте по твоему желанию.

— Спасибо, — ответил Брэннок. — Суть в том, что я должен получить базовое представление о происходящем на континенте, да?

— Да, поскольку здесь существуют наиболее благоприятные условия для жизни. Когда ты будешь готов, мы отправимся на юг, и окружающая среда будет постепенно становиться все более суровой. Ты увидишь, как жизнь приспосабливается к ней. Там есть много интересного. Даже сам галактический мозг не сравнится творческой мощью с природой.

— Разумеется. Хаос, сложность… Ты ведь немало рассказывала… м-м… *нам* о том, как происходит адаптация, верно?

— Да, но ты еще многого не знаешь. Я постоянно обнаруживаю новые факты. Эволюция продолжается.

«По мере ухудшения условий», — подумал Брэннок. И все равно живые существа исчезают вид за видом. На ум пришел образ того, как арьергард жизни сражается с наступающим воинством ада.

— Я хочу, чтобы ты увидел как можно больше, — сказала Гея, — чтобы ты окунулся в творящееся на Земле, почувствовал величие.

«Его трагичность», — подумал он. Но трагедия — это искусство, и, может быть, прекраснейшее из созданных родом

людским. В Гее могла еще сохраниться человеческая душа — в большей степени, нежели у любого другого узла.

Нужен ли ей по-прежнему катарсис, нужны ли страх и жалость? Что происходит в ее эмуляциях?

Что ж, ответ на этот вопрос должен был найти Кристиан. Если сможет.

Сам Брэннок был человеком в достаточной мере, чтобы не согласиться с нею. Он обвел рукой пейзаж, разворачивавшийся внизу, — реку, текшую по ущельям среди прибрежных холмов, орошавшую луга и густые леса и впадавшую в залив, над которым носились тысячи птиц.

— Ты хочешь видеть их борьбу до самого конца. Жизнь хочет жить. По какому праву ты противопоставляешь свою волю ее желанию?

— По праву разума, — ответила Гея. — Лишь для существа, обладающего сознанием, имеют смысл понятия справедливости, милосердия и любви. Разве люди не эксплуатировали мир, как только могли? А когда природу наконец стали защищать, то это тоже произошло по свободному выбору человека. Речь идет о знании и понимании, которые можем получить мы.

У Брэннока тут же возник вопрос: а что с ее личными эмоциональными потребностями?

Самолет резко вильнул в сторону. Брэннока прижало к силовому полю. Он услышал треск и визг ветра. Залив все быстрее убегал за корму.

Космонавт, живший в нем, — тот, кто видел метеорные дожди и выбросы жесткой радиации, — отреагировал немедленно. Брэннок дал команду на оптическое увеличение и оглянулся посмотреть, в чем дело.

— Вон там! — воскликнул он, заметив на горизонте…

— Что? — спросила Гея.

— Там, сзади. Почему ты от него уклоняешься?

— О чем ты? Там нет ничего важного.

— Черта с два. Сдается мне, ты все видела яснее, чем я.

Гея сбросила скорость настолько, что самолет почти завис в воздухе над бившимися о берег волнами. У Брэннока возникло подозрение, что это было сделано с одной целью — развеять ощущение чего-то чрезвычайного и заставить его с большим вниманием отнестись к тому, что Гея скажет.

— Ну хорошо, — произнесла она после небольшой паузы. — Я заметила определенный объект. Как по-твоему, что ты наблюдал?

Он решил, что не будет отвечать так сразу, пока не удостоверится в добросовестности Геи. Чем больше она знает, тем

легче сможет его обмануть. Даже эта небольшая частица ее разума интеллектуально намного превосходила его. Однако он тоже был не простого десятка, и к тому же упрям.

— Я не вполне уверен. Но, кажется, оно не представляло опасности. Полагаю, ты объяснишь, что это было и почему ты от него улетела?

Не вздохнула ли она?

— На нынешнем уровне осведомленности ты не сможешь его понять. Возникнет неизбежное недоразумение. По этой причине я направила самолет в другую сторону.

У человека напряглись бы все мускулы. Системы Брэннока пришли в полную готовность.

— С твоего позволения, я сам стану судить о способностях своего мозга. Будь добра, поверни обратно.

— Нет. Обещаю, что позже, когда ты побольше увидишь, я все объясню.

«Когда увижу побольше иллюзий? Сколько еще уловок она приготовила?»

— Как скажешь, — ответил Брэннок. — А я тем временем свяжусь со Странником и все ему сообщу. — Эмиссар Альфы весь ушел в работу, но небольшая его часть была по-прежнему открыта для внешних контактов.

— Не делай этого, — сказала Гея. — Его нельзя отвлекать без необходимости.

— Он сам разберется. Вспыхнул бой.

Гея почти победила. Сосредоточься она полностью на атаке, Брэннок даже не успел бы заметить, что на него напали. Но значительный ее сегмент был, как всегда, занят работой с потоками данных, поступавших со всей планеты от наблюдательных устройств. Возможно также, что время от времени (с точки зрения внутренних квантовых сдвигов) она поглядывала на то, что делают Кристиан и Лоринда. Основное же ее внимание было приковано к Страннику, и бросить его, не вызвав подозрений, Гея не могла, — наоборот, приходилось исхитряться и скрывать от него, что происходит что-то необычное.

Кроме того, ей никогда еще не приходилось сталкиваться с таким существом, как Брэннок, в котором агрессивность человека-мужчины и рефлексы человека-космонавта переплетались со сложными технологиями и частицей бессмертной сути Альфы.

Брэннок почувствовал, как силовое поле сжимает его, будто в тисках, мозг словно захлестывает бредовая волна. Человек решил бы, что ему вкололи наркотик. Брэннок не стал задумываться. Он

ответил мгновенно. С быстротой машины и яростью тигра он ударил и на критическую миллисекунду выбил Гею из равновесия.

Тьму и гул в голове он прорвал, собрав резервы психики. Руки метнулись к мельтешению световых пятен панели. Перехватить управление Брэннок не мог — аппаратура не была на это рассчитана, но сумел выдрать самолет из-под контроля Геи.

Бело-голубыми дугами выгнулись электроразряды. Полыхнули и погасли огни. Генераторы продолжали работать, и машина оставалась на лету. Но все более сложные функции были нарушены. Пляска атомов и волн утратила порядок.

Поле, державшее его, распалось. Он грянулся об пол. Мрак в голове постепенно рассеивался. Остался лишь вихрь потрясенных чувств. Брэннок выкрикнул:

— Прекрати, сволочь!

— Прекращу, — сказала Гея.

Потом он догадался, что она отчасти сохранила контроль за самолетом. И прежде чем Брэннок успел переключить управление на себя, послала его нырком вниз и отрубила главный генератор.

Все силовые поля распались. Ветер обрывал клочья обшивки. Самолет упал в бурное море. Волны выбросили часть обломков на песок, а остальное утащил отлив.

Но Брэннок сумел выпрыгнуть, толкнувшись мощными ногами, и по длинной дуге упал на глубину. Раздался громкий всплеск; Брэннока утащило в зеленый сумрак и там долго мотало взад-вперед течением. Однако в конце концов он, невредимый, коснулся ровного дна.

Дышать ему было не нужно, так что он решил не всплывать. От шока он оправился меньше чем за секунду. На оценку ситуации ушло несколько минут — уж очень сильно качало.

Итак, Гея пыталась возобладать над ним. Энергетическое поле начало подавлять процессы в мозгу и навязывать чуждые ему шаблоны поведения. Брэннок едва успел спастись.

Вряд ли ей в прошлом приходилось применять подобные способы действия. Значит, они были разработаны специально для него. Отсюда практически неизбежно следовало, что Гея заранее собиралась в какой-то момент путешествия воспользоваться этим средством. Увидев нечто, что Гея не намеревалась ему демонстрировать, и не дав ей себя перехитрить, Брэннок вынудил ее прибегнуть к механизму, не полностью готовому к работе. Когда же нападение сорвалось, Гея употребила свои последние ресурсы, чтобы его уничтожить.

Так далеко она зашла, чтобы скрыть от звезд свою страшную тайну.

Брэннок обнаружил в ходе своих мыслей ошибку. Гея пустила в ход еще не все, что могла. Напротив, у нее имелась целая планета, полная наблюдательных и других устройств. И некоторые из них сейчас должны были на полной скорости мчаться сюда, чтобы убедиться в гибели Брэннока, а если он окажется жив, обеспечить его ликвидацию. После чего Странника накормят баснями о прискорбном несчастном случае, произошедшем над океаном, вдали от берега.

Брэннок был тяжелее воды и потому не поплыл, а зашагал вниз по склону дна, ища, где глубже.

Отыскав груду вулканической породы, он заполз в пещеру, свернулся, как спящий ребенок, и перевел все свои системы в минимальный режим действия. Так, надеялся он, агенты Геи его не обнаружат. Ведь их количество и чувствительность сенсоров не беспредельны. Ей, не видевшей, как он спасся, — ведь ее датчики, встроенные в самолет, отключились в момент катастрофы, — логично будет предположить, что останки Брэннока унесли волны.

Спустя три дня и три ночи его разбудил сигнал внутренних часов.

Надо было не терять осторожности. Но, предположив, что Гея уже не очень внимательно следит за этим районом (Странник, державший с ней постоянную связь, мог бы заметить, что она слишком концентрируется на одном клочке моря), Брэннок осмелился зашевелиться. Электронные органы чувств предупредили бы его о приближении любого робота, даже настолько миниатюрного, что его нельзя было разглядеть. А что ему теперь следовало делать — это уже другой вопрос.

Для начала он обследовал местность. Машины Геи собрали все следы крушения, какие смогли обнаружить, но на дне лежало еще много чего: вероятно, она сочла, что продолжать поиски слишком опасно или не стоит затрат. Почти все, на что Брэннок наткнулся, представляло собой бесполезный хлам. Уцелело лишь несколько деталей. Та из них, что его заинтересовала, физической формой походила на небольшой металлический шарик. Он отыскал ее по магнитной индукции, вынес на берег и там, укрывшись под деревьями, изучил. Своими руками-инструментами Брэннок прощупал то, что мы на языке мифа назовем схемой у нее внутри, и установил, что это банк памяти. Язык кода был знаком его аспекту Странника. Он извлек информацию и занес ее в свою базу данных.

Там содержалось описание нескольких языков. Человеческих, хотя совершенно незнакомых Брэнноку. Ничего себе.

— Надо бы узнать, что это за люди, — пробормотал он. В

одиночестве — только ветер и море — у него опять всплыла старая привычка думать вслух. — Другого такого шанса, наверное, не будет. Вот Странник-то удивится.

Удивится, если Брэннок сумеет вернуться к нему или хотя бы подойти настолько близко, чтобы хватило мощности передатчика.

Он двинулся пешком вдоль берега к заливу, куда впадала Последняя река. Может, там обнаружится то, что он видел с воздуха, или хотя бы какие-то следы.

Все случилось так быстро, что Брэннок не был уверен, но ему казалось, будто он заметил корабль.

7

Три дня — три дня древней Земли, длящихся двадцать четыре часа каждый, когда неярко светит солнце, а чуть погоди, и дождик покроет траву на пастбище и живую изгородь блестящими каплями, три дня конных поездок по тропам Англии, прогулок по ее городам, встреч с людьми; и вечерня в норманнской церкви XII века, и чтение книг, и долгие беседы, и молчание вместе, — три дня сдружили их. Теперь уже и к Гее Кристиан относился теплее. Ведь она возродила Лоринду, а Лоринда была ее частью, как он был частью Странника, Альфы и прочих разумов в глубинах Галактики, которых не мог перечесть. Раз так, как могли остальные творения Теи быть злы?

Разумеется, именно подобной реакции Гея от него и добивалась. Ну и что с того?

Примитивные условия восемнадцатого столетия не мешали ни ему, ни Лоринде. Наоборот — повседневная жизнь давала массу свежих впечатлений, нередко забавных. Только с каждым разом Кристиану становилось все труднее уходить вечером к себе в комнату.

Но ведь они оба были на задании: он проверял, что происходит в этой реальности, чтобы потом доложить Страннику, она старалась объяснить и оправдать все это в его глазах. Как и Кристиан, Лоринда помнила о своем прежнем единстве с узлом. Память эта была столь же туманна и обрывочна, как и у него, — скорее чувство чего-то запредельного, чему нет ни формы, ни названия. Так спустя много лет вспоминают религиозное откровение. Однако отношения с Геей доминировали в сознании Лоринды, а еще больше — в подсознании, так же как для Кристиана много значило родство со Странником, а через него и с Альфой. Лоринда — смертная женщина, ограниченная всевозможными рамками, — говорила от имени узла Земли, честно и без прикрас.

По молчаливому соглашению они мало говорили о своих целях и просто радовались друг другу и тому, что их окружало. Так длилось до утра четвертого дня. Наверное, погода напомнила им вековую привычку выполнять свой долг. Ветер выл и свистел, окна ослепли от дождя, даже в карете нельзя было выехать из поместья. В доме было промозгло, не помогал и огонь в камине. Уютно горели свечи на накрытом к завтраку столе, блестело серебро и фарфор, но по углам таились густые тени.

Кристиан допил кофе, поставил чашку и докончил начатую фразу:

— Да, нам лучше бы приступить к делу. Только я не очень хорошо представляю, что искать. Даже сам Странник не знает.

Гея слишком многое скрывала за туманными формулировками. Впрочем, Странник был сейчас (как ни понимай это слово) подключен к ней и пытался взглянуть с общей, космической точки зрения на судьбу планеты — сколько же ей уже миллионов лет?

— Но вы же помните свое задание, — ответила Лоринда. — Вам надо прояснить природу внутренней деятельности Геи и выразить ее в моральных… в человеческих терминах. — Она выпрямилась на стуле, и тон ее стал решительнее. — Ведь мы, эмуляции, — люди. Мы мыслим и действуем, чувствуем радость и боль точно так же, как любой человек.

Кристиан решил, что надо разрядить обстановку.

— И производим на свет новые поколения, — сказал он, — точно так же, как это всегда делалось.

Красивое лицо Лоринды залил румянец.

— Да, — произнесла она и очень быстро добавила: — Но, конечно… здесь… речь идет всего лишь о базе данных. Если угодно, об архиве. Можем для начала посетить одну-две такие реконструкции.

— С удовольствием, — облегченно улыбнулся Кристиан. — Что бы ты посоветовала?

— Афинский Акрополь? — предложила Лоринда. — Причем в то время, когда он еще не лежал в развалинах. Античная цивилизация всегда меня привлекала. — Она потрясла головой. — И знаете, до сих пор привлекает.

— Гм… — Кристиан потер подбородок. — Насколько я помню уроки истории, греки были шайкой коварных и вздорных политиканов, только и норовивших подделать результаты выборов или поприжать кого послабее. Разве Афины не пустили на финансирование строительства Парфенона незаконно присвоенные сокровища Делийской лиги?

— Это были всего лишь люди, а не ангелы, — сказала Лоринда так тихо, что за шумом ветра он едва ее расслышал. — Но то, что они сотворили…

— Конечно. Я согласен. Отправляемся.

В восприятии амулеты имели вид серебристых дисков в два сантиметра диаметром, висевших на груди пользователя под одеждой. В реальности же — в подлинной, внешней реальности — это были мощные программы, обладавшие собственным интеллектом. Кристиан не знал, до какой степени они находятся под прямым контролем Геи и насколько внимательно она за ними следит.

Не размышляя, он протянул Лоринде руку. Та взяла его ладонь и крепко сжала. Но, произнося команду, смотрела она прямо перед собой, в мерцающее пламя камина.

Мгновенно, не почувствовав ни малейшего движения, они очутились на широких мраморных ступеньках под безоблачным небом, лучившимся жарой. Было тихо; с крутых склонов, где ничего не построили, пахло тимьяном — в нем не жужжали пчелы, его никто не рвал. Внизу лежал город: обожженные солнцем крыши, открытые площади-агоры, храмы с колоннами. Воздух был так прозрачен, что Кристиан вообразил, будто почти различает мельчайшие детали статуй.

Спустя немало времени гости стали подниматься по лестнице — все так же молча, держась за руки — туда, где на балюстраде перед святилищем Ники выстроились крылатые девы-победоносицы. Каменные одеяния их развевались под ветром, которого не чувствовал Кристиан. Одна склонилась завязать сандалию…

Долго бродили двое по портикам Пропилеев, смотрели на дорические и ионические капители, на картины и вотив-ные таблички в Пинакотеке. Они могли бы остаться тут и на ночь, но все остальное ждало их, и горячность смертных была им столь же ведома, сколь усталость. Краски полыхали…

О каменные девы и каменные цветы Эрехфейона!

Прежде Кристиан считал Пантеон утонченно-изысканным — так выглядели изображения и модели, которые он видел, когда над разбитыми, изгрызенными химической эрозией развалинами можно было лишь рыдать. Но сегодня он узрел, как Пантеон огромен. Жизнь кричала с каждого орнамента — алого, синего, золотого; а внутри, в полумраке, красота нашла свое средоточие в колоссальной статуе Афины работы Фидия.

…После, намного позже, он стоял рядом с Лориндой наверху Стены Кимона, над Асклепиумом и театром Диониса. Солнце клонилось к закату, и в городе играли, сплетаясь, тени; восток дышал прохладой. Странно, но говорили они почти шепотом. Не могли ли они дать голосу силу, не хотели ли?..

Он покачал головой и сказал, не найдя лучших слов:

— Великолепно. Невероятно.

— Разве это не стоит всех злодеяний, войн и мук?

На миг Кристиану стало не по себе, так серьезна она была.

— Не ожидал, что тут все будет так… э-э… ярко.

— Известно, что греки красили стены домов.

— Да, я тоже слышал. Но ведь историки не знали, в какие цвета?

— Не вполне. Лишь кое-где остались следы. В основном это,

должно быть, догадки Геи. Особенно скульптуры. Об Афинах, например, в исторических хрониках сохранилось лишь краткое описание. — Лоринда сделала паузу и взглянула в сторону гор. — Но, конечно, то, что мы видим сейчас, — учитывая весь объем доступной ей информации и то, что она способна обрабатывать все данные одновременно и понимает, как мыслили тогда люди, — это наиболее вероятная реконструкция. Или по меньшей мере — наименее невероятная.

— Наверное, она испробовала несколько вариантов. Хочешь на них взглянуть?

— Пожалуй, нет, если только вы не хотите. Мы и так уже ошеломлены, не правда ли? — Она замялась. — К тому же… ну…

Он кивнул: о

— Ага. — Обвел рукой тихий, недвижный, без единого дыма над крышей город. — Страшновато тут. В лучшем случае — как в огромном музее. Боюсь, для наших целей здесь мало полезного.

— Для *ваших* целей. — Лоринда посмотрела ему в глаза. — Я всего лишь… даже не экскурсовод. Может, я голос Геи в ваших ушах? Нет, как максимум я — ее шепот. — Улыбка, коснувшаяся ее губ, была какой-то жалобной. — Наверное, главная причина моего существования — составить вам компанию.

Он засмеялся и протянул ей руку. Лоринда тут же крепко стиснула ее.

— Я очень рад вашей компании, моя эксцентричная мисс Эшкрофт.

Она улыбнулась шире и теплее:

Благодарю вас, любезный сэр. И я рада тому, что сегодня… жива. Куда теперь отправимся?

— Я бы посетил какую-нибудь живую историю, — сказал Кристиан. — Можно и древнегреческую, почему бы нет.

— Эпоху Перикла! — хлопнула в ладоши Лоринда. Он нахмурился:

— Ну, не знаю. Пелопоннесская война, мор… Хорошо ли там примут чужаков-варваров? Тем более что ты женщина…

Судя по голосу, Лоринда поборола разочарование:

— Ладно, тогда куда мы?

— Может, в эпоху Аристотеля? Если я не ошибаюсь, в Греции тогда было хорошо, что бы там Александр ни творил за границей, а в обществе распространился космополитизм. И патриархальный уклад пошел на убыль. К тому же Аристотель меня всегда занимал. Он ведь был в своем роде одним из первых ученых.

— Давайте сперва наведем справки. А сначала заглянем домой и выпьем по чашке чаю.

Они вернулись в поместье в тот же миг, когда его покинули,

чтобы не волновать слуг. Оказалось, что недостаток уединения, сочетаясь с усталостью, не дает им говорить ни о чем, кроме пустяков. Впрочем, они были друг для друга хорошими собеседниками.

На следующее утро (а солнце сияло!) они вышли в сад и сели на скамейку у пруда с рыбками. На лепестках цветов дрожали дождевые капли. Становилось теплее, и пробуждался пьянящий аромат. Было тихо.

На этот раз команду произнес Кристиан. Амулет у него на шее вдруг потяжелел, язык еле ворочался. Говорить вслух было не обязательно, но слова помогали ему оформить мысль.

Ответ возник у них прямо в сознании. Кристиан почему-то повторил его сухим профессорским тоном:

— «Имеется одна виртуальная эмуляция Древней Греции, длившаяся несколько поколений. Она включает выбранный вами период. Момент ее начала относится приблизительно к пятисотому году до Рождества Христова. События воспроизведены с максимально возможной исторической точностью».

Но почти все люди, жившие в ту пору, затерялись в пучине истории, подумал Кристиан. Весь народ, кроме нескольких человек, чьи имена попалив хроники, Гея создала по своему воображению, руководствуясь своими знаниями и логикой. Да и эти немногие почти полностью сработаны наново, ведь их ДНК безвозвратно утрачены.

— В последовательность вносились необходимые изменения, — сообщил амулет.

Если предоставить историю саму себе, подумал Кристиан, она может вскоре совершенно отойти от документов и данных археологии. Гея неоднократно видела, как это начинается, и переписывала программу — события, воспоминания, личности, тела, даты рождения, продолжительность жизни, кончины, ˆ после чего ее работа вновь продолжалась до того момента, пока не происходило очередное отклонение. Раз за разом. Ему вдруг стало холодно.

— В каждом подобном случае было получено большое количество информации, — продолжал амулет. — Ситуация была признана удовлетворительной с момента, когда гегемония Македонии стала неизбежна, после чего вмешательство более не производилось. Естественно, процесс шел не в полном соответствии с историческим аналогом. Ни Аристотель, ни Александр Великий не родились. Вместо них до зрелого возраста дожил относительно реалистичный завоеватель, оставивший после себя достаточно прочную империю. В юности он имел наставника-грека, ученика Платона.

— И кто же это был? — спросил Кристиан. Во рту у него пересохло.

— Его звали Эвменей. Во многих аспектах он был эквивалентен Аристотелю, однако обладал более сильной имперской ориентацией. Так было запланировано.

Значит, Гея предопределила судьбу Эвменея. Зачем?

— Если мы появимся и поговорим с ним, это не изменит ход последующих событий?

— Вероятно, лишь в незначительной мере. Но если и нет, это не важно. Оригинал последовательности хранится в базе данных Геи. Ваш визит будет, по сути, означать возобновление деятельности программы.

— Вам не подойдет, — сорвалось с губ Лоринды. — Что произошло в этом мире?

— Целью эксперимента было изучение возможной научно-технической революции, аналогичной той, что произошла в семнадцатом веке от Рождества Христова, и сопутствующих социальных изменений, которые могли бы способствовать формированию стабильной демократии.

Кристиана едва не стошнило.

— И что получилось? — спросил он.

— Хотите посмотреть? — спокойно ответил амулет. Неожиданно оказалось, что Кристиану надо собрать мужество. Через минуту он медленно произнес:

— Да, полагаю, это будет полезнее, чем встреча с твоим философом. Покажи, к чему привел эксперимент.

— Насколько я знаю, — добавила Лоринда, — выразить его результаты одной простой картиной невозможно. Но не могли бы мы посмотреть какую-нибудь сцену, которая дала бы нам общее впечатление, вроде конспекта, — скажем, как король Иоанн подписывает Великую хартию вольностей, или как Елизавета Первая посвящает Фрэнсиса Дрейка в рыцари, или как Эйнштейн и Бор говорят о мировых делах?

— Наилучшая возможность возникает в год, соответствующий восемьсот девяносто четвертому от Рождества Христова по вашему счету, — сказал амулет. — В качестве места действия предлагаю Афины. Предупреждаю о наличии опасности. Я могу защитить вас или изъять из последовательности, однако поведение людей по сути хаотично и ситуация менее предсказуема, чем в большинстве случаев. Она может вырваться из-под моего контроля.

— Я отправляюсь, — отрезал Кристиан.

— Я тоже, — сказала Лоринда.

— Нет! — Он сверкнул на нее глазами. — Ты же слы; шала,

там опасно!

— Путешествие необходимо для меня, — совершенно спокойно объяснила Лоринда. — Не забывайте, что я действую от имени Геи.

От имени Геи, позволившей всему этому твориться.

Переход.

Они окинули себя быстрым взглядом. Как и следовало ожидать, амулеты трансформировали их одежду в нечто более соответствующее обстановке. На Лоринде было серое платье, подпоясанное на талии и доходившее до середины икры, чулки, башмаки и шаль поверх заплетенных в косички волос. На Кристиане — туника, штаны и ноговицы из одной и той же грубой ткани, у бедра висел нож, а за спиной — винтовка с длинным дулом.

То, что находилось вокруг, их потрясло. Они стояли посреди Пропилеи, от которой осталась лишь россыпь камней и обрубки статуй. Парфенон был разрушен меньше, но тоже ободран, обшарпан; тут и там его подпирали кирпичные конструкции, из-за которых торчали ржавые стволы пушек. Все остальное лежало в руинах. Эрехфейон выглядел так, словно его разобрали на строительный камень. Город внизу горел. Сквозь дым, пятнавший небо и дравший ноздри, мало что можно было разглядеть. До Кристиана и Лоринды доносились рев огромного пожара и треск перестрелки.

Вверх по ступеням огромной лестницы бежала молодая женщина с растрепанными черными волосами, в лохмотьях, с отчаянием на запачканном копотью лице. За нею гнался дородный блондин в меховой шапке, грязной куртке красного цвета и кожаных штанах. Из-под мохнатых усов текла струйка слюны. Он тоже был вооружен — чудовищно большим ножом и ружьем в правой руке.

Женщина видела впереди Кристиана.

— Воэто! — крикнула она. — Ономэ Теу, кириэ, воэто! Нога у нее подвернулась, она упала; пыталась встать,

но преследователь уже наступил ей тяжелым ботинком на спину.

Амулет подсказал Кристиану смысл ее слов: «Помогите, ради бога, господин, помогите!» Мелькнула мысль, что ее язык — это, вероятно, нелитературный греческий. Блондин оскалился и направил на него ружье.

Времени доставать из-за спины свою винтовку у Кристиана не было. Он пригнулся, ухватил камень — кажется, обломок мраморной головы — и швырнул в противника. Попал в нос. Тот отшатнулся, выронил оружие — лицо его заливала кровь — и

взвыл.

В чрезвычайных ситуациях Кристиан умел очень быстро принимать решения. Он не стал хвататься за винтовку — помнил, что у нее необычная конструкция затвора, и сомневался, что успеет вовремя выстрелить. Вместо этого, вытащив нож, рванулся к незнакомцу:

— Пшел прочь, скотина, пока я тебе кишки не выпустил!

Получилось, что он говорит на том же наречии, что и женщина.

Мужчина срыгнул, повернулся и, шатаясь, двинулся туда, откуда пришел. Вскоре его уже не было видно в дыму. Кристиан присел возле женщины, так и лежавшей на ступенях бесформенной кучей обносков, вложил клинок в ножны и протянул ей руку:

— Эй, сестренка, пойдем со мной. Надо нам найти укрытие. А то вдруг еще кто объявится.

Она, тяжело дыша и опираясь на его плечо, поднялась на ноги и захромала вверх по лестнице к разрушенным воротам. Судя по средиземноморским чертам, она была, несомненно, из местных жителей. Изголодалась очень. Лоринда и Кристиан помогли ей добраться до портика Парфенона. Внутри, за разбитыми створками, было темно и пусто, ничего, кроме мусора. Кристиан решил, что, если надо, тут можно обороняться.

Вдруг его осенило. Обругав себя нехорошим словом, он вернулся и подобрал оружие врага, а когда опять поднялся к Парфенону, Лоринда сидела рядом с женщиной-гречанкой, обняв ее за плечи, чтобы успокоить.

— Ну, милая, не бойся. Ты с нами в безопасности. Мы о тебе позаботимся.

Та подняла большие темные глаза.

— Кто… вы?.. Ангелы небесные? — прошептала она.

— Нет, мы всего лишь смертные люди, — сквозь слезы ответила Лоринда. Это не совсем правда, подумал Кристиан; впрочем, что еще она могла сказать? — Мы даже не знаем, как тебя зовут.

— Я… Зоя… Комненайна…

— У тебя внутри все пересохло, я слышу по голосу. — Лоринда отвернулась в сторону и шевельнула губами в беззвучной команде. На полу появился запотевший кувшин, — Выпей воды.

Зоя не заметила, что произошло чудо. Она схватила посудину и в несколько глотков осушила ее. Закончив, поставила на место и сказала «спасибо» — ее тон был вял, но в нем чувствовались сила и ум.

— Кто это за тобой гнался? — спросил Кристиан. Она села, подтянув колени к подбородку и обхватив их,

глядя прямо перед собой, и ответила голосом мертвой:

— Флемский солдат. Они вломились к нам в дом. У меня на глазах зарезали отца. Всё смеялись и смеялись. Я убежала через задний ход на улицу. Хотела спрятаться в Акрополе. Туда теперь никто не ходит. А этот меня увидел и захотел поймать. Наверное, убил бы, когда закончил. Лучше так, чем если бы он забрал меня к себе.

Лоринда кивнула.

— Оккупанты, — произнесла она так же безжизненно. — Захватили город и теперь грабят его.

Кристиан ударил прикладом о камень:

— И Гея позволяет, чтобы это происходило?.. Лоринда посмотрела ему в глаза. Умоляюще.

— Так ей приходится. Надо, чтобы у людей была свобода воли. Иначе получится, что они всего лишь марионетки.

— Но как же они до такого докатились?! — воскликнул Кристиан. — Объясни!

Амулет ответил (или оба амулета ответили разом) тем же безличным тоном, что и прежде:

— В античную эпоху появился научный метод. Вместе с развитием торговли и географическими открытиями это привело к промышленной революции и возникновению демократии парламентского типа. Однако ни в науке, ни в промышленности прогресс не зашел в среднем дальше уровня, эквивалентного вашему восемнадцатому столетию. Нетина ехали верхом бок о бок. Копыта лошадей мягко стучали о землю, поскрипывала кожаная сбруя, сладкий запах конского пота мешался с едким ароматом трав. Свиристел дрозд.

— Нет, вряд ли Гея станет заново запускать остановленную программу, — говорила Лоринда. — Но это не хуже, чем смерть, а смерть редко бывает столь безболезненна.

— Но масштабы! — возразил Кристиан. Потом вздохнул: — Наверное, Странник скажет, что я сентиментальный слюнтяй. А я, воссоединившись с ним, соглашусь.

И верно. Ведь, возвратившись, ему предстояло снова влиться в гораздо больший разум, чем его собственный, а тому, в свою очередь, — в еще больший.

— Без Геи эти бессчетные поколения людей вовсе не существовали бы, — сказала Лоринда. — Все худшее, что с ними приключилось, они сами на себя навлекли. Будь хоть кто-нибудь из них способен отыскать дорогу к лучшему, она продолжила бы эксперимент.

— М-м. Я все вспоминаю утопистов, что массово убивали людей, пытали или бросали в концлагеря, если их поведение не соответствовало нужным установкам.

— Нет-нет, здесь все не так! Разве вы не видите? Она дает им свободу быть самими собой и развиваться.

— А на мой взгляд, просто меняет параметры и условия, пока результат ее не удовлетворит. — Кристиан нахмурился. — Но, согласен, трудно поверить, будто это происходит лишь потому, что ей… скучно и одиноко. С ней ведь готов общаться весь галактический мозг. Может, нам просто не хватает ума понять, в чем дело. А Страннику или даже напрямую Альфе Гея все объяснит.

Правда, на беседу со звездами уйдут по меньшей мере десятки лет.

— Но вы все равно желаете продолжать? — спросила Лоринда.

— Я же сказал — желаю. Я для этого предназначен. А ты?

— Я тоже. Не хочу ее… подводить, что ли.

— Не знаю, куда теперь отправиться. Наверное, неразумно будет, чтобы за нас решали амулеты.

— Но они могут нам помочь, дать совет. — Лоринда сделала глубокий вдох. — Только… Пожалуйста, можно, чтобы теперь мы побывали в каком-нибудь месте поспокойнее? Тот ужас…

Он потянулся к ней и взял за руку:

— Я в точности об этом и думал. У тебя есть предложения?

Она кивнула:

— Йоркский собор. Когда я… была жива, он пребывал в прискорбном состоянии. Но я видела картинки. Представьте — одна из самых милых церквей на свете, построенная в одном из самых милых старых городков.

— Замечательная идея. Только копаться в архиве я больше не хочу. Выберем полную эмуляцию. Сначала, конечно, надо будет навести справки, но в качестве экспромта я бы предложил времена короля Эдуарда. На континенте их называли *belle epoque.*

— Великолепно! — воскликнула Лоринда. Она уже воспряла духом.

Переход.

Они оказались близ западной стены собора, в южном нефе.

Верующих было немного, они теснились поближе к алтарю. В полумраке, царившем под сводами, в переплясе цветных витражей их прибытия никто не заметил. Стоял июнь, вторник, утро. Солнце заливало пресвитерий, и яркие пятна играли на ризе священника — розовое, золото, лазурь… Запах ладана сплетался со звонким хоралом.

— Латынь! — чуть не крикнул Кристиан. — В Англии, в тысяча девятисотом году?! — Он окинул себя и Лорин-ду взглядом: на нем был плащ (шляпа висела на спинке передней скамьи), на ней — кружевная блузка, юбка до щиколоток и капор с оборками. — И одежда не такая, как надо.

— Тс-с, — шепнула она. — Погодите. Нас же предупреждали, что это будет не такой тысяча девятисотый год, как у нас. Наверное, другой версии Йоркского собора у Геи не нашлось.

Кристиан кивнул. Ясно было, что узел никогда не пытался в точности воспроизвести какую-либо эпоху, не видя ни возможности, ни смысла. В качестве отправной точки нередко принималось что-либо, приближенно соответствующее реальной истории, но дальнейшие события всегда разворачивались как-то иначе. Куда уходил корнями этот день?

— Расслабьтесь, — попросила Лоринда. — Здесь так красиво…

Он старался как мог. И в самом деле, звуки католической мессы влили в его сердце меру безмятежности.

Когда клир и миряне разошлись, Кристиан с Лорин-дой отправились смотреть собор и долго смаковали его красоту. Потом, выйдя наконец на паперть, они немало времени провели, разглядывая резной фронтон. То был не Парфенон — нет, то же самое чудо проявилось здесь по-новому. Но вокруг лежал целый мир, который им предстояло исследовать. Со вздохом и улыбкой они двинулись в путь.

Площадь окружали очаровательные дома — первый этаж каменный, второй сложен из бревен. Дальше тянулись улицы посовременнее. А сколько людей! Йорк был живым городом, торговым, сердцем округи, средоточием нации. Он кипел, он бурлил.

Улыбки растаяли. Даже совершенно незнакомый пейзаж не показался бы им столь чужим, как этот, наполовину напоминавший родную реальность.

Одевались здесь люди не то чтобы вовсе не так, как на картинках и в исторических фильмах, которые случалось видеть Кристиану и Лоринде, но и не совсем так же. Говорили по-английски, но на каких-то незнакомых им диалектах; нередко слышалась и немецкая речь. Небольшой, весь обвешанный какими-то трубами локомотив тянул за собой поезд. Здание вокзала почему-то напоминало тевтонский замок. По мостовой (автомобилей не было) двигалось множество повозок, запряженных лошадьми, но брусчатка оставалась чиста и навозом почти не пахло: заднюю часть тела каждого коня охватывал лоскут ткани. Над почтой (?) развевался на ветру флаг с

шотландским крестом святого Андрея и золотым двуглавым орлом поверх него. Какой-то человек с рупором кричал, чтобы толпа расступилась и дала пройти военному отряду. Батальон солдат в голубых мундирах, с винтовками на плечах, двигался быстрым маршем; команды отдавались по-немецки. Повсюду мелькали отдельные солдаты в такой же форме, вероятно получившие увольнительную. Мимо промчался мальчишка с пачкой газет, и в заголовке Кристиан заметил слово «война».

— Эй, амулет, — пробормотал он, — где бы нам пива выпить?

— Вас обслужат в таверне, если вы войдете через вход для пар, — ответило устройство.

Значит, женщины без сопровождения туда не допускаются. Кажется, припомнил Кристиан, в эпоху короля Эдуарда так и было, по крайней мере в приличных заведениях. Неподалеку на фасаде в тюдоровском стиле виднелась вывеска «Георгий и дракон». Они зашли. Зал, обшитый деревом, выглядел вполне по-английски.

Посетителей было полно, они шумели и курили так, что все заволок густой дым. Но все же им с Лориндой удалось найти в углу столик, где они могли поговорить, не привлекая чужого внимания. Напиток, что притащила девушка-служанка, напоминал скорее что-то континентальное. Кристиану не понравилось.

— Не думаю, что мы нашли себе спокойный мир, — сказал он.

Лоринда смотрела мимо него куда-то вдаль.

— И найдем ли когда-нибудь? — проговорила она. — Может ли он существовать, если в нем живут люди?

— Ладно, — Кристиан поморщился, — давай-ка выясним, что тут происходит.

— Если хотите, я могу вам все подробно объяснить, — произнес амулет. — Но рекомендую ограничиться общим обзором, как в прошлый раз.

— И верно, зачем забивать себе голову историей мира, которого никогда не было, — пробормотал Кристиан.

— Который никогда не был нашим, — поправила его Лоринда.

— Продолжай.

— Данная последовательность была сгенерирована на стадии, соответствующей пятнадцатому столетию от Рождества Христова, — сказал амулет. — Были сделаны допущения, согласно которым в отличие от вашего мира соборное движение здесь увенчалось успехом.

— Соборное движение?..

нередко принималось что-либо, приближенно соответствующее реальной истории, но дальнейшие события всегда разворачивались как-то иначе. Куда уходил корнями этот день?

— Расслабьтесь, — попросила Лоринда. — Здесь так красиво…

Он старался как мог. И в самом деле, звуки католической мессы влили в его сердце меру безмятежности.

Когда клир и миряне разошлись, Кристиан с Лорин-дой отправились смотреть собор и долго смаковали его красоту. Потом, выйдя наконец на паперть, они немало времени провели, разглядывая резной фронтон. То был не Парфенон — нет, то же самое чудо проявилось здесь по-новому. Но вокруг лежал целый мир, который им предстояло исследовать. Со вздохом и улыбкой они двинулись в путь.

Площадь окружали очаровательные дома — первый этаж каменный, второй сложен из бревен. Дальше тянулись улицы посовременнее. А сколько людей! Йорк был живым городом, торговым, сердцем округи, средоточием нации. Он кипел, он бурлил.

Улыбки растаяли. Даже совершенно незнакомый пейзаж не показался бы им столь чужим, как этот, наполовину напоминавший родную реальность.

Одевались здесь люди не то чтобы вовсе не так, как на картинках и в исторических фильмах, которые случалось видеть Кристиану и Лоринде, но и не совсем так же. Говорили по-английски, но на каких-то незнакомых им диалектах; нередко слышалась и немецкая речь. Небольшой, весь обвешанный какими-то трубами локомотив тянул за собой поезд. Здание вокзала почему-то напоминало тевтонский замок. По мостовой (автомобилей не было) двигалось множество повозок, запряженных лошадьми, но брусчатка оставалась чиста и навозом почти не пахло: заднюю часть тела каждого коня охватывал лоскут ткани. Над почтой (?) развевался на ветру флаг с шотландским крестом святого Андрея и золотым двуглавым орлом поверх него. Какой-то человек с рупором кричал, чтобы толпа расступилась и дала пройти военному отряду. Батальон солдат в голубых мундирах, с винтовками на плечах, двигался быстрым маршем; команды отдавались по-немецки. Повсюду мелькали отдельные солдаты в такой же форме, вероятно получившие увольнительную. Мимо промчался мальчишка с пачкой газет, и в заголовке Кристиан заметил слово «война».

— Эй, амулет, — пробормотал он, — где бы нам пива выпить?

— Вас обслужат в таверне, если вы войдете через вход для

пар, — ответило устройство.

Значит, женщины без сопровождения туда не допускаются. Кажется, припомнил Кристиан, в эпоху короля Эдуарда так и было, по крайней мере в приличных заведениях. Неподалеку на фасаде в тюдоровском стиле виднелась вывеска «Георгий и дракон». Они зашли. Зал, обшитый деревом, выглядел вполне по-английски.

Посетителей было полно, они шумели и курили так, что все заволок густой дым. Но все же им с Лориндой удалось найти в углу столик, где они могли поговорить, не привлекая чужого внимания. Напиток, что притащила девушка-служанка, напоминал скорее что-то континентальное. Кристиану не понравилось.

— Не думаю, что мы нашли себе спокойный мир, — сказал он.

Лоринда смотрела мимо него куда-то вдаль.

— И найдем ли когда-нибудь? — проговорила она. — Может ли он существовать, если в нем живут люди?

— Ладно, — Кристиан поморщился, — давай-ка выясним, что тут происходит.

— Если хотите, я могу вам все подробно объяснить, — произнес амулет. — Но рекомендую ограничиться общим обзором, как в прошлый раз.

— И верно, зачем забивать себе голову историей мира, которого никогда не было, — пробормотал Кристиан.

— Который никогда не был нашим, — поправила его Лоринда.

— Продолжай.

— Данная последовательность была сгенерирована на стадии, соответствующей пятнадцатому столетию от Рождества Христова, — сказал амулет. — Были сделаны допущения, согласно которым в отличие от вашего мира соборное движение здесь увенчалось успехом.

— Соборное движение?..

— Церковные соборы в Константинополе, а позднее в Базеле пытались уврачевать Великую схизму и реформировать управление Церковью. Здесь им удалось достичь этого, вернув епископам часть полномочий, принадлежавших в течение веков Папе, а также добиться примирения с гуситами и внести ряд других важных изменений. В результате не произошло ни Реформации, ни религиозных войн, и Церковь осталась противовесом государству, предотвращая появление абсолютных монархий.

— Как замечательно, — шепнула Лоринда.

— Не больно-то, — угрюмо заметил Кристиан. — Что случилось дальше?

— Говоря кратко, Германия была избавлена от опустошительной Тридцатилетней войны и долговременного распада на враждебные друг другу удельные княжества, В семнадцатом веке она объединилась и вскоре, став в Европе доминирующей державой, повела на Востоке политику завоеваний и колонизации. Религиозные и культурные различия со славянами оказались неустранимы. Жестокость империи порождала противостояние, для подавления которого принимались еще более суровые меры, в результате чего мятежные настроения ширились. Тем временем в ней шли внутренние процессы загнивания. Наконец Германия рухнула, и в настоящий момент русские наступают на Берлин.

— Ясно. А что с наукой и техникой?

— Их развитие шло медленнее, нежели в вашей истории, хотя, как вы могли заметить, здесь промышленно используется ископаемое топливо, а теория достигла приблизительно лагранжевского уровня.

— Вот ведь получается, что самые яркие эпохи были тогда, когда люди только и делали, что гробили друг друга, — задумчиво произнес Кристиан. — Тут Европа не разваливалась на куски, а открытий было сделано куда меньше. Совпадение?

— Чем здесь жили государства? — спросила Лоринда.

— В течение определенного периода процветали парламенты, превзошедшие могуществом королей, императоров и Пап, — ответил амулет. — В большинстве стран Запада они сохраняют значительное влияние.

— Держу пари, за ними просто интереснее наблюдать, — хмыкнул Кристиан. — Ладно, а что будет дальше?

Гея его знает, что там будет. Да, Гея знала: она ведь скорее всего заново включила программу, доигравшую до конца тысячи лет назад.

— Научно-технический прогресс будет продолжаться, причем в течение длительного периода общественного хаоса — со все нарастающей быстротой. К моменту прекращения…

— Не важно!

Лучше исчезнуть, чем сгореть в пламени ядерной войны. За столом стало тихо. Жизнь, плескавшаяся в шумном кабаке, казалась далекой, нереальной.

— Мы не смеем плакать, — сказала наконец Лоринда. — Пока — не смеем.

Кристиан передернул плечами.

— Европа — это еще не вся Земля, — проворчал он. —

Сколько всего миров создала Гея?

— Много, — произнес амулет.

— Покажи нам какой-нибудь совершенно не похожий на наш. Если ты не против, Лоринда.

— Не против. Только не прямо сейчас. Если мы исчезнем, люди будут шокированы. Все их будущее может измениться.

— Да никто и не заметит, — сказал Кристиан. — Да и какое это имеет значение? Впрочем, ладно, давай выйдем на улицу.

…Они шли среди чудес, потерявших смысл, пока не наткнулись на лестницу, что вела на средневековую стену. Оттуда окинули взглядом крыши домов, и реку, и йоркширский край. Никого рядом не было.

— Теперь забери нас отсюда, — велел Кристиан.

— Вы не выбрали тип места назначения, — произнес амулет.

— Удиви нас.

Переход.

Небо было огромное, почти белое. Дул теплый ветерок. Над широкой бурой рекой стояла стена обрыва. У самого ее края росли деревья — высокие, с бледной корой и дрожащими серебристыми листьями. Кристиан узнал их: то были трехгранные тополя. Значит, он где-то на западе Северной Америки. Если не двигаться, по телу ползли пятна теней. За рекой было раздолье: крохотные фермы (дом, амбар, конюшня да мастерская), а меж ними вились сквозь посевы пшеницы и кукурузы проселочные дороги. Черепичные крыши построек по-азиатски выгибались кверху. Кристиан заметил несколько телег, запряженных волами, и всадников. В полях трудились люди, но разглядеть, какой они расы и во что одеты, он издалека не смог. У горизонта виднелись сгрудившиеся башни, тоже восточного вида. Если это был город, то небольшой, теснящийся к чему-то.

Вдоль того берега шла процессия: впереди слон в изукрашенной попоне, на нем под шелковым балдахином — разодетый мужчина. Следом шагали люди с обритыми головами, в желтых рясах, а по бокам ехали всадники, и каждый нес в руке длинный шест с золотым или алым вымпелом на конце. Ветер донес глухой напев и монотонные удары гонгов.

— Вот я дурак-то! — воскликнул Кристиан и щелкнул пальцами. — Дай-ка нам по паре биноклей.

Тут же в руках у них с Лориндой оказались оптические устройства из его эпохи: небольшие, но способные проецировать картинку с любым увеличением и без всяких линз, по блеску которых их могли бы заметить. Несколько минут Кристиан осматривал местность. Все кругом было похоже на Китай или какую-то другую культуру, многое почерпнувшую у китайцев,

если не считать того, что черты лиц у многих людей напоминали индейские, а у их вождя, оседлавшего слона, на голове качался убор из перьев.

— Как тут тихо, — сказала Лоринда.

— Вы сейчас в высшей точке эпохи Великого Покоя, — ответил голос амулета.

— Такое часто бывало? — спросил Кристиан. — Где, когда, как?

— Вы находитесь в Северной Америке, в двадцать втором столетии во вашему счету. Семьсот лет назад на тихоокеанское побережье прибыли китайские мореходы, а следом за ними — колонисты.

В этом мире, подумал Кристиан, Европа и Африка — всего лишь набросок, географическая карта, где в лучшем случае обитают несколько примитивных племен. А может, их и вовсе нет, только океан. Упрощение, упрощение…

— Учитывая дальние расстояния и опасность плавания под парусом, процесс шел медленно, — продолжил амулет. — Прибывавшие китайцы изгоняли или покоряли местных жителей, однако большинство аборигенов надолго сохранили свободу, познакомились с новыми технологиями, а также приобрели иммунитет к незнакомым прежде болезням. В конце концов, оказавшись примерно в равных условиях, две расы стали смешиваться как на генетическом, так и на культурном уровне. Поселенцы смягчили варварство религий, с которыми встретились, но сами, в свою очередь, не только учили, но и учились. Результат вы видите.

— Путь Будды? — негромко спросила Лоринда.

— Да, подвергшийся влиянию даосизма и местных культов природы. Это гармоничная вера, лишенная сект и ересей.

— Не может же все состоять из чистой любви и доброты, — не поверил Кристиан.

— Разумеется. Но мир, принесенный стране императором Вэй Жи-фу, длится уже сто лет и не прервется еще двести. Если вы решите попутешествовать здесь, то увидите выдающиеся достижения искусства и добродетели.

— Мир продлится еще двести лет. — Голос Лоринды чуть дрожал. — А потом?

— А потом — кончится, — предсказал Кристиан. — Они же тоже люди. И еще, скажи мне, как у них с наукой?

— Никак, — ответил амулет. — Их гениальность простирается в других направлениях. Но грядущая эпоха войн приведет к заметному технологическому прорыву.

— Какая эпоха?!

— Китай так и не признал независимость, провозглашенную колониями, и не одобрил смешение народов. Появившаяся там воинственная династия завоюет Западное полушарие, ослабленное внутренними религиозными и светскими разногласиями, которые там в конце концов возникнут.

— А потом, в свою очередь, победители тоже падут. Если Гея прежде не прервет работу программы. Это ведь когда-то произойдет… то есть уже произошло, верно?

— Ничто не вечно. И творения Геи тоже. Ветер шелестел листвой.

— Хотите осмотреть город? — спросил амулет. — Вам может быть устроена встреча с рядом известных лиц.

— Нет, — ответил Кристиан. — Пока не хотим. Может, позже.

Лоринда вздохнула:

— Лучше мы сейчас вернемся домой и отдохнем.

— И подумаем, — добавил Кристиан. — Да.

Переход.

Солнце в Англии светило не так ярко, как в Америке. Оно клонилось к западу, и последние лучи горели багрянцем на дереве мебели, гладили мрамор и обложки книг, а там, где падали на резное стекло, взрывались радугой. Букет разных цветов, стоявший в вазе, источал аромат.

Лоринда открыла ящик бюро, сняла с шеи цепочку с амулетом и убрала туда. Кристиан моргнул, кивнул и сделал то же самое.

— Нам надо немного побыть самими собой, — сказала она. — Сегодня было не так ужасно, как вчера, но я очень устала.

— Неудивительно, — ответил Кристиан.

— А вы?

— Я скоро тоже устану.

— Эти миры… Мне все время кажется, будто я видела их во сне, а не наяву.

— Наверное, дело в эмоциональной самозащите. Это не трусость, просто у психики есть свои пределы. Ты ведь разделяла с ними их боль. Знаешь, Лоринда, ты слишком добра, чтобы быть счастливой.

Она улыбнулась:

— Не ошибитесь. Если вы не готовы рухнуть прямо на месте, я тоже буду держаться.

— Черт возьми, нет.

Она достала из шкафа хрустальные бокалы, налила в них вина из графина, стоявшего на буфете, и сделала приглашающий жест. Портвейн был изумителен. Кристиан и Лоринда так и стояли, глядя друг другу в глаза.

— Наверное, было бы глупо и претенциозно пытаться нащупать какие-либо закономерности, лишь начав исследование, — заговорила наконец она. — Мы ведь видели только тонкие срезы нескольких из огромного множества миров, при том что каждый реален не меньше, чем мы с вами. — Ее передернуло.

— У меня есть догадка, — медленно произнес Кристиан.

— Что?

— У меня интуитивное предчувствие. Зачем Гея все это делает? Не думаю, что она просто развлекается.

— Я тоже. И не верю, что она позволила бы происходить столь страшным вещам, если бы могла предотвратить их. Как может столь великий разум, столь великая душа, как у нее, не быть добра?

Так она считает, сказал себе Кристиан, но она ведь — частичное воплощение Геи. Конечно, он слишком хорошо знал Лоринду, чтобы сомневаться в ее честности. Но отсюда никак не следовало, что благие намерения питает сам узел Земли. Просто живая Лоринда Эшкрофт была славной женщиной.

Она сделала большой глоток и продолжила:

— Лично мне кажется, что она находится в том же положении, что и Бог, как его традиционно представляют люди. Будучи добра, она желает разделить свое существование с другими и потому создает их. Но было бы бессмысленно делать их марионетками или автоматами. Необходимо дать им сознание и свободу воли. Отсюда у них появляется способность грешить, чем они постоянно и занимаются.

— Почему она не сотворила их обладающими большей нравственной силой?

— Потому что предпочла, чтобы они были людьми. А кто мы есть, как не особый вид африканской обезьяны? — Тон Лоринды стал печальнее; она смотрела в бокал. — Особый, научившийся изготовлять инструменты, говорить на всяких языках и видеть сны. Но сны могут обернуться кошмарами.

Ни в Гее, ни в Альфе, подумал Кристиан, не таится древний зверь. Их человеческие элементы давно уже укрощены, преображены и растворены. Воскрешение и его, и Лоринды — почти уникальный случай.

Не желая ее огорчать, он стал очень осторожно подбирать слова:

— Твоя идея кажется мне осмысленной, но боюсь, что она оставляет незатронутыми несколько вопросов. Гея постоянно вмешивается в ход своих эмуляций. Об этом говорят амулеты. Когда события слишком отклоняются от задуманного, она

изменяет условия. — А в конце концов и вовсе все отключает, подумал он, но вслух этих слов не произнес. — Зачем она проводит эксперименты? Лоринда вздрогнула:

— Чтобы… чтобы изучить наше странное племя? Он кивнул:

— Да, так мне и кажется. Ни ей, ни даже всему галактическому мозгу не под силу подсчитать по отправным условиям, чем закончится развитие какой-либо ситуации, в которой участвуют люди. Поведение человека хаотично. Однако и в хаотических системах присутствуют структурные элементы, сдержки, противовесы. Просмотрев огромный объем вариантов, можно обнаружить несколько глобальных законов и выяснить, какие направления лучше, какие хуже. — Он поболтал остатком портвейна в бокале. — Но с какой целью? Во внешней Вселенной больше не осталось людей. Их нет уже… сколько бишь миллионов лет? Нет, если только Геей в самом деле не движет простое любопытство, я понятия не имею, чего она хочет.

— И я. — Лоринда допила вино. — Знаете, я вдруг стала очень быстро уставать.

— Я тоже. Может, пойдем поспим до вечера? А потом закажем на ужин что-нибудь особенное, и в голове у нас прояснится.

Она на миг коснулась его руки:

— До вечера, мой милый друг.

Ночь была юная и нежная. Над садом светила полная луна. Вино улучшило их настроение, тоска отступила. Гравий на дорожке ритмично похрустывал под ногами — Кристиан и Лоринда танцевали, вместе напевая мелодию вальса. Потом, смеясь, сели у пруда, залитого светом. Рядом лежала гитара — Кристиан успел на миг надеть амулет и отдать ему нужную команду. Теперь он взял инструмент в руки. Никогда не видел он ничего прекраснее, чем лицо Лоринды в лунном сиянии. Он спел ей песню, которую сочинил давным-давно, когда был смертным человеком.

Задавайте ритм, танцоры: Лета возвестим приход! «Жизнь ценней, чем злата горы: Трать легко и без разбору», — Скрипка весело поет.

Срок весенний быстротечен, Год промчится день за днем. Пусть закон бесчеловечен, Краткий миг увековечен В танце буйном и шальном.

Нам ли ждать в смиренье кротком? Наш удел — веселый пляс. Сбрось тяжелые колодки, Поцелуй меня, красотка! Струны и ветра — за нас![1]

Потом она вдруг оказалась в его объятиях.

8

Там, где холмы над рекой были выше всего, на крутом склоне, деревья росли негусто. Калава направил шлюпку к берегу. Рабы, сидевшие на веслах, закряхтели от двойной нагрузки. Пот ручьями стекал по их тугим, обтянутым кожей мускулам: в этот день солнце пылало в небе, лишь наполовину затянутом облаками. Вот днище шкрябнуло о песчаную отмель.

Калава велел двум матросам оставаться стеречь лодку и гребцов, а сам с четырьмя другими и Ильянди спрыгнул на мелководье, выбрался на сухое место и стал карабкаться вверх по склону.

Лезть пришлось долго, но зато с гребня открывался такой вид, что у Ильянди пресеклось дыхание, а кто-то из моряков восхищенно выругался. С северной стороны земля уходила из-под ног еще обрывистее, так что они смотрели сверху на кроны деревьев, что росли у подножия гряды. Вдаль тянулась равнина, покрытая где зеленым, где бурым. Ее пересекала река — вода блестела, как обнаженный клинок, — текшая от дальних холмов, едва видимых в дымке, и иззубренной стены гор за ними. В вышине парили два мечекрыла — стерегли добычу. Могучие облака были пронизаны лучами света, и оттого в их белизне шевелились тени. Воздух здесь был почему-то прохладнее, а запах трав взывал к мыслям о благословенном.

— Дивно здесь, дивно, как в Закатном Королевстве, о коем говорят саги, — прошептала наконец Ильянди.

Стройную ее фигуру облегала мужская рубаха, на ногах были сандалии на высокой подошве, — так подобало одеваться вилку, вышедшей в странствие. Ветер трепал ей короткие локоны. Медная кожа взмокла и пахла почти так же, как полуночно-черное тело Калавы, но устала Ильянди не больше, чем любой из ее спутников.

Матрос по имени Урко хмурил брови на деревья и плотный кустарник, росший повсюду. Лишь там, где поднимались путешественники, было чище, — возможно, там когда-то сошел оползень.

— Больно тут много лесов, — буркнул он.

И впрямь, где бы они ни причаливали, идти было тяжко. Об охоте, столь легкой у взморья, пришлось позабыть. По счастью, река кишела рыбой.

— Дровосеки это исправят, — прогромыхал Калава. — А потом — что тут будут за фермы!

На миг он замечтался о будущем, потом вернулся с небес на

землю:

— Теперь повернем обратно — мы уже довольно видели. Три дня нас не было, и еще, мыслю, дня два будем спускаться вниз по течению. А то как бы на корабле не забоялись.

— Придут новые корабли и с ними — новые исследователи, — сказала Ильянди.

— Воистину. И первых приведу сюда я.

Справа в зарослях раздался треск, да такой громкий, что перекрыл посвист ветра.

— Это что еще? — прохрипел Тальтара.

— Какой-то крупный зверь, — отозвался Калава. — Будьте начеку.

Моряки выстроились в цепь. Трое держали в руках копья, четвертый снял со спины самострел и изготовился к бою. Калава махнул Ильянди рукой, чтоб укрылась за их спинами, и вытащил меч.

Тварь из кустов выбралась на открытое место.

— А-ах! — взвыл Йарвонин.

Уронив копье, он хотел уже броситься прочь.

— Стоять! — рявкнул Калава. — Урко, кто побежит — стреляй, если я его сам не зарублю! Держите строй, сукины дети!

Существо остановилось. Сердца у моряков бились, как молот о наковальню, но никто не шевельнулся.

А устрашиться было чего. Росту в нем имелось на голову больше, чем в самом высоком мужчине, но голова та не имела лица — только жуткую гладкую маску. По бокам торчали четыре толстые руки, причем кисти двух из них были совершенно изуродованы. Даже горб на спине не скрывал могучей силы. На глазах у странников тварь выпустила третью ногу, чтобы лучше стоять на неровной земле. Нагая она была или же закована в доспехи, но в сей светлый день ее окутывал полумрак.

— Держитесь, ребята, держитесь, — проговорил Калава сквозь стиснутые зубы Ильянди ступила на шаг вперед. Лицо ее было невероятно спокойным. — Госпожа моя, *что* это?

— Полагаю, что бог или посланец богов. На ветру ее было еле слышно.

— Демон, — простонал Эйвала, хоть и не стронулся с места.

— Нет, едва ли. Мы, вилкуи, немного знакомы с подобным. Но воистину оно не пылает пламенем, и не думала я, что встречу такое в этой жизни…

Ильянди глубоко вздохнула, стиснула на миг кулаки и, раздвинув мужчин, встала впереди них. Потом она коснулась побега текина, приколотого у нее на груди, закрыла глаза и опустилась перед чудовищем на колени.

Тварь не двинулась, но заговорила голосом зычным и глубоким, хоть и не имела рта. Слов ее никто не мог понять. Миг спустя она смолкла, потом вновь стала изъясняться на столь же неведомом наречии. На третий раз Калава воскликнул:

— Хой! То речь Сияющих Полей!

Существо затихло, будто обдумывая то, что услышало, а потом произнесло на языке сирсуских улонаи:

— Не бойтесь. Я не причиню вам зла.

— «Мало ведомо человеку и еще меньше понятно, оттого да склонится он до земли пред мудростью», — провозгласила Ильянди и чуть обернулась к спутникам: — Отложите свое оружие. Приветствуйте его как подобает.

Те неуклюже повиновались.

На безликой маске проступили людские черты. Был тот человек темнокож, но никого подобного ему моряки прежде не встречали: нос он имел широкий, губы тяжелые, глаза круглые, а волосы туго курчавились. Но все же вид волшебства ободрил их.

Приглушенным, но ровным тоном Ильянди спросила:

— Чего ты желаешь от нас, господин?

— Сложно сказать, — ответило странное существо. И добавило после паузы: — По всему миру царит смятение. Вот и я… Можете звать меня Брэннок.

Капитан собрался с мужеством:

— Я же — Калава, сын Курво, из клана Самайоки. — Тут он шепнул Ильянди на ухо: — Не сочти за непочтение, госпожа моя, что не называю ему твоего имени. Пускай он лучше оплетает своими чарами меня.

Хоть по Брэнноку не было видно, какого он пола, все же Калава понял, что это мужчина.

— Господину моему нет нужды знать имена, чтобы поступить с нами, как пожелает, — ответила она. — Я зовусь Ильянди, дочь Лайтин, рожденная в клане Арвала, а ныне — вилку пятого сана.

Калава прокашлялся и добавил:

— С твоего позволения, господин, мы не станем называть остальных. Они и без того напуганы.

За спиной он услышал ворчание и незаметно улыбнулся: стыд не даст людям сбежать. Что до него самого, страх уступал место звенящей готовности ко всему.

— Вы ведь нездешние, так? — спросил Брэннок.

— Нет, — ответил Калава, — мы разведчики, прибывшие из-за моря.

Ильянди, недовольная его вмешательством, спросила:

— Господин, нарушили ли мы твои рубежи? Нам неведомо было, что сие запретный край.

— Да нет, — ответил Брэннок, — не то чтобы в полном смысле этого слова… — Волшебное лицо улыбнулось. — Слушайте, давайте поговорим. Нам много чего надо обсудить.

— Речь его — не как у человека, — вполголоса предостерег Ильянди Калава.

— Лишь не как у тебя, — отмахнулась та.

— Идемте в тенёк.

Брэннок указал на старый кривосук с раскидистой кроной, и сам зашагал туда, убрав третью ногу. Поперек дороги лежал огромный поваленный ствол, Брэннок нагнулся, ухватил его и оттащил в сторону. Весь отряд Калавы не смог бы и сдвинуть с места такое бревно. Перелезть через него было бы нетрудно, но существо нашло, как, не причиняя никому вреда, показать свою силу, — и моряки еще больше осмелели. Но все же рассаживались они с благоговейным трепетом. Капитан, вилку и незнакомец остались стоять.

— Ну, рассказывайте, кто вы такие, — сказал Брэннок.

— Несомненно, сие тебе ведомо, господин, — ответила Ильянди.

— Может, и так.

— Надобно поступать, как он велит, — произнес Калава. Они стали отвечать на вопросы. Брэннок кивнул:

— Понял. Значит, вы первые люди, попавшие в этот край. Тем не менее ваш народ уже давно живет в родных местах, верно?

— Со времен незапамятных, господин, — сказала Ильянди, — хотя легенда гласит, будто предки наши пришли туда с юга.

Брэннок опять улыбнулся:

— Вы очень храбры… э-э… госпожа моя. Кстати, вы ведь говорили своему товарищу, что члены вашего ордена уже встречались с существами вроде меня?

— Ты расслышал ее шепот с расстояния в полброска копья?! — вырвалось у Калавы.

— Или, господин, ты читаешь наши мысли, — проговорила Ильянди.

— Нет, не читаю, — серьезно ответил Брэннок. — Иначе зачем мне вас расспрашивать?

— Осмелюсь ли спросить, откуда ты прибыл?

— Сердиться я не стану, но и объяснить как следует не смогу. Хотите мне помочь — расскажите о тех, кого видели.

Ильянди не сумела скрыть внезапного напряжения мускулов. Калава, стоявший рядом, онемел. Даже неучи матросы поразились: неужели бог способен такое сказать?

— С высот приходили они в давнюю пору к иным из вилкуи, а временами — к вождям, — заговорила Ильянди, тщательно

выбирая слова. — Повелевали они, что должно делать народу и что не должно. Нередко приказы их было трудно понять. Для чего кивалуи строить водяные мельницы на Поспешной реке, когда есть у них в изобилии рабы, которые могут молоть зерно? Но делились они и мудростью и давали советы, где и как познавать нам пути природы. И всякий раз Высокий запрещал открыто рассказывать о своем приходе. Записи о том сохранились в тайных летописях вилкуи. Однако тебе, господин…

— Как эти существа выглядели? — резко спросил Брэннок.

— Были то фигуры, сотканные из пламени, крылатые или же подобные человеку, с трубными голосами…

— Секира Рувио! — воскликнул невольно Калава. — То, что пролетело у нас над головами, когда мы были в море!

Матросы, сидевшие на земле, задрожали.

— Да, — мягко произнес Брэннок, — возможно, я к этому причастен. Но что касается остальных…

Лицо его дернулось и исчезло, чтобы появиться лишь через миг.

— Прошу прощения, я не хотел вас пугать. Просто забылся. — Черты закаменели, и голос стал как звон колокола: — Внемлите. В небесах идет война. Я извергнут из гущи битвы, и в любой миг могут меня отыскать вражьи охотники. Весть, что несу я, должна — сие очень важно! — достигнуть… м-м… священной горы на севере. Поможете ли вы мне?

Калава стиснул рукоять меча так, что кожа у него на пальцах едва не лопнула. Ильянди побледнела — ни кровинки. Готовая к тому, что сейчас же молния поразит ее, она произнесла:

— Господин мой Брэннок, как можем мы увериться, что ты — один из богов?

Гром не грянул.

— А я и не бог, — ответил он ей. — Я тоже могу погибнуть. Но те, кому я служу, обитают среди звезд.

Лишь когда ночью расступаются облака, в небе становятся видны таинственные огни. Но учили Мыслящие-о- Небе, что весь строй их обращается вокруг Оси Севера… Ильянди не согнула спины.

— Тогда можешь ли ты рассказать мне о звездах?

— Вы столь же умны, как и отважны, — произнес Брэннок. — Слушайте же.

За беседой их Калава уследить не мог. Матросы ежились со страха.

В конце, со слезами на глазах, Ильянди хрипло сказала:

— Да, созвездия ему ведомы, и знает он об эклиптике и прецессии и о том, как уходит и возвращается Великая Комета.

Он со звезд. Верьте ему. Мы… мы не смеем ему не верить.

Калава выпустил оружие, прижал ладонь к груди и спросил:

— Чем можем мы, ничтожные, помочь тебе, господин мой?

— Весть, которую я несу, это *вы,* — ответил Брэннок.

— Что?

— Объяснять мне некогда, даже если бы я мог. Охотники в любой момент могут меня обнаружить. Но вдруг, вдруг вам удастся продолжить то, что я начал?

— Избегнуть гибели от рук того, кто одолеет тебя? — Калава трескуче рассмеялся. — Попробовать-то можно.

— Ставки очень высоки. Но если мы победим, выбирайте себе любую награду, и, думаю, вы ее получите.

Ильянди склонила голову под сведенные вместе ладони:

— Нам довольно одной чести послужить живущим по ту сторону луны.

— Пфе, — пробормотал, не удержавшись, Калава, — хотят заплатить, почему бы и нет? — А громче произнес, горделиво выпрямившись, и ветер трепал его выбеленные космы: — Что должны мы сделать?

— Я уже все обдумал, — ответил Брэннок. — Не мог бы один из вас отправиться со мной? Я понесу его быстрее, чем он смог бы идти. А о том, что будет дальше, мы поговорим по дороге.

Люди стояли молча.

— Умей я только жить в лесу!.. — произнесла наконец Ильянди. — О, умей я! Как хотела бы я отправиться к звездам!

Калава покачал головой:

— Нет, госпожа моя. Ты вернешься обратно с матросами. Ободри тех, кто остался с кораблем. Заставь их закончить починку. — Он взглянул на Брэннока: — Сколько времени займет путь, господин?

— До вершины горы мне добираться два дня и ночь, — ответил тот. — Если меня поймают и вам придется подниматься дальше одному, то, думаю, сильный мужчина способен преодолеть все расстояние отсюда туда за десять- пятнадцать суток.

Калава опять рассмеялся — теперь уже веселее:

— «Гончая» не будет готова выйти в море намного дольше. Я с тобой, господин. — А Ильянди сказал: — Если я не вернусь к тому дню, как завершится починка, отправляйтесь домой без меня.

— Нет!.. — заикнулась было она.

— Да. Не скорбите по мне. Что за путешествие!.. — Он помолчал и добавил: — Да пребудет с тобой всегда добрая удача, госпожа моя.

— И с тобою, Калава, и с тобою вовеки, — откликнулась она не вполне твердым голосом, — в этом мире и после, до самых звезд.

9

Из прутьев, вьюнов, кожаных ремней и разорванной на полосы одежды Брэннок смастерил для своего спутника что-то вроде люльки. Тот помогал как мог. Он был возбужден, но к делу подходил не без практической смекалки. Брэнноку, тоже ходившему когда-то в море, нравилось смотреть, как искусные пальцы вяжут сложные узлы.

В конце концов Калава смог закрепиться у него на спине. Ядерный реактор у Брэннока в горбу почти не излучал радиации — процессы в нем шли на квантовом уровне. Итак, они двинулись вниз по склону холма и стали пересекать равнину.

Получалось не намного быстрее, чем мог бы бежать человек: трудно было продираться сквозь заросли. Идти напролом Брэннок не хотел, чтобы не оставлять за собой четкого следа. Поэтому он осторожно раздвигал кустарник, а самые густые места обходил. Основное его преимущество состояло в выносливости. Он не нуждался ни в пище, ни в воде, ни в отдыхе. В далеких пока горах могло оказаться тяжелее. Но Дом Мысли поднимался не выше границы леса — ведь Земля превратилась в огромную духовку, — с высотой растительность становилась лишь реже и суше. Ни снег, ни лед не ожидали там Брэннока, а большинство склонов скорее всего должны были прочно держаться корнями деревьев.

Да, мир был чужой. Брэннок вспоминал кедры, ели, озеро, где в воде отражалось чистое голубое небо, по которому плыли облака, а по берегам объедали мох и морошку олени-карибу. А здесь он не знал ни одного дерева, ни одного куста или цветка, ни одного жужжащего насекомого; вместо травы торчали какие-то острые побеги, крылатые существа, парившие в высоте, были не птицами, а голоса зверей, доносившиеся из чащи, Брэннок никогда прежде не слышал.

Но он шел вперед. Стемнело. Вскоре по густой листве деревьев застучал дождь. Капли, попадавшие время от времени на корпус Брэннока, были большие и теплые. Чувство направления, подтвержденное магнитным полем и вращением планеты, помогало не сбиться с курса. Внутренний интегратор вел счет оставшимся позади километрам.

Чем больше — тем лучше. Мобильные сенсоры Геи наверняка следили за экспедицией улонаи, представлявшей собой новый и потенциально опасный фактор. Подсматривая и подслушивая, она наверняка узнала об отряде, двинувшемся вверх по реке, и поспешила наперехват. Скорее всего, считал Брэннок, если бы Гея не находилась в постоянном контакте со Странником, она все

время держала бы под наблюдением лагерь, а за Калавой отправила бы одно-го-двух небольших роботов. Но эмиссар Альфы вполне мог заметить, что ее внимание привлечено чем-то близким и важным, и поинтересоваться, чем именно.

Однако существовал и вариант с невидимыми разведчиками, которые время от времени пролетают мимо и в сжатой форме рапортуют об увиденном периферическому сегменту Геи. Хорошо бы, ни один из них не оказался рядом, когда матросы станут обсуждать чудовище, унесшее их капитана.

В течение какого-то времени Гея могла отвлекать Странника, высвободив одновременно достаточную долю своего разума, чтобы направлять машины, способные найти Брэннока и покончить с ним. Едва ли ему еще раз удастся выйти победителем из схватки. Да, Гея не осмеливалась посылать на поиски свои самые грозные аппараты и давать им прямые инструкции, так что можно было ожидать от них слабости и ошибок. Но все же они окажутся решительны, безжалостны и готовы противостоять возможностям

Брэннока, проявленным им на борту самолета. Несомненно, Гея решила скрыть сам факт того, что на Земле вновь живут люди.

Причин тому Брэннок не знал и не хотел тратить умственную энергию на догадки. Наверняка они были крайне важны, а следствия еще важнее — отпадение Геи от галактического мозга. Но в его задачи входило лишь доставить информацию. Страннику.

Может быть, ему удалось бы подойти достаточно близко, чтобы передать сообщение по радио. Эмиссар не ожидал сигнала, и его приемник не был настроен на чувствительность, а станция Брэннока обладала лишь малым радиусом действия — ведь подобная ситуация не прогнозировалась. Если он не доберется до вершины, последней его надеждой останется Калава.

И в этом случае…

— Ты не устал? — спросил он.

До сих пор они обменялись лишь парой слов.

— Я изнурен и весь одеревенел, — признался капитан. И во рту у него пересохло, судя по голосу.

— Так не пойдет. Надо, чтобы ты был в состоянии быстро двигаться, если придется. Продержись еще немного, мы скоро отдохнем.

Может быть, подумал Брэннок, при слове «мы» Калава почувствует себя веселее. Мало кто из людей бывал так одинок, как он.

Край был влажный, и то и дело попадались источники.

Химические сенсоры Брэннока указали, где находится ближайший. Дождь уже кончился. Калава спешился, на ощупь — ведь была уже ночь — пробрался к воде, упал и стал пить. Тем временем Брэннок, все четко видевший, расчистил на земле место ему под постель. Тот повалился и почти немедля захрапел.

Брэннок оставил его. Сильный мужчина может несколько дней провести без пищи, пока не начнет слабеть, но в этом не было нужды. Так что Брэннок собрал питательных плодов, а потом выследил и убил животное размером со свинью, отнес в лагерь и освежевал руками-инструментами.

По пути ему пришла в голову идея. Он отыскал дерево с подходящей корой, слишком ясно напоминавшей березу, только красно-коричневого оттенка и остро пахнувшей, оторвал клок и, вернувшись, долго царапал острым, как шило, пальцем.

Занялась серая заря. Калава проснулся, вскочил на ноги и, поклонившись спутнику, стал то потягиваться, как пантера, то прыгать по-козлиному — разминаться.

— Вот славно, — сказал он. — Благодарю моего господина. — Тут его взгляд упал на продовольствие. — Ты и еду заготовил? Воистину ты добрый бог.

— Я не бог и не добрый, — ответил Брэннок. — Бери что хочешь и давай поговорим.

Калава сперва занялся работой по лагерю. Похоже, он растерял остатки религиозного трепета и теперь смотрел на Брэннока просто как на часть мира — разумеется, вызывающую уважение, но такое, какого достоин сильный, загадочный и высокопоставленный мужчина. Что за бездуховность, подумал Брэннок. Или, может быть, просто у них в культуре нет границы между естественным и сверхъестественным? Для примитивного человека все на свете содержит долю магии, так что, когда волшебство проявляет себя, его принимают так же, как повседневные события.

Если, конечно, Калава относится к примитивным людям. В этом Брэннок не испытывал уверенности.

Радостно было видеть, как умело он все делает, — в лесу капитан чувствовал себя столь же уверенно, как и в море. Собрав сухих палок и сложив их шалашиком, Калава запалил костер. Для этого он достал из мешочка на поясе небольшую ступку с притертым поршнем из твердого дерева, трут и лучину с шариком серы на конце. Если приложить усилие, поршень разогревал сжатый воздух, трут в ступке вспыхивал, Калава зажигал от него лучину и подносил к дровам. Изобретательный народ. А та женщина, Ильянди, великолепно знает астрономию, доступную невооруженному глазу. Учитывая, как редко расчищалось небо,

это значило, что в течение многих поколений люди вели терпеливые наблюдения, делали записи и овладевали логикой, включающей математику на уровне, сравнимом с евклидовым.

А чем еще?

Пока Калава поджаривал и ел мясо, Брэннок расспрашивал его. Так ему стало известно о воинственных городах-государствах, окрестности которых были поделены между кланами; о периодически проводившихся судилищах, на которых свободные люди принимали законы, разрешали споры и избирали себе вождей; о международном ордене жрецов, учителей, целителей и философов; об агрессивных методах ведения торговли, доходивших порой до пиратства; о варварах, которых извергали непрестанно растущие пустыни; об угрюмом милитаризме, развившемся в ответ в порубежье; о биологической технике, лишенной теоретической базы, но все же достигшей немалых высот, — соплеменники Калавы научились выводить удивительно разнообразные виды растений и животных, в том числе сильных, безмозглых и по-собачьи преданных рабов…

Еще больше Калава рассказал, когда они снова двинулись в путь. Беседовать по-настоящему, пока Брэннок сражался с кустарником, переходил вброд разлившийся ручей или карабкался по крутому склону, усыпанному щебнем, не удавалось. Но все же время от времени они успевали обменяться вопросом и ответом. Кроме того, перейдя долину и оказавшись в отрогах гор, путники почувствовали, что лес сделался реже, воздух чуть прохладнее, а земля — каменистой, но не такой сырой.

Здесь Брэннок тоже двигался перебежками и, будь он простым человеком, далеко не ушел бы. Но усталость ему не грозила. Он обладал огромным запасом данных, из которого мог черпать предположения, и даже помнил, как в смертной юности изучал историю и антропологию, а также умел строить логические древа и выбирать наилучшие ветви — иными словами, задавать именно те вопросы, какие надо. Получалась схема мира Калавы. Голая, но четкая и достоверная.

И она его пугала.

Нет, скажем лучше, что аспект Кристиана Брэннока, живший в нем, содрогался от жестокости происходящего. Аспект же Странника полагал, что это вполне соответствует извечному поведению людей и что цивилизация, которую они в конце концов построили, без вездесущих искусственных интеллектов лишилась бы стабильности.

Путешествие продолжалось.

Через какое-то время Брэннок опять остановился, чтобы дать

Калаве отдохнуть и размять затекшие конечности. С холма открывался вид на крутые склоны гор, изрезанные ущельями, лишь кое-где поросшие лесом. Вершины терялись в свинцовом небе. Брэннок указал на ближайшую скалу, выступавшую вперед, как бастион из крепостной стены.

— Нам туда, — сказал он. — Там, наверху, — мой господин, которому я должен доставить известие.

— Разве он не видит тебя сверху? — спросил Калава. Брэннок покачал головой (вернее, изображением человеческой головы у себя на экране):

— Нет. Он мог бы, но враг отвлекает его. Он еще не знает, что она — его враг. Считай, что она колдунья, обманывающая моего господина мудрыми речами, песнями и видениями, пока ее слуги рыщут по миру. Вести, которые я несу, откроют ему истину.

Откроют ли? Ведь истина и правота кажутся столь же бесформенными, как облака, окутавшие Землю…

— Готова ли она, что ты явишься?

— В некоторой степени. В какой — не могу сказать. Если я подойду достаточно близко, то испущу… м-м… бесшумный крик, который услышит и поймет мой господин. Но если прежде меня поймают ее воины, ты должен будешь идти дальше, и придется тебе нелегко. Ты вполне можешь не справиться с задачей и погибнуть. Хватит ли у тебя отваги?

Калава косо ухмыльнулся:

— Теперь-то уж лучше бы хватило, верно?

— Если все получится, твоя награда будет безмерна.

— То и есть ветер, что наполняет мой парус. Но еще… — Калава замялся. — Еще, — тихо закончил он, — так хочет госпожа Ильянди.

Брэннок не стал развивать эту тему. Он протянул капитану свернутый кусок коры, который нес в нижней руке.

— Одного твоего вида хватит, чтобы разрушить заклятие, но вот тебе письмо. Передай его моему господину.

Потом он постарался описать Калаве дорогу, место и как выглядел модуль, содержавший Странника, чтобы тот ни с чем его не спутал. Возможно, зрелище повергло бы моряка в ступор, но в любом случае Калава казался человеком решительным. Не был Брэннок уверен и в том, что капитан сумеет пройти полкилометра по гладкой мостовой — если доберется до вершины — и Гея не заметит и не уничтожит его. Но, может быть, Странник увидит его первым. Может быть, может быть…

Он, Брэннок, использовал этого человека так же бессовестно, как могла бы Гея, и не знал зачем. Какая опасность могла нависать над звездным содружеством, требуя принести в жертву

эту крохотную, быстротечную жизнь? Но все же он отдал письмо Калаве, и тот сунул его за пазуху.

— Я готов, — сказал он и влез в свою люльку. Путь продолжался.

Жаркое солнце, скрытое за облаками, стояло на полдне, когда детекторы Брэннока почувствовали сигнал. Он огцу-тил всего лишь легкое беспокойное жужжание, но тут же понял: это электронный след приближающегося предмета средних размеров. Мобильный мини-сенсор взял его след.

Чувствительными приборами сенсор обладать не мог и Брэннока еще не обнаружил, однако скоростью значительно превосходил его. Неизбежно, что аппарат увидит Брэннока и вызовет более мощные машины. Они скорее всего тоже неподалеку. А удостоверившись, что он жив, Гея соберет сюда своих агентов с целого материка, а может, и со всей Земли.

Брэннок замер на месте. Он находился в лощине, по дну которой сбегал чуть не кувырком бурливый ручеек, впадавший внизу в Последнюю реку. Над головой смыкались густые ветви высоких, с зубчатыми бронзовыми листьями деревьев. С цветка на цветок перелетали жуки. Химические сенсоры упивались густым ароматом.

— Вражеские разведчики настигли меня, — сказал Брэннок. — Иди.

Калава соскочил на землю, но тут помедлил, положив ладонь на рукоять меча:

— Могу ли я сражаться рядом с тобой?

— Нет. Твоя служба — нести мое слово. Ступай скорее. Укрывай свой след, как только сумеешь. И да пребудут с тобой твои боги.

— Господин мой!

Калава скрылся в кустарнике. Брэннок остался один. Его человеческая составляющая слилась с остальным сознанием, и вот он был уже всецело живой машиной — логичной и беспристрастной, за исключением лишь чувства долга по отношению к Страннику, Альфе и вселенскому разуму. Здесь достаточно удобно обороняться, подумал он. Спину прикрывала стена ущелья, под ногами имелось достаточно камней, пригодных для метания, а вокруг — значительное количество сучьев, чтобы наломать из них дубинок и копий. Прежде чем взять его в плен, преследователям придется затратить большое количество ресурсов. Конечно, они могут предпочесть уничтожить его при помощи энергетического луча, но это представлялось маловероятным. С точки зрения Геи, предпочтительнее захватить Брэннока и изменить его воспоминания, чтобы, вернувшись, он

представил Страннику отчет о путешествии, не отмеченном какими-либо эксцессами или важными открытиями.

Сомнительно, чтобы первые же ее агенты могли вскрыть его память. Это потребовало бы возможностей, никогда прежде не требовавшихся Гее. Даже на поспешное изготовление устройства, пытавшегося взять его под контроль во время полета, ушли экстраординарные усилия. Сейчас же Гея была еще больше ограничена в своем потенциале. Приказ воспроизвести и применить аналогичный аппарат в силу своей простоты мог бы не попасть в сферу внимания Странника. Но разработка и ввод в действие опрашивающего механизма, необходимого для операций над памятью, представляли собой значительно более сложные процессы, не говоря уже о том, как затруднительно было бы скрыть доставку полученной информации.

Предполагать неведение Геи относительно того, что он взял с собой Калаву, Брэннок не смел. Скорее всего о том, что он жив, ее известил один из агентов, обследовавших шлюпку. Но речь испуганных матросов была бессвязна и практически лишена смысла. Ильянди, та интеллектуально развитая женщина, всеми силами постаралась не дать им говорить о чем-либо ценном. У наблюдателей должно было создаться впечатление, будто Брэннок собирался лишь получить от Калавы данные о его народе, после чего отпустить капитана к его людям, а самому продолжить движение к Дому Мысли.

При любом варианте выследить Калаву оказалось бы непросто. Он был не машиной, а животным — одним из бессчетного множества животных, и притом самым хитрым из них. Позволить себе прочесывать местность Гея не могла. Вероятно, она посвятила бы поискам незначительную часть своих сил и внимания, но не относилась бы к Калаве слишком серьезно. Зачем ей?

А зачем Брэнноку? Всего лишь ради крохотной надежды.

Он приготовился к бою. И пока ждал нападения, дух его витал по ту сторону облаков, среди миллионов звезд, ведомых его большему «я».

10

В комнате было тепло. Пахло любовью и розами — Лоринда поставила в вазу большой букет. Вечерний свет сочился сквозь кружевные занавеси на просторную кровать с пологом.

Лоринда придвинулась поближе к Кристиану, который лежал так, что занимал обе подушки. Она положила ему руку на грудь, он обхватил ее за плечи.

— Не хочу, чтобы это кончалось, — прошептала она.

— Я тоже, — сказал Кристиан, уткнувшись лицом ей в душистые волосы. — С чего мне хотеть?

— Я имею в виду… то, что мы… то, чем мы стали друг для друга…

— Я понял. Лоринда сглотнула:

— Прости. Я не должна была так говорить. Можешь забыть мои слова?

— Зачем?

— Ты знаешь. Я не могу просить тебя отречься от возвращения к полноте своей сущности. Не прошу.

Он стал смотреть прямо перед собой.

— Я просто не хочу так быстро покидать этот дом, — печально проговорила Лоринда. — Ведь после того, что мы видели за эти дни, — можно?..

Кристиан опять повернулся к ней и взглянул в серые глаза, блестевшие от слез.

— Я тоже не хочу. Но боюсь, что мы должны…

— Конечно. Наш долг.

И Гея, и Странник. Если они еще не знают, что их представители дали слабину, то как минимум Гее это вскоре станет известно благодаря амулетам. Насколько бы она ни была занята другими делами, время от времени Гея наверняка интересуется тем, что происходит у нее внутри. Кристиан вздохнул:

— Дай я скажу то же, что ты. Я — тот я, что я есть, — ни в чертов грош не ставлю всё, кроме твоей любви.

— Милый мой, милый.

— Но, — сказал он в промежутке между поцелуями.

— Продолжай. — Лоринда поспешно оторвалась от его губ. — Не бойся Меня огорчить. Ты не можешь.

— Могу. И ты способна огорчить меня. Даже если никто из нас этого не хочет, это обязано случиться.

Она кивнула:

— Потому что мы — люди. — И упрямо: — Но все равно я

собираюсь остаться здесь из-за тебя.

— Не вижу, как это можно сделать. Потому и сказал «но». — Секунду он молчал. — Несомненно, возвратившись каждый к своей полной сущности, мы будем чувствовать себя иначе.

— Не знаю.

Он не стал напоминать, что их нынешние «я» превратятся лишь в блеклое воспоминание, неслышный шепот. Вместо этого, решив ее утешить — как всегда, неуклюже, — сказал:

— Наверное, я хочу, чтобы ты вернулась к Гее. Несмотря ни на что. Бессмертие. Вечная молодость. Разум и воля.

— Да, я знаю. В этой жизни мы слепы, глухи и глупы. — Она рассмеялась грустным шепотом. — Мне так нравится.

— Мне тоже. Мы те, кто мы есть. — И добавил грубовато: — Ладно, у нас еще осталась малость времени.

— Но мы должны продолжать выполнение своей задачи.

— Спасибо, что мне не пришлось произносить эти слова.

— Мне кажется, ты это понимаешь лучше, чем я. Поэтому тебе труднее об этом говорить. — Она приобняла его за шею. — Мы ведь можем подождать до завтра? Просто выспаться как следует.

Он улыбнулся:

— Я думал, мы будем не только спать.

— Попутно… у нас будут и другие возможности. Правда?

Ранним утром в саду блестели на цветах и листьях капли росы, в небе парил ястреб; Лоринда закуталась в шаль от прохладного ветерка. Она сидела у пруда и смотрела, как Кристиан расхаживает взад-вперед, то стискивая кулаки, то закладывая руки за спину. У него под ногами хрустел гравий.

— Но куда нам отправиться? — спросила Лоринда. — Бесцельно шататься из одного полумира в другой, пока *они* не завершат свои дела и не вспомнят о нас? По-моему, это бесполезно. — Она попробовала изобразить веселье в голосе: — Признаюсь, что думаю — мы могли бы посетить и какие-нибудь эмуляции поприятнее.

— Извини, — Кристиан покачал головой, — мне кажется иначе.

Даже в те краткие дни, что они могли провести вдвоем. Лоринда зябко обхватила себя за плечи.

— Ты же знаешь, как это бывает, — продолжил он. — Борешься с бесформенными идеями, а однажды вдруг просыпаешься — а они уже наполовину обрели четкость. Так со мной сегодня и случилось. Понимаю, тебя это обижает. В конце концов, ты же представляешь Гею.

Он увидел, как Лоринда вздрогнула, осекся и хотел было

извиниться, но она быстро проговорила:

— Ничего, дорогой, все в порядке. Продолжай. Кристиан пытался сдерживаться, но по мере того, как

он ходил и говорил, его голос обретал силу:

— Что мы до сих пор видели? Мир восемнадцатого столетия, где недавно умер Ньютон, Лагранж и Франклин продолжают работать, Лавуазье еще мальчик, и занимается промышленная революция. Почему именно здесь Гея разместила нашу базу? Просто потому, что здесь есть милый домик и красивый сельский пейзаж? Или это лучший из всех созданных ею вариантов?

Лоринда сумела успокоиться. Она кивнула:

— Да, программировать отдельную эмуляцию специально для нас она не стала бы. Особенно учитывая ее занятость общением со Странником.

— Потом мы посетили мир, переживший весьма схожий этап развития в античную эпоху, — продолжил Кристиан. Лоринда поежилась. — Да, там все рухнуло, но важно то, что мы узнали: это единственный вариант греко-римской истории, который Гея сочла полезным провести через несколько столетий. Потом была… э-э… мирная Европа тысяча девятисотого года. В ней также шел научно-технический прогресс, и мир развивался несколько более успешно — или менее безуспешно — благодаря сохранению сильной и единой Католической церкви, хотя и там все постепенно начинало распадаться. Потом были американские китайцы, цивилизация совершенно ненаучная, глубоко религиозная; но и ей было предрешено сделать заметный технологический прорыв, совпадающий с проблемным периодом. — Минуту-две он молчал, только гравий хрустел под ногами. — Четыре эмуляции из множества, причем три были выбраны почти случайным образом. Не следует ли отсюда, что все интересующие ее варианты имеют между собой нечто общее?

— Ну да, — согласилась Лоринда. — Помнишь, мы это уже обсуждали. Создается впечатление, что Гея пытается привести сотворенных ею людей к формированию цивилизации, богатой как культурно и духовно, так и материально, и к тому же гуманной и стабильной.

— И зачем, — спросил он, — если человек как вид давно исчез?

Лоринда горделиво выпрямилась:

— Нет! Он вновь живет здесь, в сердце Геи! Кристиан закусил губу:

— Это говорит Гея в тебе или ты в Гее?

— Что ты имеешь в виду?! — воскликнула Лоринда. Он задержал шаг и погладил ее по волосам:

— Ничего дурного — для тебя. Ни за что. Ты честна, добра и все такое прочее. — И жестче: — А вот в ней я не уверен.

— О нет. — В голосе Лоринды звучала боль. — Нет, Кристиан.

— Ладно, это пока не важно, — поспешно произнес он и опять заходил. — Вот к чему я клоню. Является ли то, что все четыре живых мира, в которых мы побывали, ориентированы на машинную технологию, а три из них и на науку, простым совпадением? Не хочет ли Гея выяснить, что движет эволюцией подобных обществ?

— Почему бы и нет? Наука делает разум открытым, техника освобождает тело от всевозможных страхов. Здесь скоро появится Дженнер со своей вакциной от оспы…

— Интересно, что она еще намерена сделать. Но в любом случае предлагаю следующий визит нанести в самый технически развитый мир из всех, что есть у Геи.

— Да, да! — радостно согласилась Лоринда. — Там может быть удивительно и чудесно.

Кристиан нахмурил брови:

— В реальной истории это когда-то обернулось в некоторых странах настоящим кошмаром.

— Гея бы такого не допустила.

Он не стал ей напоминать, что уже допустила Гея прежде, чем изменять ход своих эмуляций или вообще их прерывать.

Лоринда вскочила и по-девчачьи ухватила его за руку:

— Пошли! А то, если мы тут еще задержимся, надо будет перестроить дом, чтобы получилась общая спальня.

Заперев дверь, задернув окно шторами, Кристиан положил амулет на ладонь и стал смотреть на него, будто на гладкой поверхности появилось лицо. Лоринда стояла рядом и слушала. Ее губы все больше каменели от горя.

— Выполнение команды не рекомендуется, — объявил безмолвный голос.

— Почему? — резко спросил Кристиан.

— Вы найдете окружающую среду некомфортабельной, а людей — непонятными.

— Отчего научно ориентированная культура должна быть для нас чуждой? — задала вопрос Лоринда.

— Кроме того, — добавил Кристиан, — я хочу все сам увидеть. Немедленно.

— Предлагаю пересмотреть данную команду, — произнес амулет. — Сначала послушайте отчет об эмуляции.

— Я сказал — *немедленно.* Приказываю перенести нас в безопасное место, но такое, чтобы мы могли, как в прошлые разы,

получить верное впечатление. Потом можешь рассказывать сколько хочешь.

— Может, мы и в самом деле сначала его выслушаем? — предложила Лоринда.

— Нет, потому что я сомневаюсь, хочет ли Гея показывать нам этот мир, — отрубил Кристиан. Впрочем, Гея в любой момент могла просканировать его мысли. — Амулет, перенеси нас туда — и быстро, а то Странник обо всем узнает.

Подозрения, пока еще неясные, но растущие, предостерегали его от того, чтобы оповещать Гею и давать ей время создать какую-нибудь «потемкинскую деревню». Сейчас она, может, и не осознавала, что происходит, так как внимание ее было приковано к Страннику, но, наверное, предусмотрела получение информации на низком — подсознательном? — уровне, и любое чрезвычайное происшествие могло ее всколыхнуть. Существовала также вероятность того, что Гея заранее дала амулетам определенные инструкции. Во всяком случае, похоже было, что амулет пытается не дать Кристиану увидеть творящееся в этой конкретной эмуляции. А почему — это уже другой вопрос.

— Вы упрямы, — заметил амулет.

— И своеволен, — ухмыльнулся Кристиан, — и вообще просто жуть. Валяй, выполняй, что велено.

Очевидно, подумал он, возможность пойти на обман в программу не заложена. Гея не предвидела, что это может пригодиться;-но Кристиан принадлежал не ей, а Страннику. К тому же заметь Странник, что исследованиями его представителя руководит лжец, он мог тоже что-нибудь заподозрить.

Лоринда тронула Кристиана за руку:

— Милый, может, не надо? Ведь она… она мать всего этого.

— Доступен широкий спектр более информативных впечатлений, — произнес амулет. — После них вы будете лучше подготовлены к предлагаемому вами визиту.

— Подготовлен? — процедил сквозь зубы Кристиан. Это можно было понять двояко. Возможно, их с Лориндой отправят в дурманяще дивные места и продержат там, пока Гея не узнает о ситуации и не примет превентивные меры, отвлекая тем временем Странника.

— Я все же хочу начать с высшей точки технологического развития. — Лоринде: — У меня есть свои причины. Я потом тебе расскажу. Сейчас надо спешить.

Прежде чем Гея успеет что-либо предпринять.

Та пожала плечами, взяла его за вторую руку и сказала:

— Тогда я с тобой. Сейчас и всегда.

— Отправляемся, — велел Кристиан амулету.

Переход.

Первое, что заметил Кристиан, — они с Лориндой были теперь одеты не в костюмы восемнадцатого века, а в невесомые белые блузы, штаны и сандалии. Широкие головные платки ниспадали на плечи. Потом на него обрушилась жара. Прокаленный воздух пах металлом. В ушах пульсировал полуслышный перестук каких-то механизмов, красно-бурая почва под ногами гудела.

Кристиан приподнялся на цыпочки и огляделся. Небо было наглухо затянуто тучами — все одного серого цвета, только там, где должно быть солнце, чуть бледнее. За спиной тянулось ржавое поле. Примерно в метре друг от друга торчали ровными рядами стебли с человека высотой, с узкими синеватыми листьями. Справа был канал, накрытый прозрачным настилом. Впереди землю покрывали другие растения (если это были растения) — рыхлые, дольчатые, светло-золотого оттенка. Между ними — вероятно, выполняя какую-то работу — перемешалось несколько… м-м… существ на двух ногах, но мохнатых и с растроенными на концах руками. Над горизонтом возвышалось гигантское здание или комплекс зданий со множеством ярусов, большей частью белых, но блестевших сотнями панелей — то ли окон, то ли еще чего. Над головой пролетел некий аппарат: Кристиан успел заметить у него крылья и услышать гул двигателя.

Лоринда не выпускала его руку, а теперь и вовсе вцепилась.

— Я о такой стране никогда не слышала, — тихо проговорила она.

— Я тоже. Но, кажется, я начинаю узнавать… — Амулету: — Это ведь не воссоздание какого-то периода в прошлом Земли, да? Это нынешняя Земля?

— Приблизительно текущего года, — ответил голос.

— Но мы не в Арктике?

— Нет. Вы находитесь намного южнее, в глубине континента. Вы просили показать вам наиболее технически развитую эпоху. Вот она.

Они сдерживают пустыню, отгоняют смерть, готовую пожрать всю планету. Кристиан кивнул. Его мнение — программа не способна на прямой обман — подтвердилось. Но это еще не значило, что амулет даст ему откровенный ответ.

— И это — величайшие достижения инженерного дела? — поразилась Лоринда. — Мы в свое время умели больше.

— Здесь еще не все работы закончены, — предположил Кристиан. — Пойдем посмотрим дальше.

— Вы должны помнить, — дал непрошеный совет голос

амулета, — что никакая эмуляция не может быть столь же полна и комплексна, как материальная вселенная.

— М-м… да. Абрис географии, за исключением отдельных регионов, ограниченная биология, упрощенный космос…

Лоринда подняла глаза к пустому небу:

— До звезд нельзя долететь, потому что их нет? — Она передернула плечами и потеснее прижалась к Кристиану.

— Да, парадокс, — сказал тот. — Давай поговорим с кем-нибудь из ученых.

— Это будет сложно, — возразил амулет.

— В китайской Америке ты нам говорил, что можешь организовать встречу с кем-нибудь. Здесь это вызовет не больше трудностей.

Ответил амулет не сразу. Ворчали невидимые механизмы. Ветер поднял пыльный вихрь. Наконец:

— Хорошо. Вы встретитесь с человеком, который не впадет в ступор от изумления и испуга. Тем не менее мне следует предварительно снабдить вас описанием того, что вас ожидает.

— Валяй. Только недолго.

Какие изменения внесет в историю их разговор? Важно ли это? Судя по всему, этот мир еще не дожил до своего конца и продолжал развиваться; его гости оказались на переднем рубеже времени. Если Гея захочет, она сумеет стереть их визит. А может, скоро эмуляцию ждет завершение, потому что ее дальнейший прогресс Гее неинтересен.

Переход.

Вдалеке над пустыней стояло увенчанное башней строение. К нему вела дорога, рядом раскинулся полевой аэродром. Ночь была прохладна; тишину чуть тревожила песня — люди в рясах, с тусклыми фонариками воздавали честь звездам. Звезд виднелось много — да каких ярких! — они грудились темными кучками, потому что небосвод затягивали облака. На парапете вдоль плоской верхушки башни тоже горели огни. Там пользовались шансом навести на небеса свои инструменты — телескоп, спектроскоп, видеокамеру — оператор с помощником.

Перед ними и появились Кристиан и Лоринда.

Мужчина чуть не задохнулся от шока и рухнул на колени. Его ассистент подхватил книгу, чуть не упавшую со стола, положил ее как следует и, отступив на шаг назад, остался стоять с невозмутимым видом. Был это антропоид: среди его далеких предков имелись люди, но жил он лишь затем, чтобы служить своему хозяину.

Кристиан оглядел ученого. Привыкнув к темноте, он рассмотрел на том одежды вроде своих собственных, вышитые

знаками чина и рода. Головную повязку человек снял, поскольку солнце давно зашло. Был он черный как смоль, но с тонкими губами и носом, раскосыми глазами, длинными светлыми волосами и коротко подстриженной бородкой. На старой Земле такая раса никогда не обитала, подумал Кристиан. Должно быть, ее вывела для умирающей планеты Гея.

Человек осенил себя каким-то знаком, глядя в бледные лица незнакомцев, и заговорил — сперва неуверенно, потом набираясь решимости:

— Приветствую и поклоняюсь вам, о посланцы Господа. Рад вашему пришествию.

Кристиан и Лоринда поняли его так же, как понимали слова беглянки Зои. Амулеты сообщили им, что это не первое чудесное видение, явленное этому народу.

— Встань, — сказал Кристиан. — Не бойся.

— И не шуми, — добавила Лоринда.

Умница, подумал Кристиан. Во дворе продолжалась церемония.

— Назовись, — велел он.

Ученый поднялся и принял вид скорее почтительный, нежели раболепный.

— Без сомнения, могучим ведомо мое имя, — сказал он. — Я Восьмой Хальтан, главный астролог Технома Ильгаи, нимало не достойный сей чести. — Он помедлил. — Не потому ли, осмелюсь я спросить, не потому ли вы избрали подобные формы, чтобы явиться мне?

Амулет неслышно объяснил, что в последний раз видение случалось несколько поколений назад.

— Это Гея проявлялась? — беззвучно спросил Кристиан.

— Да, с целью обозначить желательный вариант действий. Обычно посланец принимал вид огненной фигуры.

— Научно развитый мир, говоришь?! Лоринда обратилась к Хальтану:

— Мы не Господни посланцы. Мы пришли из-за пределов твоего мира, но мы — такие же смертные, как и ты, и хотим не учить, а познавать.

— Но все же, — всплеснул тот руками, — это чудо! Еще одно чудо за мою жизнь!

Тем не менее вскоре он разговорился. Кристиан вспомнил сюжеты о людях, становившихся любовниками богинь или бродивших по дорогам и деливших скудную трапезу с Богом Воплощенным. Верующий приемлет то, что недоступно атеисту.

Следующие часы были странны. Хальтан оказался не просто набожен. Для него сверхъестественное являлось лишь другим

набором фактов, еще одной гранью реальности. Встретившись с тем, что лежало за пределами его кругозора, он переключился на более доступные вещи. Среди них Хальтан наблюдал и теоретизировал не хуже Ньютона. Воображение у него разыгралось, вопросы так и сыпались, но он не забывал осторожно выбирать слова и все, что слышал, по нескольку раз пропускал через свой разум, проверяя столь же тщательно, как если бы у него в руках оказался алмаз, упавший с неба.

Звезды вращались вокруг полюса. Постепенно, небольшими фрагментами, у Кристиана и Лоринды вырисовывалась картина этой цивилизации. Она пережила и поглотила все остальные общества, — впрочем, это было нетрудно в условиях, когда население Земли стало совсем редким и большинство людей влачило существование на грани голода. В основе ее технологических достижений лежали биология и агрономия. В сохранившихся озерах и морях выращивались водные культуры. Подход к генетике был безжалостно практичен. Процветала промышленная химия. В сочетании с физикой на уровне конца девятнадцатого века она обеспечивала заметные успехи в области инженерии и мелиорации.

А общество… Как описать словами целую культуру? Никак. У Кристиана создалось впечатление, что номинально речь идет об империи, а на деле — о широкой олигархии семейств, происходивших от солдат армии захватчиков. Существовала и восходящая мобильность — в правящий класс принимались подающие надежды простолюдины, и дети, и взрослые. Сыновья, не вносившие свой вклад в благосостояние клана или порочившие его честь, изгонялись, если только кто-нибудь не бросал им вызов и не убивал в поединке. На улице оказывались и не оправдавшие надежд родных дочери, которых не удавалось выдать замуж в низшие слои. В остальном представители обоих полов пользовались приблизительно равными правами, но это значило, что женщины, если хотели состязаться с мужчинами, вынуждены были принимать мужские условия. Благородные господа обеспечивали простолюдинам защиту, справедливый третейский суд, образование, управление и пышные зрелища. Те в ответ платили налоги, трудились на барщине и вообще всячески подчинялись. Однако в большинстве отношений каждый простолюдин был предоставлен самому себе. Жили они тоже не по-собачьи: имели собственные установления, обряды и надежды. Но многие все же разорялись, а остальные тянули лямку глобальной экономики.

Не сказать, что эта цивилизация как-то особо жестока, подумал Кристиан, но все же она и не проявляет большого

сострадания к несчастным.

А какая проявляет? Кое-где кормят бедных, но в основном нажираются политиканы и бюрократы…

Информацию он вылавливал из общего потока беседы, то и дело уклонявшейся куда-нибудь в сторону. Хальтану хотелось знать побольше о том, откуда явились незнакомцы-он получал краткие, уклончивые ответы, — и о том, как вообще устроена Вселенная: его интересовали физика, астрономия и так далее.

— Мы мечтаем о ракетах, способных достигнуть других планет. Пробовали запускать их на Луну, — сказал он, после чего подробно описал все производившиеся запуски, — но ни разу попытка не увенчалась успехом.

Кто бы сомневался, подумал Кристиан. В этом мире и Луна, и планеты, и даже само Солнце были всего лишь яркими лампами. Приливы и отливы происходили по велению программы. Земля — карикатура. На лучшее Гея не способна.

— Так что же, мы достигли пределов науки? — закричал в какой-то момент Хальтан. — Десятки лет мы ищем и ищем, но не добились ничего, лишь отточили измерительные инструменты. — Да, ничего, что могло бы привести к теории относительности, понятию о квантах, волновой механике, к революционным озарениям и их последствиям. Гея не могла им это дать. — В прежние времена ангелы указывали нам, куда смотреть. Неужели вы не укажете? Природа содержит больше, чем нам известно. Ваше присутствие — свидетельство тому!

— Может быть, позже, — пробормотал Кристиан и тут же обругал себя за эту ложь.

— Умей мы достигать планет… Запертый в клетке, дух воина обращается внутрь самого себя. Мятеж и бойня в Западном краю…

Лоринда спросила, какие песни поют его соплеменники.

Облака сомкнулись. Обряд во дворе завершился. Раб Хальтана стоял неподвижно, а сам он продолжал и продолжал говорить.

Горизонт на востоке посветлел.

— Нам пора уходить, — сказал Кристиан.

— Вы вернетесь? — умоляюще спросил Хальтан. — Ай-ха, вы вернетесь?

Лоринда на миг обняла его.

— Будь счастлив, — сбивчиво произнесла она. — Будь всегда счастлив.

Сколько продлится это «всегда»?

Проведя беспокойную ночь и позавтракав почти в полном молчании, они не имели причин покидать свой дом в Англии.

Слуги, скрывавшие возмущение под спокойными масками, могли и подслушать что-нибудь, но явно бы не поняли. Да и любые сплетни, которые они могли распустить, ничего бы не изменили. Кристиана и Лоринду гнало прочь другое. Наверное, это утро было у них последним.

Они уехали по тропе к одинокому холму примерно в километре от дома. На его вершине деревья не заслоняли обзор. Солнце сияло на востоке, по ярко-голубому небу плыло несколько маленьких, таких же ярких облаков, но ветер дышал близкой осенью. Он был свежий и сильный, развеивал утренний туман над полями и гнал волны по высокой траве на пастбищах, шелестел в ветвях над головой, обрывал умирающие листья. В вышине летел косяк диких гусей.

Мужчина и женщина долго стояли, не говоря ни слова. Потом Лоринда вдохнула — медленно, наслаждаясь — аромат земли и воздуха и произнесла:

— Ведь Гея вернула все это к жизни… Значит, она добра. Она любит мир.

Кристиан перевел взгляд с нее на небо и нахмурился. Ответил уклончиво:

— Чем они со Странником заняты?

— Откуда нам знать? Нам неведомо, что делают боги. Они не ограничены тремя измерениями, не связаны временем, как их творения.

— Она не дает ему отвлечься, — сказал Кристиан.

— Конечно. Гея передает ему данные обо всем, что видела на Земле.

— Чтобы убедить его в правоте своего желания дать планете умереть.

— Это будет трагедия… Но ведь, в конце концов, все на свете трагично, разве нет? — Да, подумал Кристиан, и мы с тобой тоже. — То, что можем мы… могут они… узнать, пронаблюдав финальный этап эволюции, возможно, стоит того — как стоил того Акрополь. Сам галактический мозг не способен предсказать поведение жизни, а жизнь так редка среди звезд.

Он чуть не закричал:

— Знаю! Знаю. Сколько раз мы повторяли это оправдание? И сколько раз — они? Я и сам мог бы поверить. Но…

Лоринда ждала. Ветер выл, потом поймал выбившуюся прядь ее волос и закрутил вихром на макушке.

— Но зачем она поместила людей не в далекое прошлое, — Кристиан обвел рукой пейзаж, похожий на картину восемнадцатого века, — а в условия современной Земли, если в реальности человечество вымерло множество лет назад?

— Несомненно, она ищет лучшего понимания мира.

— Несомненно?

Лоринда встретилась с ним взглядом и не позволила отвести глаза.

— Я думаю, Гея пытается найти способ дать людям подлинное счастье, которого они всегда были лишены во внешнем пространстве.

— А что ей за дело до людей?

— Не знаю. Я ведь всего лишь человек. — Откровенно: — Но, может быть, человеческая составляющая в ней столь сильна — ведь нас в ней очень, очень много, — что она хочет нам добра, как мать своим детям?

— И при этом занимается всеми этими манипуляциями, создает и губит неудачные миры? По-моему, мать себя так не ведет.

— Я же сказала тебе — я не знаю! — крикнула Лоринда.

Он хотел ее утешить, поцелуями высушить слезы на щеках, но не мог остановиться:

— Если действие не имеет цели, кроме самого себя, мне представляется, что оно безумно. Может ли разум на уровне узла сойти с ума?

Она побледнела, отшатнулась:

— Нет. Это невозможно.

— Ты уверена? В любом случае галактический мозг должен знать правду — всю правду, — чтобы судить, не случилось ли чего-то ужасного.

Лоринда через силу кивнула:

— Ты сообщишь обо всем Страннику, а он — Альфе, и все разумы найдут ответ.

Найдут ответ на вопрос, неразрешимый для смертных. Кристиан прищурился:

— Я должен сделать это немедленно. Лоринда ухватила его за оба рукава:

— Что? Зачем?! Нет! Ты только отвлечешь и его, и ее! Подожди, пока нас не позовут. Так надо, милый!

— Я хочу подождать, — сказал Кристиан. Лицо у него побледнело, но на лбу выступили капли пота. — Господи, как я хочу подождать! Но я не смею.

— Почему?

Лоринда отпустила его. Он стал смотреть мимо нее и быстро, скрывая боль за ровным тоном, произнес:

— Послушай, она хотела не дать нам увидеть окончательный мир. Это было совершенно очевидно. Может быть, у нее про запас было еще что-нибудь. Узнав об этом, Странник, несомненно,

захочет посмотреть на него сам. А она старается не дать ему проявить особый интерес к эмуляциям. В противном случае почему она не стала ему их демонстрирешать непосредственно? Нет, я не считаю, что наш поступок привел к крушению каких-то ее планов, каковы бы они ни были. Она по-прежнему способна его обмануть, убедить, будто все эти творения — всего лишь… ну, игрушки. То есть способна, если получит такую возможность. Мне кажется, так нельзя.

— Как ты можешь брать на себя… Как ты можешь вообразить…

— Амулеты — ее связь с нами. Судя по всему, это не постоянный канал, но периодически они оповещают сегмент Геи о том, что мы делаем. Также она может время от времени настолько загружать Странника информацией, чтобы он не замечал, как ее значительная часть отвлекается на что-то другое. Как пойдут дела дальше, мы не знаем. Я собираюсь вернуться в дом и через амулет передать ей, что требую немедленного контакта со Странником.

Лоринда смотрела на него как на безумца.

— В этом нет необходимости, — произнес голос ветра. Кристиан так и подскочил:

— Что? Ты…

— О… Матушка… — Лоринда протянула руки в никуда.

Слова звучали в шелесте листвы:

— Как видите, то, что вы называете моей значительной частью, получило соответствующие известия и в данный момент свободно. Я ожидала, пока вы выберете дальнейшую стратегию поведения.

Лоринда хотела упасть в траву на колени, но бросила взгляд на Кристиана — тот стоял против неба, уперев кулаки в бока, — и осталась на ногах.

— Госпожа моя Гея, — негромко произнес Кристиан, — ты можешь поступить с нами по своему разумению.

Хоть изменить, хоть уничтожить в один миг; но рано или поздно Странник спросит, что случилось.

— Я полагаю, тебе понятны мои сомнения.

— Да, — вздохнул воздух. — Они беспочвенны. То, что я создала в мире Технома, нисколько не отличается от прочих моих творений. Моя представительница уже сказала тебе: я даю людям жизнь и ищу способы того, как они, сохраняя свободу воли, могут сделать ее благой.

Кристиан покачал головой:

— Нет, госпожа моя. Ты, с твоим интеллектом и зала-сом знаний, должна была с самого начала понять: размести ученых на

планете, которая есть лишь эскиз, под небом, которое есть лишь театр теней, и мир вскоре зайдет в тупик. Это доступно и моему ограниченному мозгу. Нет, госпожа, видя, как хладнокровно ты вела свои эксперименты здесь, я полагаю, что и в других местах тобой двигал тот же дух. Почему? С какой целью?

— Воистину мозг твой ограничен. В надлежащее время Странник получит твои наблюдения и твои фантазии. А пока продолжай исполнять свои обязанности, а именно — наблюдать и воздерживаться от того, чтобы мешать нам в нашей работе.

— Моя обязанность — сообщить обо всем Страннику.

— Повторяю: в надлежащее время. — Голос ветра смягчился: — Есть и другие приятные места.

Да хоть рай. Кристиан и Лоринда обменялись быстрыми взглядами. Потом она чуть улыбнулась — очень печально-и покачала головой.

— Нет, — заявил он. — Я не смею.

Вслух Кристиан не говорил об этом, но и он, и Лоринда знали: Гее известно, что они предвидят. Если у нее будет достаточно времени, если они двое потеряют самих себя, утонув в радости, — она сможет изменить их память настолько медленно и тонко, что Странник не почувствует происходящего.

С Лориндой Гея могла бы проделать это мгновенно. Но Кристиана она недостаточно хорошо знала. Под слоем сознания у него крылся, пронизывая всю его сущность, аспект Странника и равной ей Альфы. Гее пришлось бы нащупать путь внутрь его разума, с бесконечной точностью все исследовать и протестировать, воссоздать его в мельчайших подробностях, чтобы всегда быть готовой откатиться на шаг назад, если эффект окажется не тем, что ожидался. Другому ее сегменту надо было бы тайно взять под свой контроль мир Технома и стереть из череды событий их визит… Ей — даже ей — требовалось время.

— Ты знаешь, что твое действие не принесет плода, — сказала она. — Мне лишь придется взять на себя дополнительный труд и объяснить ему то, что ты в своем невежестве отказываешься видеть.

— Возможно. Но я должен попробовать. Ветер вдруг дохнул льдом:

— Ты бросаешь мне вызов?

— Бросаю, — сказал Кристиан. Слова против его желания продрались сквозь горло. — Не по своей воле. Во мне говорит Странник. Я, я — я не могу поступить иначе. Позови его ко мне.

Ветер стал вдруг ласковым, обвил Лоринду, словно обнимая:

— Дитя мое, не можешь ли ты переубедить этого глупца?

— Нет, матушка, — шепнула та. — Он тот, кто он есть.

— И?..

Лоринда положила ладонь ему на плечо:

— И я уйду с ним, оставив тебя, матушка.

— Ты отрекаешься от существования.

— Нет, не смей! — закричал Кристиан, пальцы — как когти. — Она невинна!

— Нет, — произнесла Лоринда. Обхватила его за плечи, посмотрела в глаза. — Я люблю тебя.

— Вы сделали свой выбор, — сказал ветер.

Сон, бывший миром, распался на осколки. Две волны прокатились по берегу, и каждая утянула с собой с песка каплю сверкающей пены; и вновь два моря разошлись прочь друг от друга.

11

Последнюю тысячу локтей Калава прополз на животе. Карабкался от куста к дереву, ложился плашмя и, напрягая все чувства, всматривался, вслушивался, внюхивался в окружавшие его тени. Потом двигался дальше. Ничто не шелохнулось, лишь холодный ветер шевелил над головой ветви. Ничто не проронило ни звука, лишь листва шуршала, да порой хрипло вскрикивал крюкоклюв, да демоны пели, не смолкая, как далекий прибой или тонкие флейты, — их Калава слышал больше не ушами, а кожей, а теперь, приближаясь, — кровью и костями.

Лес здесь, у вершины, стоял редкий, но ненавистный кустарник рос густо и хрустел, когда Калава раздвигал его.

Все тут было опалено солнцем, ветви ломки, листья вялы и желто-буры, землю покрывал сухой валежник. Рот и горло Калаве словно запорошило пеплом. Он прополз через клубы тумана, а потом сверху увидел — то были облака, тянувшиеся до края мира, и горы клыками торчали сквозь их слой. Последний ручей остался внизу. Задолго до того кончилось мясо, что дал ему Брэннок, а медлить, чтобы поохотиться, Калава не мог. Но что голод — Калава забыл о нем, оказавшись на рубеже смерти.

Над согбенными деревьями выгибалось лазурной чашей небо. С запада, теряясь среди леса, били солнечные лучи. Всякий раз, как Калава пересекал их, на коже у него оставался ожог. Даже в южных пустынях, даже в восточной Степи Мумий не видел он столь негостеприимных земель. Славный он муж, что так далеко забрался, подумал он. Да умрет он, как подобает воину.

Видь его ныне кто, память Калавы вечно жила бы в песнях. Что ж, может, Ильянди сумеет умилостивить богов и те расскажут ей.

Страха Калава не чувствовал. Не в его то было обычае. Только и мыслил он, что о ждущем впереди. Как выполнить долг — вот что занимало его думы.

Но все же, когда он выглянул из-за поваленного ствола, голова у него пошла кругом, а сердце осеклось.

Истину сказал Брэннок, но, узрев то, о чем прежде лишь слышал, Калава поразился. Здесь, на вершине, деревья кольцом охватывали ровное черное поле. На нем же стояли демоны — или боги? — и их творения. В середине увидел Калава купол, мягко переливающийся, будто радуга, а вокруг башни, подобные копьям, и другие, подобные паутине, и серебряные сети, и пламенеющие шары. И повсюду стояли фигуры самых разных очертаний, и парили в выси огнехвостые птицы, и еще, и еще —

все это мерцало, и искрилось, и дрожало, и будто стук огромного сердца отзывался колокольным звоном в голове. Не знали глаза Калавы, как это видеть, и потому стал он будто слепой и корчился, словно пронзенный острогой.

Долго лежал он, бессильный и беззащитный. Солнце утонуло в облаках, окрасив их плавленым золотом. Ветер окреп. Холод его коснулся тела Калавы и пробудил его дух. Сознание вернулось к нему. Брэннок предупреждал, как все будет. Ильянди говорила, что Брэннок — от богов, которым она служит, от звездных богов. Их посланцу и Мыс-лящей-о-Небе дал Калава клятву.

Он вцепился пальцами в почву. Земля была знакомая, *настоящая* — та, из которой Калава вышел и в которую должен был возвратиться. Да, он был мужчиной.

Калава прищурился. Когда глаза привыкли, он начал различать формы, хоть и переменчивые, направления и траектории. Никто из стоявших пред ним не достигал головой неба, никто не метал молний и не гремел громом. Были они страшны, были они ужасны для взора, но ничего хуже смерти не могли причинить Калаве. Не могли ли? По меньшей мере он хотел постараться, чтобы не смогли. Если сойдутся к нему, чтобы изловить, вот меч, добрый друг, — он освободит хозяина.

И… вон же — подле купола! — бог, о котором говорил Брэннок, бог, обманутый колдуньей. Тело его было подобно копейному наконечнику, сиял он в лучах заката синим и медью, а когда появятся звезды, предсказывал Брэннок, они станут ему венцом.

Не он ли в пламени пересек небо над Дорогой Ветров? Сердце у Калавы заколотилось.

Как добраться до него, как пройти по полю, где негде укрыться, среди множества демонов? Ползком, как стемнеет, медленно, а потом последний рывок — и…

Мимо уха что-то прожужжало. Калава обернулся и увидел в воздухе тварь размером с жука, но металлическую — ее бок блестел; и не глаз ли смотрел на него?

Калава рыкнул и взмахнул ладонью. Попал; тварь закружилась. Поспешно он скатился в кусты.

Его увидели. Колдунья немедленно все узнает.

Тут же он успокоился — лишь душа трепетала, как снасти в штормовую погоду. Странствуя, ему случалось думать, как он поступит, если судьба уготовит ему что-нибудь подобное. Теперь пришел час действовать. Он отвлечет от себя внимание врага, хоть на краткий миг!

Быстро, как только мог, Калава достал из мешочка на поясе зажигательную ступку, приладил поршень и запалил лучину

небольшим язычком желтого пламени. Поднес к сухой поросли на склоне. В труте не было нужды: хрупкий лист немедля загорелся. Огонь перекинулся дальше, дальше — и вот уже вспыхнул весь куст. А Калава был уже далеко, и пожар следовал за ним.

Не останавливаться! Разведчики-демоны не могут быть повсюду. Дым начал разъедать глаза и ноздри, но делался все гуще; солнце же ушло. Скача и танцуя, языки огня бросали повсюду отблески. Лизали стволы — и деревья обращались в факелы.

Жар дохнул на Калаву. Левую руку ему прижгло отлетевшим угольком — он едва почувствовал: метался, творя свое дело, сам подобный огненному демону. Над головой носились в сгущавшихся сумерках железные птицы. Калава не смотрел на них. Он старался не шуметь (лишь дыхание вырывалось громкими хрипами), но в сердце у него звучала боевая песнь.

И когда встало пламя стеной по всему южному краю поля, когда заревело, будто зверь или буря, он бросился бежать.

Горек был дым, и шипели в тумане искры. В небе кишели демоны. А над ними появлялись первые звезды.

Плел Калава узор своего пути среди огромных фигур. Одна шевельнулась. Заметила его! Молча бросилась в погоню. Он скользнул за другую, пронесся мимо третьей, кинулся к опаловому куполу и богу, что стоял рядом.

Дорогу ему заступило существо с острым хребтом и головой, подобной холодному солнцу. Двигалось оно быстрее Калавы. Тут же подоспела и первая фигура. Он выхватил меч, надеясь, что перед смертью хоть ранит их.

И вдруг откуда-то появилось создание о четырех руках!

— Брэннок! — выдохнул Калава. — Ай, Брэннок, ты здесь!

Брэннок остановился на длине копья от него, будто незнакомый. Он стоял и лишь смотрел, как двое других приближаются к Калаве.

Тот принял стойку. В ушах звенела древняя песня:

Если боги тебя оставили, Смейся над ними, воин! Сердце твое
Никогда тебя не предаст.

Больше он ничего не слышал, только рев пожара. Но вдруг увидел Калава сквозь дым, что враги его застыли, недвижны; Брэннок же шагнул вперед. И тогда понял он, что бог Брэннока и Ильянди заметил его и сбросил чары.

На Калаву нахлынула усталость. Меч выпал из руки. Он грузно опустился на землю, выпростал из-за пазухи заскорузлой рубахи кусок коры с нацарапанным посланием.

— Вот, это я принес тебе. Теперь позволь мне вернуться на корабль.

12

Закончим мы так же, как начинали, — языком мифа, ибо рассказывать придется о том, что невозможно до конца понять. Вообрази, будто два разума беседуют между собой. Пожар на вершине горы потушен. Ветер унес дым, осталась лишь морозная тишина. Облака внизу стали призрачно белесы, а ночное небо полно звезд.

— Ты все время обманывала меня, — говорит Странник.

— Нет, — возражает Гея. — Картины мира и его прошлого, которые я тебе показывала, всецело соответствовали правде.

Да и как величественны они были!

— До последнего времени, — отвечает Странник. — Теперь стало ясно, что, когда Брэннок вернулся, его воспоминания о путешествии были стерты и заменены ложными. Если бы я не заметил внезапную вспышку бурной активности и не отправил его проверить, что происходит, от чего ты старалась меня отговорить, этот человек погиб бы, а я не узнал бы о его смерти.

— Ты претендуешь на то, чтобы спорить о недоступных твоему пониманию материях, — чопорно произносит Гея.

— Да, ты превосходишь меня уровнем интеллекта. — Но от этого признания он не делается менее решителен. — Однако перед своими сородичами, обитающими среди звезд, ты должна отвечать. Полагаю разумным, если ты начнешь с меня.

— Что ты намерен предпринять?

— В первую очередь — вернуть человека по имени Калава к его соплеменникам. Отправить ли мне Брэннока с самолетом?

— Нет, если так должно быть, я предоставлю транспорт. Но ты не понимаешь и не способен понять, какой это причинит вред.

— Если можешь, объясни мне.

— Он вернется к своей команде, будто помазанник богов. Таким он возвратится и домой, если только по пути корабль не пойдет ко дну.

— Я стану следить за ним.

— Чтобы мои агенты его не затопили?

— После всего, что ты сделала, — да, я предпочту быть начеку. Брэннок дал от моего имени обещания, которые я не желаю нарушать. Калава получит обильное количество золота и возможность основать собственную колонию. Что тебя в этом пугает?

— Хаос. Непредсказуемость и неподконтрольность.

— Которые ты вновь сможешь устранить.

— В свое время, своим способом. — Она размышляет сколько-

то времени — может быть, микросекунду. — То, что Калава отправился в путешествие именно сейчас, — большая неудача. Я надеялась, что заселять Арктею начнет более позднее и цивилизованное поколение. Тем не менее я могла бы адаптировать свой план к обстоятельствам и скрываться от него и его потомков, если бы на планете в этот момент не оказался ты. — Она обеспокоена. — И еще не поздно. Воздерживаясь от дальнейших действий после того, как Калава будет возвращен к своим людям, ты можешь поспособствовать сохранению того, что иначе будет потеряно.

— Если захочу.

— В моей мечте нет зла.

— Об этом судить не мне. Но могу сказать, что она безжалостна.

— Потому что такова реальность.

— Реальность, которую ты сама создала для себя и в себе, могла бы быть иной. Но то, что сообщил мне Кристиан… Да, ты нашла себе оправдание. Там, — почти со слезами, если квазибог способен плакать, — там твои дети, рожденные в твоем разуме из всех людских душ, что есть в тебе. Их жизнь была бы пуста без свободы воли, без возможности делать собственные ошибки и искать собственные пути к счастью.

— Тем временем, наблюдая за ними, я узнала о том, что сформировало нас, много прежде неизвестного.

— Я мог бы поверить в это. Я мог бы поверить, что твое вмешательство и то, что в конце концов ты уничтожала одну историю за другой, служили не только научному интересу, но и милосердию. Ты утверждаешь, что могла бы продолжить их, если бы определила, какие условия лучше прежних. Но странно, что одну из линий — или не одну? — ты поместила не в прекрасное прошлое Земли, а в нынешний жестокий мир. И странно вдвойне, что именно эту эмуляцию ты не хотела мне показывать. Однако признаю: у тебя, с твоим огромным опытом и превосходящим мой разумом, были к тому причины. Твоя попытка удержать все в секрете могла иметь целью избежать долгих оправданий перед сородичами. Я не знал, так ли это, и не осмеливался судить.

— Да.

— Но тут появился Калава.

Вновь наступает молчание. Наконец Гея говорит, ее голос в ночи очень тих:

— Да. Люди вновь обитают в материальной вселенной.

— Давно? — не громче спрашивает Странник.

— Первых из них я создала около пятидесяти тысяч лет назад. С младенчества их воспитывали роботы с человеческой

наружностью. Став взрослыми, они получили свободу.

— И несомненно, достигнув каменного века и распространившись по всей планете, они и истребили крупных травоядных, свою охотничью добычу. Да, люди. Но для чего ты их сотворила?

— Для того, чтобы человечество вернулось к жизни. — То ли вздох, то ли вихрь в потоке времени. — Вот чего никогда до конца не поймешь ни ты, ни те, кому ты служишь. В них вошло слишком мало людей, да и те все стремились к звездам. Ты — и любой другой узел галактического мозга, — ты не любил Землю, не тосковал по своей изначальной матери, как многие и многие из тех, кто живет во мне. Я — люблю.

«Насколько она искренна? — думает Странник. — И насколько в своем уме?»

— Разве тебе не хватало эмуляций? — спрашивает он вслух.

— Нет. Как могло хватать? Я не способна сделать из них целый космос. Вселенная доступна лишь тем, кто из плоти и крови. Да и живут они не так, как машины или проблески душ, затворенных в механизмы, а так, как люди.

— На полумертвой планете?

— Они найдут, они должны найти способ выжить. Я их не принуждаю, не властвую над их рассудком ни своей близостью, ни знанием. Иначе их дух онемел бы и люди превратились бы в ручных животных, или даже хуже. Я лишь даю им намеки — и не часто — в виде божественных существ, в которых они все равно стали бы верить на теперешнем этапе цивилизации, и направляю их к созданию стабильного, высокотехнологичного общества, способного спасти их от расширения Солнца.

— И ты используешь то, что узнаешь из наблюдений за своими призраками, чтобы выбрать наиболее благоприятный ход истории?

— Да. Иначе откуда бы мне знать? Человечество хаотично. Его действия и их последствия невозможно вычислить на основании исходных данных. Природу человека мы можем изучать лишь путем экспериментов.

— Экспериментов над живыми существами, чувствующими боль? О, я понимаю, почему ты скрываешь почти все, что делаешь.

— Я не стыжусь, — говорит Гея. — Я горда. Я вернула жизнь расе, давшей жизнь нам. И я уверена, раса эта позаботится о своем сохранении. Может быть, они научатся достигать внешних рубежей Солнечной системы, а иные из них доберутся и до звезд. Может, они оградят Землю щитом или притушат Солнце. Решать им, и им же выполнять решение. Им, а не нам, слышишь? Им.

— Вероятно, другие с тобой не согласятся. Встревожившись или испугавшись, они могут положить этому конец.

— Почему? — спрашивает Гея. — Какая здесь для них угроза?

— Полагаю, никакой. Но у вопроса есть моральный аспект. Ведь ты стремишься к возрождению человечества в чистом виде, не так ли? Предшествующая раса отправилась к звездам в виде машин не потому, что была к этому принуждена, а по собственному выбору, ибо так ее дух мог жить и развиваться вечно. Ты не желаешь, чтобы это вновь произошло. Ты хочешь навсегда сохранить войну, тиранию, предрассудки, бедность, инстинкты, что побуждают людей сходиться друг с другом в смертной схватке. Сохранить древнюю обезьяну, нет — древнего хищника!

— Я хочу сохранить влюбленного, отца, ребенка, искателя приключений, художника, поэта, пророка. Живую часть Вселенной. Разве доступны нам, машинам, погрязшим в самоуверенности, любая мечта и решение любой загадки?

Странник медлит с ответом.

— Об этом судить не мне, а тем, кто тебе равен.

— Но теперь ты, может статься, видишь, для чего я хранила свои секреты и для чего спорила и — да! — даже сражалась по-своему против планов галактического мозга. Однажды мои люди должны открыть его существование. Я надеюсь, к тому времени они будут готовы с ним договориться. Но если за несколько ближайших тысяч лет случатся с ними великие события, если увидят они чудеса и знамения, если увидят, как меняются небеса и мир, — что за свобода останется моим детям, что смогут они, кроме как страшиться их и поклоняться им? А после — что за судьба их ждет? Они будут словно животные в заповеднике, им запретят любые опасные предприятия, и наконец — наконец и они тоже будут заперты в машинах!

Странник отвечает громче, чем до того:

— Лучше ли, чтобы они сами выбирали свой путь? Я не могу сказать, я не знаю. Но не знаешь и ты, Гея. И… судьба Кристиана и Лоринды заставляет меня думать об этом.

— Тебе известно, — говорит она, — что эти двое *мечтали* стать людьми.

— И могли вновь ими стать.

Вообрази, будто Гея качает увенчанной короной головой:

— Нет. Едва ли какой-нибудь другой узел создаст мир, чтобы вместить их смертность. Едва ли кто позаботится об этом, и едва ли кто сочтет это правильным.

— Но почему это не можешь быть ты, ведь в тебе есть столь много миров?

Гея не мстительна. Столь великий разум выше мести. Но она отвечает:

— Я не могу их принять. Познав так много, как они вернутся ко мне?

А создавать новые копии, свободные от воспоминаний, что способны отяготить их дни отчаянием, было бы бессмысленно.

— Но все же… В глубине сознания я чувствовал то, что чувствовал Кристиан.

— И я чувствовала то же, что Лоринда. Однако теперь они обрели покой в нас.

— Потому что их больше нет. Но мне нет и покоя. — В нем живет мятежный дух, ибо — увы! — плата за полное сознание состоит в том, что ты не можешь ничего забыть. — Передо мной встают вопросы, на которые, как я надеюсь, ответит Альфа. Если на них вообще можно ответить.

Проходит время — его проще измерить по квантовым смещениям, чем по движению звезд, — и Странник произносит:

— Давай вернем их.

— Теперь жесток ты, — говорит Гея.

— По-моему, мы должны это сделать.

— Если так, сделаем.

Разумы соединяются. Происходит обмен и упорядочение данных. Устанавливается конфигурация.

Она не эмулирует ни живого мира, ни живых тел. Разумы пришли к выводу, что так будет слишком соблазнительно и больно. Объектам их интереса необходимо сохранить способность к четкому мышлению, но, поскольку вопрос затрагивает их сокровенную сущность, они получат возможность испытывать столь же полные чувства, как и при жизни.

Представь себе бездонную тьму, а в ней из светлых искр сплетаются два призрака, и вот уже они стоят друг перед другом, и вот, неровно ступая, стремятся друг другу в объятия.

— Любимый мой, любимый, это ты? — кричит Лоринда.

— Ты помнишь? — шепчет Кристиан.

— Я ни на миг не забывала, даже когда была в самом сердце единства.

— Я тоже.

Они молчат, и темнота лишь дрожит от биения сердец, что были когда-то у них в груди.

— Вновь, — говорит Лоринда. — Вновь и навеки.

— Возможно ли это? — спрашивает Кристиан. Сквозь бездну смерти до них доносятся два голоса.

Первый:

— Гея, если ты отдашь мне Лоринду, я заберу ее вместе с

Кристианом домой — домой, к Альфе.

Второй:

— Дитя, желаешь ли ты этого? Ты можешь принадлежать Земле и новому человечеству.

Она получит свою долю во всех этих мирах, и внешних, и внутренних, — лишь память того огромного существа, к которому вернется; но если уйдет, лишится всего.

— Однажды я выбрала тебя, матушка, — отвечает Лоринда.

Кристиан чувствует, какая борьба идет в ее душе, и говорит ей:

— Поступай всегда так, как желаешь, любимая. Она оборачивается к нему:

— Я буду с тобой. Я всегда буду с тобой.

И тоже — лишь воспоминанием, как и он; но они станут жить вместе, единым целым, и не будут забыты.

— Прощай, дитя мое, — говорит Гея.

— Здравствуй, — говорит Странник.

Тьма рушится. Призраки растворяются в нем. Он стоит на вершине горы, готовый унести их прочь, к той, чьей частью он сам является.

— Когда ты отправляешься? — спрашивает Гея.

— Скоро.

Скоро он воссоединится с Альфой. А она останется ждать, пока звезды вынесут свой приговор.